

И. В. Савельева

**НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ И
ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Монография

Санкт-Петербург
Научные технологии
2021

УДК 316.77
ББК 81.2
С12

Рецензенты:

Т. Г. Попова – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации

Федеральное государственное казенное военное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Военный университет» имени князя Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации;

Н.Н. Штильная – доктор филологических наук, профессор.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Алтайский государственный педагогический университет

С12 Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс:
лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты.
Монография. – СПб: Научное издательство «Лань», 2021. – 139 с.

ISBN 978-5-6047314-9-9

В монографии исследуются основные свойства непрофессионального политического дискурса в свете лингвопрагматического и лингвоперсонологического подходов. В русле лингвопрагматики проводится анализ категории интенциональности с персоноцентрических и текстоцентрических позиций. Лингвоперсонологический подход позволяет установить основные модели производства непрофессионального политического дискурса, детерминированные полиинтенциональностью дискурсивной личности рядового носителя языка – автора интернет-комментариев на политическую тематику. Книга предназначена для специалистов в области лингвистики, а также для всех, кто интересуется дискурсивными исследованиями.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-012-00522
«Проблема легитимизации в политическом дискурсе:
лингвоперсонологический аспект»

УДК 316.77
ББК 81.2

© Савельева И. В., 2021
© Оформление. Издательство
«Научное издательство «Лань», 2021

ISBN 978-5-6047314-9-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение.....	5
Глава 1. Границы, структура и категории непрофессионального политического дискурса	8
1.1. Политический дискурс в онтологии научных парадигм: терминологическая асимметрия	8
1.2. Дискурс и социальный порядок: институциональность – неинституциональность	15
1.3. Дискурс и его участники: элитарная – непрофессиональная языковая личность	20
1.4. Дискурс и контекст: прагматические факторы и их эффекты.....	22
1.5. Дискурс и среда: медиатизация как фактор, определяющий существенные признаки непрофессионального политического дискурса	27
1.6. Дискурс и его участники: влияние фактора адресата на формирование непрофессионального политического дискурса	30
Глава 2. Лингвопрагматический аспект исследования непрофессионального политического дискурса	33
2.1. Теория и методология лингвистической прагматики	33
2.1.1. Зарождение прагматики в философских течениях.....	33
2.1.2. Разночтения в трактовке: широкие и узкие концепции лингвистической прагматики	34
2.1.3. Роль теории речевых актов в формировании «прагматического поворота» в лингвистике.....	36
2.1.4. Экспланаторность прагматического подхода относительно имплицитных слоев речи	38
2.1.5. Прагматика дискурса.....	39
2.2. Прагматика синтетизма: модель массперсональной коммуникации.....	41
2.3. Интенциональность как прагматическая категория непрофессионального политического дискурса.....	45
2.3.1. Интенциональность в философии.....	45
2.3.2. Интенциональность в лингвистике.....	46
2.3.3. Интенциональность политического дискурса и его жанров	53
2.3.4. Интенциональность субъектов непрофессионального политического дискурса	55
Глава 3. Лингвоперсонологический аспект рассмотрения непрофессионального политического дискурса	87
3.1. Теоретические предпосылки лингвоперсонологии	87
3.2. Лингвоперсонологический аспект описания дискурсивной личности автора интернет-комментариев на политическую тематику	92
3.2.1. Дискурсивный тип личности адресата политического дискурса	92
3.2.2. Дискурсивный тип личности субъекта политического дискурса	96
3.2.3. Дискурсивный тип личности субъекта непрофессионального дискурса.....	100
3.2.4. Дискурсивный тип личности партиципанта виртуального дискурса.....	103
3.2.5. Дискурсивные модели, производимые ДЛ субъекта НПД.....	105
Заключение	119
Литература	120
Список интернет источников.....	137

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной работе предпринимается попытка осмыслить столь непростой феномен политической коммуникации рядовых граждан в интернет-пространстве в рамках дискурсивной парадигмы, а также с опорой на категории лингвистической прагматики и лингвоперсонологии. Ключевыми вопросами, на которые попытался ответить автор, являются следующие: Каковы дискурсивные, коммуникативно-прагматические и лингвоперсонологические факторы, влияющие на формирование сферы непрофессионального общения о политике? Какова интенциональность рядовой личности, участвующей в таком общении, публикующей комментарии политического характера? Каковы типические и уникальные свойства дискурсивной личности субъекта дискурса, производимого во «втором» пространстве медийных площадок с политическими материалами? Какие дискурсивные средства использует личность рядового носителя языка для реализации глобальных и локальных интенциональных установок в сети?

Непрофессиональный политический дискурс, несмотря на бытовые формы речи, носит тематический по принципу организации, политический по содержательной характеристике, и преимущественно неформальный характер. Такой вид гибридного общения, складывающийся в новом тысячелетии, знаменует переход к новым формам человеческого взаимодействия и созданию неодискурсивных формаций политического влияния.

ВВЕДЕНИЕ

Интегративный характер и междисциплинарность современных гуманитарных исследований позволяют рассматривать некоторые основополагающие научные категории в различных контекстах. В данной работе осмыслению в лингвопрагматическом и лингвоперсонологическом аспектах подвергается специфичный, и, вместе с тем, массовый тип дискурса – **непрофессиональный политический дискурс**.

Термин выкристаллизовывается в связи с бурным развитием интернет-коммуникации и активным вовлечением граждан в обсуждение предметно-проблемной области политического на виртуальных платформах.

Причина постановки непрофессионального политического дискурса в центр нашего внимания – более комплексное и расширенное понимание политики как взаимодействия множества факторов: общественно-политических, медийных, технологических и прочих, наблюдаемая «коммуникативно-медийная демократия», то есть открытость современных платформ для производства вербального продукта, в том числе, политико-ориентированного. «Современные научные представления о политическом дискурсе разнородны, противоположны друг другу. Крайние точки зрения в определении политического дискурса связаны с «ментальными картами ученых» – так трактуются особенности индивидуальных подходов и методов в разных отраслях научного знания» [Клюев, 2013, с. 216].

Замечено, что, выбирая тот или иной объект для изучения, научная мысль движется по центробежной траектории: на начальном этапе традиционно рассматривается объект в себе, как существующий автономно, в изолированном от прилегающих сущностей и окружающих условий виде. Исследуется, скажем, его сердцевина, его ядерная часть. В лингвистике так происходило и происходит с высшей единицей языка – текстом: достаточно вспомнить базовые принципы системно-структурного подхода [Гальперин, 2007; Звегинцев, 1980; Москальская, 1981], а также коммуникативно-прагматического и когнитивно-дискурсивного подходов, пришедших ему на смену [Болотнова, 2007; Валгина, 2003; Ворожбитова, 2005; Земская, 2003; Каменская, 1990; Прагматика и проблемы интенциональности, 1988].

Постепенно структурная модель описания текста как самостоятельного, целостного образования становится недостаточной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, то есть требуется переход к интегративной модели представления текста. «Такой переход к интегративной модели осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии, 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т.е. дискурс, и текст вне такой ситуации, 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, 4) исследуются не

идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях [Карасик, 2002, с.188-189].

Если на ранних этапах развития лингвистики текста изучаются его системные категории – связность и цельность, дискретность и континуальность, хронотоп, линейность, лексикосинтаксические единицы, имеющие имманентный характер, то позднее аналитический механизм научного познания выходит за пределы текстового «целого» - перемещаясь в сферу активного мыслящего субъекта, релевантного коммуникативно-прагматического контекста и создаваемого данными отношениями дискурсивно-семиотического продукта.

Таковы законы «большого взрыва» научного универсума: по мере его развития и параллельно происходящего «расширения человека и его коммуникации» [Маклюэн, 2003] неизбежно совершается выход «из автономной зоны комфорта» (анализа отдельных языковых явлений) – к окружающим условиям и факторам, связанным с объектом, прямо или косвенно влияющим на его функционирование (комплексным речевым явлениям).

В результате в середине прошлого века на научном горизонте появляется категория дискурса – настолько негетерогенная и многомерная, что и сегодня существуют разночтения в ее понимании, и имеется крайне широкий спектр легитимных подходов к его изучению, и не менее широкий спектр номинаций дискурсотипов. Данный плюрализм объясняет введение форманты множественного числа при оперировании термином «дискурсЫ» в научный обиход (им мы также позволим себе оперировать в дальнейшей работе).

Экстенсивно-интенсивная тенденция, существующая в исследованиях дискурса, ярко проявляется и относительно категории политического дискурса. В начале «гносеологического пути» ключевыми в очерчивании границ политического дискурса становятся термины *институциональность, участники дискурса, политический институт, стратегии и тактики дискурса* (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, М. Ю. Олешков, Ю. А. Сорокин, О. Н. Паршина, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов и др.), а также *organizational discourse, the order of discourse, social construction of discourse* (Т. А. van Dijk, N. Fairclough, M. Foucault, R. Wodak и др.).

В связи с определяемыми акцентуациями существенным в анализе дискурсивных практик становится рассмотрение дихотомий «институциональный – неинституциональный дискурс», «политическая – массмедийная коммуникация», «стратегии адресата и адресанта», «политическая элита – рядовой носитель языка», «ядерные жанры политического дискурса – периферийные жанры». Релевантный характер также имеет постановка в центр внимания тех отличий, которые наблюдаются в политической коммуникации как регламентированной и подготовленной, разворачивающейся на глазах общественности, и в коммуникации межличностной, неофициальной, разворачивающейся параллельно и принимающей массовый характер.

Ярким примером может стать изучение политического дискурса, продуцируемого теми же субъектами – политическими акторами, - но коммуницирующими «за кулисами театра» политической риторики. Например, Р. Водак апеллирует к присутствию / отсутствию сценического (публичного)

компонента при порождении политического дискурса, анализируя неофициальное общение членов Европарламента в перерывах между сессиями, а также со своей семьей, характеризуя данный тип дискурса как неорганизационный (non-organizational), происходящий на заднем плане (at the backstage) политической арены [Wodak, 2015].

Очевидно, что междисциплинарность современной науки обуславливает более широкое понимание политического дискурса как коммуникативной сферы, включающей также тексты, создаваемые ретранслятором политического дискурса (СМИ) и его адресатом (общественностью) [Голев, 2011; Голев, Ким, 2017; Голев, Шпильная, 2021; Голянская, Мельник, 2019; Кошкарова, 2014; Тагильцева, 2006; Чудинов, 2020]. Представляется, что в данный момент назрела необходимость глубокого, всестороннего анализа и освещения вопросов продуцирования, структурирования и функционирования определенных дискурсивных практик, имеющих гибридную и полиагентивную природу. Таковой нам видится область **непрофессионального политического дискурса**.

Политический дискурс и его медиатизированный вариант достаточно глубоко исследованы и имеют прочный онтологический фундамент, как в лингвистическом (тексты, публичные речевые произведения, дискурсы, метадискурсы и т.п.), так и в экстралингвистическом контекстах (идеология, ценностные ориентации, целеполагание, событийный ряд, имиджевые характеристики субъектов).

Природа же и речевые механизмы непрофессионального дискурса, разворачивающегося в виртуальном пространстве параллельно профессиональным и официальным текстам как обратная связь в процессе политической коммуникации, несомненно, изучены значительно меньше, и в связи с относительно недавним интересом к рядовой личности и ее политическому сознанию, и в связи с качественно и количественно растущим виртуальным семиотическим пространством массперсональной коммуникации [Мельник, 2019; 2021].

Виртуальные формы коммуникации и дискурсы «интенсивно вторгаются в прежнюю систему письменной коммуникации, конкурируя с ее традиционными формами. Одновременно конкуренция осуществляется и внутри новых форм. Все эти процессы протекают на наших глазах, и задача лингвиста их зафиксировать, описать и интерпретировать» [Голев, 2012, с. 5].

Таким образом, вопросы комплексного лингвистического описания и реконструкции непрофессионального политического дискурса в аспекте репрезентации в нем прагматикона дискурсивной личности, ее интенциональных сценариев и дискурсивных моделей являются одними из наиболее актуальных на современном этапе развития языкознания.

ГЛАВА 1. ГРАНИЦЫ, СТРУКТУРА И КАТЕГОРИИ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОНТОЛОГИИ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ

Сегодня не будет преувеличением сказать, что дискурс – одна из наиболее модных в неолингвистике категорий. Подходы к пониманию феномена, имеющего неисчерпаемый гносеологический потенциал, выработанные в зарубежных и отечественных научных концепциях, имеют разные истоки.

В трудах по генеративной грамматике дискурсом впервые стали называть значимое сверхфразовое единство, отражающее принципиальный выход анализа естественного языка за пределы предложения [Harris, 1952]; примерно в тот же период в Европе дискурсом именуется речь в ее практическом преломлении, или «речь, присваиваемая говорящим» [Бенвенист, 1974].

С приходом дискурса как ключевой единицы научного внимания в отечественную лингвистику анализ естественного языка (речи) уже использовал общепризнанную операциональную единицу сверхфразового единства – текст. Поэтому и понятие, и само явление дискурса привели к расширению взгляда на текст; оно, по утверждению многих ученых, в русском языковедении оказалось во многом синонимично понятию функционального стиля [Клушина, 2011; 2016; Менджеричкая, 2011; Орлова, 2013; Кожемякин, 2008; Макаров, 2003].

Феномен дискурса также позволяет аспектировать взгляды на текст и высказывание, осуществив интеграцию с различными областями знания. За счет введения понятия «дискурс» «происходит обогащение как лингвистики, так соположенных с ней дисциплин» [Синельникова, 2017, с. 138].

С позиции Т. Н. Каменской «понятия дискурса и текста противопоставляются по параметру динамика коммуникации (дискурс)/статика объекта (текст), <...> отношение текст/дискурс трактуются как отношение часть/целое» [Каменская, 2013, э/р].

Не случайно Н. Д. Арутюновой сформулировано определение дискурса, отражающее его емкую семантику и очевидный интегративный характер: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова, 1990, с. 136-137].

Если в фокус исследования помещаются вопросы функционирования дискурса в социуме, его жизни как социального феномена (например, политический дискурс), то особое внимание уделяется его социально-коммуникативной природе [Халатян, 2010].

Обобщая современные российские теории дискурса, В. Е. Чернявская высказывает предположение, что значимыми параметрами в изучении и описании дискурса являются следующие:

- тема;
- хронотоп;

– адресант (в различных терминологиях: образ автора (В. В. Виноградов); языковая личность (Ю. Н. Караулов); дискурсивная личность (Е. И. Шейгал); дискурсивная языковая личность (Е. Г. Малышева));

– интенция адресанта;

– интенциональность дискурса (реализуемая через идеологемы / концепты);

– текст (реализуемый в заданном автором жанре и манифестирующий определенный стиль);

– адресат (определенный тип аудитории) [Чернявская, 2009, с.88-89].

По определению многих исследователей, дискурс – это текст, но понимаемый «расширенным» образом:

Дискурс= текст + фактор становления (В. З. Демьянков),

+ связи с культурной и социальной действительностью и ценностным миром его участников (Н. Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В. И. Карасик, П. Цап),

+ отношение к тексту его продуцента (Н. С. Болотнова, Болотнов, Дускаева, Клушина),

+ социально-исторический фон (Н. Фэрклаф, П. Серио, Р. Водак, М. Фуко, Э. В. Будаев, О. Н. Кондратьева, А. П. Чудинов),

+ когнитивный контекст / коммуникативно-прагматическая ситуация (Т. ван Дейк, Г. Сенфт, Дж. Версхуерен, А. Ребоул, А. Фетцер, Н. Н. Кашкарова, А. В. Колмогорова, И. С. Иссерс),

+ процесс его создания / порождения (речевая деятельность) (К. Ф. Седов),

+ методология исследования с выходом в семиотическое представление личностью субъективных и реальных объектов (А. А. Кибрик, П. А. Катышев, Ю. С. Степанов, М. Ю. Лотман).

В отечественном языкознании привлечение категории дискурса к анализу речи было обусловлено обращением к факторам, о которых пишет В. И. Карасик: 1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме, 2) текст – это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату, 3) существуют различные типы и жанры текстов, 4) существуют фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, – текстовые категории [Карасик, 2002, с.188].

В зарубежных работах приоритет в дискурсивном векторе сохраняется на социальное предназначение дискурса (Ю. Хабермас, Э. Лакло, Ш. Муфф, Н. Фэрклаф, Т. ван Дейк, Л. Филлипс, М. Йоргенсен, П. Бергман, Т. Лукманн). Не случайно по этому поводу М. Н. Кожина отмечает, что «понимание дискурса зарубежными коллегами (П. Серио, М. Фуко) опиралось на определение формации, было «насквозь социально-историчным», и далее: «Как хорошо высказался немецкий лингвист У. Маас, дискурс – это выражение соответствующей языковой формации “по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике”» [Кожина, 2008: цит. по Орлова, 2013, с. 21].

Однако данный вектор, заданный работами М. Фуко и П. Серио, не умаляет важность еще одного, значимого для данного исследования, прагматического угла зрения на дискурс. Прежде всего прагматический подход привлекает более широкое понятие контекста: «Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду (локуции и иллокуции), а отсюда – на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования» [Карасик, 2002, с. 190].

Таксономические традиции, сложившиеся в дискурсивно-центрированном языкознании, предопределили сложный характер и необходимость редефинирования новых коммуникативных практик, появившихся в обществе с развитой системой социальных отношений [Blommaert, 2020]. В отношениях институтов власти и общества всегда присутствуют факторы, отраженные в соответствующих дискурсивных практиках и текстах [Барт, 1994; Дейк, 2013; Чернявская, 2017; Фуко, 1996а; 1996б; Fairclough, 1998].

Невозможно очертить границы непрофессионального пространства в обширной области политического дискурса, не обратившись к научному пониманию последнего, проявляющего по отношению к объекту данного исследования родовые признаки.

Традиционное, более строгое понимание феномена политического дискурса включает речевую деятельность политических субъектов в сфере институционального общения. Во многих существующих определениях политического дискурса подчеркивается элитарность и автономность политических текстов, как созданных в институциональной «изоляции» [Паршина, 2005]. В связи с предопределяющим фактором статусного вида общения в политическом дискурсе имеет место и более строгий научный подход к его пониманию (А. Н. Баранов, В. И. Карасик, О. Н. Паршина, А. Б. Халатян, О. Л. Михалева, В. Е. Чернявская, Т. А. ван Дейк, Р. Водак, П. Серио, П. Чилтон, К. Шаффнер, Н. Фэрклаф).

Институциональность прежде всего предполагает уход от личностного и преобладание официально-статусного общения в сфере политических отношений. При исследовании институциональной природы политического дискурса в аспекте стратегий и тактик, используемых его участниками – политической элитой, О. Н. Паршина отмечает: «В институциональном дискурсе общение происходит не между конкретными людьми, а между представителями одного или разных социальных институтов (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета) и представителем другого социального института или гражданином (избирателем)» [Паршина, 2005, с. 12].

Узкое понимание политического дискурса отграничивает его от неинституциональных (персональных) дискурсов, например, от разговора о предстоящих выборах между членами семьи или от журналистских обзоров политической ситуации. Т. А. Ван Дейк в качестве основания для выделения политического дискурса указывает на наличие политической цели. Он отмечает: «...редакционная статья, комментирующая решение правительства,

парламентские выступления, дебаты или действия, а также выходки политиков, очевидно, имеют возможное политическое значение, условие и следствие. Все же мы не будем классифицировать редакционные статьи, новости или большинство телевизионных программ как «политический» дискурс, как он определен здесь, а, скорее, как медиадискурс, даже когда он также направлен на политиков» [Dijk, 1997, с.5].

Соответственно, коммуникативно-речевые сферы, в которых производится политический дискурс, включают «законодательство, внутрипартийное строительство, политическую рекламу», а к типам текстов относятся «законопроект, закон, протокол; партийная программа, комментарий; предвыборная речь, листовка, опрос, рекламный лозунг и др.» [Чернявская, 2006, с.76].

А. П. Чудиновым политический дискурс определяется как явление политической коммуникации. Это «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2013, с. 9-10]. Основными функциями политической коммуникации как целенаправленного дискурсивного действия являются «борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании» [там же, с. 10].

Многолетние исследования Т. ван Дейка показывают, что первоочередной характеристикой политического дискурса является его манипулятивность, реализация которой осуществляется через средства (в нашем понимании, стратегии дискурса) следующего порядка:

- идеологическая поляризация;
- позитивная саморепрезентация на основе позиционирования личного морального превосходства;
- обращение к аудитории «с позиции силы» и игнорирование оппозиции;
- дискредитация оппонентов;
- придание эмоциональной окраски аргументам [ван Дейк, 2013, с. 279].

Среди основных признаков институционального политического дискурса выделяют:

- конвенциональность и публичность (официальность) [Садуов, 2011; Шапочкин, 2012; Шейгал, 2000; Чудинов, 2013];
- оценочность, агрессивность, полемичность [Демьянков, 2002];
- поляризация, сокрытие отрицательных черт агентов дискурса и подчеркивание отрицательных сторон тех, против кого направлена идеология дискурса [ван Дейк, 2013; Озюменко, 2017].

С одной стороны, противопоставление институциональной, регламентированной, конвенциональной природы политических текстов и обиходно-бытового, неформального, субъективно-оценочного характера общения рядового носителя языка позволяет обозначать дискурсы, производимые в рамках ситуаций повседневного общения, однако содержательно-тематически связанные с общественно-политической проблематикой, как неинституциональные политические дискурсы.

Как пишет Е. С. Пронина, «если трактовать политический дискурс широко, то в его сферу попадает не только институциональные, но и неинституциональные формы общения, следовательно, не только речи политиков, партийные программы и так далее, но и, например, политические слухи, обсуждения политических вопросов в кругу непрофессионалов (на работе, дома), а также в средствах массовой информации» [Пронина, 2014, с. 46].

С другой стороны, среда, несомненно, играет важную роль в речевом генезисе любой коммуникации, и поэтому виртуальный характер дискурсопорождающих конститuentов не может не сказаться на научно организованной номинации дискурсов, локализованных в сетевом коммуникативном пространстве.

Полагают, что перемещение политического дискурса на платформу виртуальной сети значительно видоизменило его сущностные признаки. Также увеличился градус критичности интернет-текстов, в целом они отличаются меньшей ангажированностью и высокой степенью поляризации [Golev, 2021].

Такое явление, как массперсональная коммуникация, сложившееся по причине глобализации общения и перехода дискурсов на виртуальные платформы, придает более личностную окраску политическому дискурсу, при этом влияя на его аксиологический потенциал, выдвигая на первый план фактор «организующего» субъекта и систему его ценностных координат. Отмечается непрерывность политического дискурса как глобального диалога, не имеющего темпоральных и топосных ограничений [Павлова, 2013].

Открытый характер политического дискурса в медийной среде предполагает его прагматическую адресованность любому типу адресата (полиадресатность), называемому в этой связи размытым, неопределенным и массовым [Дискурс современных масс-медиа..., 2014; Добросклонская, 2013; Болотнов, 2015; Карасик, 1992; Копнина, 2017]. Явление обратной связи, или непрерывный радиально-иррадиальный эффект, эффект информационных волн также генерируются благодаря неограниченным возможностям виртуальных технологий [Домышева, 2008; Плотникова, 2009; Болотнов, 2015]. «Свобода» выражения мнения, обретаемая адресатом политического текста, эксплицирует еще один немаловажный признак политического дискурса в медиасреде – активную позицию адресата, получающего возможность формировать дискурсивные смыслы, реализуя палитру разнообразных интенций и репрезентируя идеологически окрашенные оценки и модусы.

Форманту НЕ-, которой оперируют ученые в процессе терминологизации ответных дискурсивных практик – реакций на политический дискурс (НЕинституциональный, НЕпрофессиональный, НЕформальный,

НЕофициальный), а также ее английский аналог (NON-) в соответствующих определениях дискурсов, противопоставленных продуцируемым в политических институтах, (non-organizational, non-professional discourse) можно рассматривать как морфологический индикатор оппозиционной, контраргументационной и контрманипулятивной природы отношений между государством и обществом, между профессиональными политиками и рядовыми гражданами. Кроме того, триада политический текст – текст СМИ – реактивный текст, на наш взгляд, принимает роль коррелята дискурсивных процессов, происходящих в недрах данного противостояния, и резюмирует выдвинутый выше тезис.

Обзор диссертационных исследований за 2000 – 2020 годы показывает, что большинство авторов при выборе объекта исследования прибегают к «родовой» характеристике совокупности текстов, организованных на основе единой содержательно-функциональной линии, указывая на общий типологический признак, оперируя понятием «политический дискурс». Соответственно, в данном выборе отражается сознательная апелляция к более широкому пониманию рассматриваемого феномена в его единстве с политическим, социально-историческим и культурным контекстом той или иной эпохи.

Наряду с данным подходом, достаточно распространенной можно назвать типологизацию, построенную в соответствии с национально ориентированной принадлежностью языковых таксономий. Так, в ряде исследований уточняется природа дискурса, категоризируемого согласно национальному признаку: русский, британский, американский, немецкий, «политический дискурс Великобритании и США» и т.п. [Антонова, 2012; Акинина, 2018; Гаврилова, 2005; Левенкова, 2011; Молодыхенко, 2010; Цуциева, 2019].

Близкий по категоризационному основанию подход избирается в работах, ставящих в фокус внимания языковой код, на котором создается дискурс, например, политический дискурс современного английского языка [Терехова, 2011].

Концептуально-понятийная сфера дискурса, а также его взаимосвязь с идеологической составляющей политики отражаются в номинациях «милитаристский», «леворадикальный», [Варламова, 2006; Вьюркова, 2017].

Как уже указывалось, локализация дискурсивных формаций также вполне заслуженно отражается в принципах терминовыбора. Следовательно, употребление варианта «политический И(и)нтернет-дискурс» сегодня имеет легитимный статус [Варламова, 2006; Диасамидзе, 2010; Никифорова, 2014; Тагильцева, 2006].

На сегодняшний день все более обширная область локализации политического дискурса – это, безусловно, современные медиа, как печатные, так и сетевые. Поэтому массмедийный или медиадискурс часто сопутствуют родовому и гиперонимическому по дефиниционному статусу политическому дискурсу [Пастухова, 2019; Цилюрик, 2013].

Так, Е. К. Павлова соотносит «публикации политической прессы США и России, речи политических деятелей», с глобальным политическим дискурсом, указывая на языковые и когнитивные структуры, характерные для коммуникации на межнациональном уровне. Ключевыми видами данной работы

являются «межнациональный и межкультурный дискурсы», «межпартийный политический дискурс» [Павлова, 2013]. Соотношение коммуникативного пространства и дискурсотипов обосновывает выделение новых видов коммуникативного пространства политического дискурса, появляющихся вследствие глобализации, и актуализирует «специфику публичного политического дискурса в этом пространстве» [Павлова, 2013].

На наш взгляд, инновационные основания для прагматически релевантного выделения уточненных дискурсотипов внутри политического дискурса находим в работе Е. Н. Молодыченко: «В американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI вв. вычленимы отдельные дискурсивные формации как языковые корреляты определенной общественно-политической практики: дискурс холодной войны (1961-1989 гг.) и дискурс нового мирового порядка (1990-2008 гг.). Они конституируются текстами, отражающими в своей концептуально-тематической и формально-стилистической структуре идеологическую обусловленность конкретной дискурсивной формации» [Молодыченко, 2010, э/р].

Таким образом, непрофессиональный политический дискурс (далее – НПД) произрастает из политического дискурса, поэтому последний является гипердискурсом и родовым понятием для первого. Непрофессиональный политический дискурс – это дискурс реагирования рядовыми гражданами на политические решения, события, происходящие в обществе в текущий момент; дискурс, возникающий в ситуациях бытового общения, в сфере межличностной коммуникации.

Однако в более значительном объеме объект нашего исследования локализован на платформе некоммуникационных сетей. Именно поэтому в центре настоящей работы находятся политические интернет-комментарии. Данные тексты запечатлевают непрерывный процесс обсуждения последних политических событий всеми теми, кто знакомится с новостным контентом медиа и проявляет особый интерес к области политического.

Виртуальное коммуникативное пространство читательских комментариев-реакций сегодня представляет собой уже не единичные реплики, имеющие производный характер и демонстрирующие принципиальную формально-смысловую связь с «материнским» текстом. Это действительно полноценный дискурсотип, имеющий свою внутреннюю организацию и конституирующие его признаки. К релевантным для данного исследования мы относим:

- 1) неинституциональность;
- 2) гибридизацию политической и повседневной сфер общения;
- 3) тематическую организацию;
- 4) субъективность и оценочность;
- 5) полиагентивность;
- 6) реактивность.

1.2. ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТЬ – НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТЬ

Выход за рамки официального политического дискурсопроизводства позволяет «под микроскопом» увидеть результаты влияния последнего на адресата. Это предопределяет необходимость остановить исследовательский взгляд на дихотомии «институциональность – неинституциональность».

Прежде всего обратимся к устоявшейся категории институциональности, определяемой как релевантной в отношении базовой дихотомии дискурсивных исследований.

Категория институциональности предполагает неравное положение участников, вступающих в общение по причине закрепленных за ними данным институтом социальных ролей. Институциональный дискурс, по мнению В. И. Карасика, «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2008, с.195].

В любом институциональном типе дискурса наблюдается асимметричная интеракция, так как положение партиципантов вряд ли может быть равнозначным. «Чаще всего институционально закрепленная неравнозначность предопределена профессиональным статусом одной из сторон (политик (профессионал) – электорат, учитель (профессия) – ученик, юрист (профессия) – клиент, профессор (звание) – студент и т.п.)» [там же]. И далее: «Институциональный дискурс исторически изменчив – исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения» [Карасик, 2008, с. 193-194].

С позиции М. Ю. Олешкова, основной характеристикой институционального дискурса является организующая функция общения. Он отмечает: «Институциональный дискурс как форма «общественной практики» отражает реальность, сохраняя, в то же время, отношения неравенства коммуникантов, определяемых ролью, статусом и другими факторами» [Олешков, 2006б, с. 121].

Разделяя взгляды В. И. Карасика, М. Ю. Олешков также отмечает, что ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента. Наряду с этим типом общения можно выделить также общение «равностатусных» субъектов: учителей, а также учеников между собой. На периферии институционального общения находится контакт представителя социального института с человеком, не относящимся к этому институту. Анализируя прагматические особенности институционального общения, ученый приходит к выводу о том, что видимая демократичность такого общения в институциональной сфере на деле подменяется отношениями неравенства, которые в дискурсе часто выражаются косвенными речевыми средствами [Олешков, 2006б, с.122-125].

В качестве системообразующих признаков, объективно присущих институциональному дискурсу выделяются:

- 1) статусно квалифицированные участники;
- 2) локализованный хронотоп;
- 3) конвенционально обусловленная в рамках данного социального института цель;
- 4) ритуально зафиксированные ценности;
- 5) интенционально «закрепленные» стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях);
- 6) ограниченная номенклатура жанров;
- 7) жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) [Олешков, 2006а; 2006б].

Анализируя особенности институционального дискурса, Т. А. Ширяева отмечает, что на основе базовой интенции можно выделить институциональный дискурс как исторически изменчивую формацию: «исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения» [Ширяева, 2007, с.103]. «Для институционального дискурса характерна более выраженная внутренняя организация, более строгое распределение внутренних концептуальных оснований дискурса, большая определенность образующих пространство дискурса единиц (текстов)» [Федулова, 2020, с.10].

М. М. Жбанков предлагает включить следующие конститутивные признаки в модель институционального дискурса:

- нейтральные признаки;
- признаки типа институционального дискурса;
- признаки институциональности;
- конститутивные признаки дискурса [Цит по: Суханов, 2018, с. 202].

Таким образом, концептуализация категории институционального дискурса в научной литературе сводит понимание феномена к следующим положениям:

- институциональность характерна для сложившейся системы ролевых отношений, опосредованных регламентом того или иного института;
- институциональный дискурс предполагает обязательную иерархию его участников;
- институциональный дискурс исторически изменчив, с изменением общественной политической ситуации, меняется и система институтов;
- институциональный дискурс разворачивается в соответствии с конвенциональными нормами, принятыми в данном типе института;
- институциональный дискурс строится в соответствии с эксплицитно выраженной целенаправленностью общения, в частности прагматика политического дискурса предопределена макроинтенцией борьбы за власть и привлечения на свою сторону как можно большего числа участников.

Соответственно, закономерным является присоединение атрибута неинституциональности к политическому дискурсу при анализе реактивной роли

его адресата. В определенном смысле реакции адресата, публикуемые на личных страницах блогосферы, на персональных страницах социальных сетей, в лентах интернет-комментариев, представляют гражданскую журналистику и институт общественного мнения. Кроме этого, система оценок и мнений, находящая выражение в неинституциональном дискурсе как в «зеркале политической системы», включает механизмы легитимизирующего действия языковой личности рядового носителя языка.

Поэтому границы институциональности, дистанцированность политического дискурса элиты от неинституционального дискурса простых граждан сегодня не отличаются строгостью и однозначно антиномическим характером. Эта особенность подмечена зарубежными дискурс-аналитиками Л. Филлипс и М. Йоргенсен, которые пишут, что следует определять границы исходя из целей исследования, то есть сообразно позиции «которую исследователь занимает относительно материала» [Филлипс, 2004, с. 219].

Анализ семантической структуры понятия «политика» приводит Н. М. Перельгут и Е. Б. Сухоцкую к выводу о том, что «узкое понимание политики предполагает институциональный дискурс, в то время как дискурсивная реализация политики в широком смысле реализуется в неинституциональном дискурсе» [Перельгут, 2013, э/р].

С. Н. Плотникова предлагает разделить политический дискурс на дискурс политиков и дискурс реагирования, что по сути означает противопоставление профессиональной и непрофессиональной речевой коммуникации. Дискурс реагирования вторичен по отношению к политическому дискурсу в том смысле, что реагирующий всегда выступает в роли человека отвечающего.

«Институциональное общение, будучи, по сути, представительским, реализует цель поддержания социальных институтов, обеспечения стабильности общественной структуры. Условия институционального общения выделяют контекст в качестве действий ритуального и символического характера, типичных хронотопов, клише и трафаретных жанров [Карасик, 2007: 192: цит по: Суханов 2018, с. 202]. И если дискурс политика является институциональным, то дискурс реагирования носит неинституциональный характер, а цели его участников часто соотносятся с деструктивно-либеральными намерениями. В нем «легитимируется право автора не только на следование правилам и образцам, но и на отклонение от них – право на оригинальность» [Бальбуров, 2005, с. 36].

Согласно мнению В. И. Карасика, комментарии пользователей, в которых обсуждаются вопросы как бытового, так и политического характера, находятся в пространстве личностно-ориентированного дискурса. «Важнейшей смысловой оппозицией, позволяющей противопоставить основные типы дискурса при таком подходе к его изучению, является противопоставление личностно ориентированного и статусно ориентированного дискурса. В первом случае участниками общения выступают личности, т.е. люди в их метафункциональном проявлении, во всей возможной полноте их характеристик, во втором случае – представители тех или иных социальных групп, осмысливаемые сугубо функционально [Карасик, 2015б, с. 73-74].

Помимо данного принципа, можно указать на триаду «топик – формат – модус», второй элемент которой тесно связан со статусом участников коммуникации. Формат общения в непрофессиональном дискурсе о политике не связан определенными строго ограниченными типами речи и стиля, каноны употребления дискурсивных формул не определены. Однако жанровое своеобразие прослеживается. Непрофессиональный политический дискурс в виртуальном пространстве сопрягается с жанрами комментария к статье, к мультимодальному тексту (видеонюжливости с коротким сообщением), интернет-чата, форума, непрофессионального блога и т.д.

Описывая субъективный подход к изучению дискурса, В. И. Карасик отмечает, что «важнейшей смысловой оппозицией, позволяющей противопоставить основные типы дискурса <...> является оппозиция лично ориентированного и статусно ориентированного дискурсов. В первом случае участниками общения выступают личности, т.е. люди в их метафункциональном проявлении, во всей возможной полноте их характеристик, во втором случае – представители тех или иных социальных групп, осмысливаемые сугубо функционально» [Карасик, 2015б, с. 74].

Данное определение актуализирует значимость анализа непрофессионального дискурса с позиций лингвопрагматики и лингвоперсонологии. Первый аспект приобретает особую важность, так как система прагматических установок непрофессионала в политике и интенций адресата политического текста, вербально реагирующего на медийно-информационный источник политических событий, оказывается не достаточно изученной. Второй, лингвоперсонологический ракурс рассмотрения реактивной роли непрофессиональной личности адресата, выступающего как субъекта дискурса, позволяет установить критерии варьирования личностью дискурсивных средств.

Попадая в виртуальный мир дискурса, субъект-адресат вовлекается в спонтанную письменную интеракцию и начинает воспринимать дискурсивную политическую реальность и систему формирующих данный тип реальности событий как жизненно важные и необходимые. Такое восприятие политики дает субъекту право конструировать непрофессиональный, обыденный вариант дискурсивной реальности согласно особенностям своего миропонимания, с использованием средств персонального речевого репертуара.

Неинституциональный тип дискурса позволяет участникам оставаться индивидуальностями, разговаривать на уровне, доступном и привычном для их языковой личности. Продуцируя дискурсы на различные темы, в том числе и политические (то есть содержательно привязывая коммуникацию к определенной тематической сфере), участники неформального общения свободны в способах выражения своего мнения, допускают вариативную свободу в избираемых стратегиях и тактиках дискурса, в подходе к описанию ситуации (с привлечением знаний из другой области или, более узко, в пределах темы), в коммуникативном стиле, избираемом для общения (например, конструктивном или деструктивном). Не исключается вариант порождения данного типа дискурса и профессиональными политиками, но при этом

обозначенные выше детерминанты будут иметь более спонтанный характер. По всей вероятности, языковой индекс присутствия личностного начала в дискурсе таких личностей будет значительно выше, чем в статусной коммуникации.

Согласно типологии, в основе которой лежит качество источника дискурсопорождения, тексты-отклики на сообщения СМИ можно отнести к сфере неинституциональной коммуникации, разворачивающейся в виртуальной среде на платформе медийных изданий. «Тенденции к избирательности форм обратной связи в официальных СМИ противостоит интернет-коммуникация во всём разнообразии её жанровых форм. Любая новость получает в Сети разносторонний комментарий. Сленговым словом «сабж» именуется предлагаемая на ресурсе тема для обсуждения, участники которой проявляют противостояние на уровне обыденного сознания» [Синельникова, 2014, с. 98].

Участие непрофессионалов, рядовых граждан в продуцировании политического дискурса – примета времени и результат виртуализации коммуникации. Согласно А. П. Чудинову, «каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации». Другими словами, группа, которая раньше рассматривалась в качестве объекта политического дискурса, адресат политического текста теперь, во многом благодаря Интернету, может также осуществлять политическую коммуникацию, результатом которой также будут тексты о политике [Чудинов, 2006, с. 6].

Снижение официального «духа» в политических речах и текстах также подмечается исследователями. Прагматическая детерминированность институционального политического дискурса, его целенаправленный, стратегический и манипулятивный характер заставляют привлекать слои языка, свойственные неформальному стилю речи – без них не может состояться успешная коммуникация политического субъекта и масс. «...Демократические изменения в российском социуме последнего десятилетия обусловили «синтетические» процессы в сферах бытования некоторых институциональных дискурсов (политический – синтез официально-делового, публицистического стилей и «сниженного» вплоть до фени...) [Олешков, 2006, с.121] «Необходимо отметить, что в последнее время в российскую политику пришло много новых слов сниженного стиля – *мочить террористов в сортире...*» [Попова, 2012, с. 96].

Итак, конфигурация пространства непрофессионального дискурса симультанно захватывает несколько коммуникативных сфер: 1) политика (институциональность и статусный характер общения); 2) обыденное общение (вне статуса, человек репрезентирует свою личность вне института); 3) повседневное общение (может протекать и в стенах института, но тематически более диффузно и менее ритуализировано); 4) виртуальная коммуникация (общение, опосредованное технологиями и имеющее непредставленный характер) и массмедийный дискурс (как наиболее массовый, порождаемый политическими институтами, институтом СМИ и рядовой личностью, выступающей в коммуникативной роли адресата).

1.3. ДИСКУРС И ЕГО УЧАСТНИКИ: ЭЛИТАРНАЯ – НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Снижение градуса элитарности лингвистики отразилось и на ее объектах. «Говоря об индивидуальном сознании, присущем ему инвентарю знаний, мы имеем в виду не только научные или книжные, но также, и даже в первую очередь, - житейские и практические знания» [Кацнельсон, 1984, с. 4].

Как пишет Н. В. Мельник, «традиционно внимание исследователей направлено на исследование продукта речевой деятельности элитарной языковой личности, писателей, поэтов, ораторов – мастеров слова, поэтому само понятие «языковая личность» разрабатывается применительно к образу автора художественных произведений» [Мельник, 2010, с. 59].

Сдвиг в исследованиях на рубеже тысячелетий наблюдается от языка художественного вымысла и философско-эпистолярных жанров, продуцируемых исключительно профессионалами, мастерски владеющими всеми тонкостями слова, а также известными публичными деятелями, к языку естественному, функционирующему преимущественно в диалогических жанрах повседневного общения. Носителем и продуцентом последнего является обычный, часто называемый рядовым, носитель языка.

Тенденция к сдвигу в сторону «низов» была подмечена Ю. Н. Карауловым, который описывал «фон, на котором происходило становление теории языковой личности и научной школы в целом», отмечая смещение «во всех гуманитарных областях (особенно в истории, социологии, лингвистике) фокуса исследовательского интереса от элитарного человека, от «авторитета» к простому смертному, к «миноритету» и от жизни в эпохальном историческом времени – к обыденному существованию человека в его рутинной повседневности» [Караулов, 2010, с.15].

На современном этапе развития общества происходит демократизация и самого объекта лингвистики – языка во всех его проявлениях – он обретает новые формы и нормы. Сегодня, по замечанию В. Г. Костомарова, «наиболее ярко демократизируются такие сферы литературного общения, как массовая коммуникация, включая сюда письменный язык периодики». И далее: «...для характеристики этих весьма бурно разворачивающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий» [Костомаров, 1996, с. 5].

Обыденный уровень сознания и языкотворчества позволяет отнести те виды производимого неэлитарной личностью дискурса, которые интерпретируют идеологическую и прагматическую сущность политики в личностном преломлении, к обыденному политическому дискурсу [Голев, 2011; 2013; Ким, 2020; Мельник, 2020].

Н. Д. Голев ставит акцент на репрезентации политической картины мира в текстах, не относящихся к официальным, в частности, в интернет-комментариях, таким образом прокладывая путь для целой серии работ, в которых под разным углом зрения анализируются современные интернет-сайты, «поощряющие»

народное комментирование политических событий. Вслед за ученым этот термин принимается рядом исследователей, изучающих феномен виртуального дискурса и виртуальной языковой личности [Богачанова, 2021; Голев, Шпильная, 2021; Ергалиева, 2018; Ким, 2020; Красильникова, 2011; Мельник, 2020; Оленев, 2021; Савельева, 2018].

Гипертекстовое интернет-пространство, активно формирующееся вокруг медиапубликаций, освещающих политику в стране и за рубежом, имеет особенность актуализировать как профессиональное, так и обыденное сознание носителей языка [Голев, 2011, с. 66]. Обыденный уровень политического сознания формируется на основе непосредственного восприятия будничной жизни общества и проявляется в эмоционально-рассудочном осмыслении действительности. Данный уровень характеризуется неустойчивостью, «размытостью» взглядов, как правило, не перерастающих в твердые убеждения. Так как обсуждение в комментариях к интернет-статьям политических событий ведется на уровнях от профессионального до бытового, данный тип дискурса обозначен как обыденный политический дискурс [Голев, 2011; Каменева, 2016; Языковая личность, 2014]

По мнению Н. Н. Шпильной, диалогический текст, продуцируемый виртуальной личностью, как наиболее актуальный в современной сетевой коммуникации, обладает потенциями деривационного развития в системоцентрическом и антропоцентрическом планах. Прагматически обусловленное преобразование означающего в данном типе текста эксплицирует непрерывный мотивационно-деривационный процесс, в основе которого лежит механизм диалогической цитации. «Приоритет профессиональных дискурсивных практик по отношению к обыденному интерпретационному сознанию провозглашается в силу того, что медиатекст рассматривается как инструмент информационного воздействия, регулирующий его восприятие членами языкового сообщества» [Шпильная, 2020, с.23].

В. В. Фенина, рассматривая интернет-комментарии, как продукт массмедийного политического дискурса, отмечает: «В поле зрения исследователей «обыденного» политического дискурса попадают разнообразные речевые жанры, охватывающие как сферу устной или письменной бытовой коммуникации (разговоры о политике «на кухне», политические анекдоты и карикатуры, протестное письмо), так и сферу компьютерно-опосредованной коммуникации (экстремистские виртуальные сообщества, демотиваторы, блоги и интернет-комментарии на политические темы). Не следует недооценивать роль подобных жанров в построении политического дискурса и его воздействии на общество [Фенина 2015, с. 29]. Диапазон номинаций НПД, наблюдаемый в пределах одного авторства, вызван необходимостью охватить полидискурсивный, одновременно сплавливающий разные типы дискурсов характер НПД, а также его вариант, возникающий на интернет-платформах СМИ.

1.4. ДИСКУРС И КОНТЕКСТ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ЭФФЕКТЫ

Первыми о необходимости изучения языка в контексте заговорили сторонники прагматического направления. Термин «ситуационный контекст» (context of situation) был введен Малиновским в 1923 году, как продолжение разработки контекста лингвистического. Данное понятие Б. Малиновский использовал как коррелят диаде «знак – ситуация» Ч. Огдена и А. Ричардса. Если слово ничего не значит вне лингвистического контекста (ко-текста, окружения, актуального значения), то высказывание, произведенное в процессе коммуникации посредством естественного языка, не имеет смысла без ситуативных связей [Malinowski, 1923, с. 296].

Один из ранних теоретиков контекста, Г. Кук, определяет контекст как схематическую конструкцию. Достижение прагматического значения – это вопрос сопоставления лингвистических элементов кода со схематическими элементами контекста. По его мнению, контекст – это всего лишь форма познания мира, и термин «контекст» можно употреблять в широком и узком смысле. В узком смысле это относится к факторам (знанию) вне рассматриваемого текста. В широком смысле он относится к (знанию) этих факторов и к (знанию) других частей рассматриваемого текста, иногда называемых “со-текстом” (co-text)» [Cook, 1994, с. 24].

Ситуативное использование языка всегда разворачивается относительно сложного коммуникативного фона, имеющего многоуровневые связи с языковым продуктом. Поэтому на первом месте в прагматической теории контекста Дж. Вершуерена (главным образом коммуникативного) находятся участники коммуникативной ситуации – говорящий / пишущий и слушающий / читающий. Без них акта производства речи (дискурса) не может быть. «Бесмысленно говорить о существовании дискурса для одного человека. Нужна оппозиция как минимум двух личностей, двух сознаний, чтобы родился и зажил полной жизнью дискурс» [Федулова, 2020, с.8].

Как перед говорящим, так и перед слушающим всегда стоит выбор. Для первого ситуация выбора связана с поиском языковых средств, наилучшим образом реализующих его стратегию. Для второго – выбор интерпретации [Verschueren, 1999].

Модель Дж. Вершуерена строится вокруг категории применимости (adaptability). Чтобы ответить на вопрос о возможных взаимных сочетаниях высказываний, как ситуаций применимости языка, необходимо установить корреляты применимости (в нашем понимании, возможен термин «уместность»), мотивирующие выбор речевых средств участниками дискурса. Дж. Вершуерен также четко разводит коммуникативный и лингвистический контекст, добавляя в свою модель дополнительные сферы более широкого контекстуального пространства (рис.1).

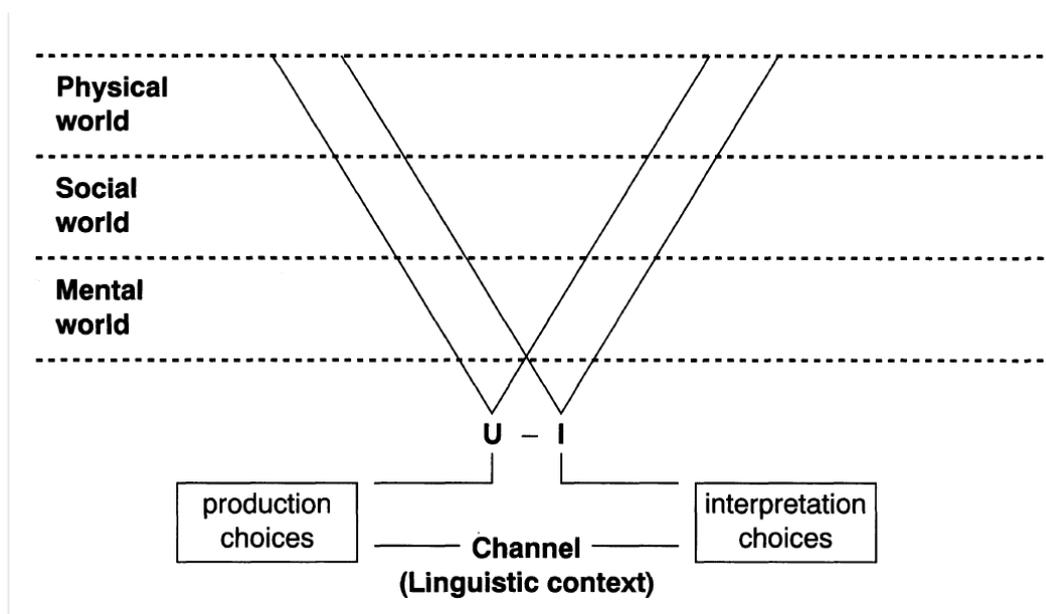

Рисунок 1. Контекстуальная модель дж. Вершуерена

Данная модель называется «Контекстуальные корреляты применимости» (Contextual correlates of adaptability). В центре располагаются две коммуникативные роли: говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) (соответственно U - utterer, I - interpreter). Говорящий должен сделать выбор языковых средств при производстве высказывания, а слушающий также стоит перед выбором нужных структур для интерпретации произнесенного говорящим. Канал сообщения содержит элементы ближнего контекста (здесь: лингвистического). При передаче сообщения у участников активизируется ментальная сфера (когнитивный коррелят применимости). В момент передачи участники (в целях чистоты прагматического эксперимента) выполняют социальные роли (социальный/общественный коррелят применимости) и физическое состояние (темпоральные характеристики, голос и помехи). Как только появляется потребность в речевой коммуникации, когнитивные механизмы активизируют элементы ментального, социального и материального миров (контекстов). Выбор и конфигурации каждого из данных миров сопрягаются с особенностями ментального аппарата участников коммуникации. В данной теории необходимыми «ингредиентами» коммуникативного контекста являются: участники (utterer – interpreter), для которых в прагматическом отношении актуальны категории дейксиса, голоса (полифонии), роли, количества, присутствия, ментальной сферы (персоносферы, ее когнитивной и эмотивной сторон) [Verschueren, 1999, с. 76].

Несмотря на общие смыслы и общий (частично) социокультурный фон) участников, контекст никогда не может совпадать полностью. Также значение имеют социальный мир (культурный и институциональный контекст), физический мир (пространственно-темпоральные и телесные характеристики) и материальная база для существования высказывания (меняются технологии и те или иные высказывания исчезают из коммуникации или появляются в ней); лингвистический канал (коммуникации), лингвистический контекст (когезия,

интертекстуальность, порядок речи). Манипуляция контекстами и контекстуализация – метакатегории, которые наблюдаются в процессах коммуникации и эксплицируют точки соприкосновения лингвистического и экстралингвистического компонентов коммуникации [там же, с.77].

И. П. Сусов, описывая прагматический контекст «(все то, что находится вне данного высказывания: словесное окружение, условия протекания действия)», указывает на размытость и неопределенность данной категории. Данный термин, по его словам «неконкретный», предпочтительнее использовать термин «обстановка» и «фоновые знания» субъекта речевого действия [Сусов, 2009, с. 60]. «Речевое действие однократно, сиюминутно, как и речевое событие в целом, в состав которого оно включено. Каждый речевой акт предполагает создание Говорящим именно на данный конкретный случай коммуникативно-прагматического пространства с конкретным составом его элементов» [Сусов, 2009, с. 80].

Прагматика знака как одна из характеристик, конституирующих его суть и функционал наряду с семантикой и синтактикой, не может быть установлена без соотнесения его с реальной ситуацией общения, с его «ареалом» обитания, который есть же и ареал обитания его носителя. Релевантность учета фактора контекста была сформулирована Дж. Остином следующим образом: «Употребление слов действительно есть обычное или даже главное событие в осуществлении определенного типа действия (спора или чего-то в том же духе), и это осуществление действия является целью употребления, но обычно и даже, может быть, никогда нельзя осуществить какое-либо действие при помощи одних только слов. В целом всегда необходимо, чтобы обстоятельства, при которых употребляются слова, были бы соответствующими, и обычно является необходимым также, чтобы Говорящий и другие участники речевого акта тоже совершали определенные другие действия, будь то «физические» или «ментальные» действия или даже действия произнесения каких-то других слов» <...> ...трудно, как вы понимаете, сделать подарок, произнеся слова «Я тебе дарю это» и не имея при этом ничего в руках». [Остин, 1999, с. 19].

Категория контекста, как более узкая интерпретация, близкая по значению к синтактике знака, то есть ко-текст (Г. Кук), так и более широкая, то есть социокультурная ситуация порождения определенного типа дискурса (Т. А. ван Дейк, Дж. Вершуерен) это и есть тот принимаемый во внимание фактор, который позволяет установить конкретный факт применения языка его носителем здесь и сейчас.

Учитывая философские корни лингвистической прагматики, небезынтересно отметить понимание дискурса по отношению к тексту и контексту в философии языка. Как считает И. Т. Касавин, «неотъемлемым признаком обыденного языка является ситуационность – язык употребляется всегда в определенной ситуации. Язык выступает как “орган сейсмического восприятия”, на который действует одновременно множество факторов» [Касавин, 2004, э/р]. Ситуативность языка имеет исторический характер и обеспечивает создание новых структур, которые сохраняются и после исчезновения ситуаций. Далее, И. Т. Касавин пишет: «Не существует никакого

«индивидуального» разговорного языка, язык отличается групповым характером. В этом отношении особую важность имеют следующие факторы: группа-носитель языка; отношение индивида к группе; отношение группы к другим группам; динамика внутри группы [Касавин, 2004, э/р].

П. Цап определяет контекст, при этом отмечая всю противоречивость и размытость понятия, следующим образом: «это фоновый каталог ситуаций и высказываний и их физических последствий, определяющий функцию текущего высказывания, объединенную предысторию лингвистического опыта говорящего и слушателя, включая набор ожиданий, которыми обладает говорящий до вступления в коммуникацию в отношении эффекта актуального высказывания» [Сар, 2010, р.197].

Разрабатывая теорию референции, Дж. Юл также учитывает категорию «контекста». Его определение более широкое: «контекст - это физическая среда, в которой используется слово» [Yule, 1996, с.128].

Контекст политического дискурса опирается на пресуппозитивный фон субъектов. Например, прецедентные тексты, политические клише создают необходимые условия для протекания процессов воспроизводства власти на основе эффекта узнавания [Ведрева, 2005; Переверзев, 2008; Чудинов, 2003]. Институциональная специфика контекстов политического дискурса формируется, в том числе, и за счет снижения роли пространственно-временных характеристик «что создает определенный онтологический контекст, в рамках которого проявляются такие свойства дискурса, как фидеистичность и эзотеричность» [Переверзев, 2008, с.78].

Контекст, по мнению Т. Г. Добросклонской, «важнейшая экстралингвистическая составляющая структурных определений дискурса», которая включает такие аспекты, как «исторический, временной, социальный, политический, культурно-идеологический» [Добросклонская, 2014, с.182].

Перечисленные аспекты вступают как релевантные особенно при обращении к феномену политического медиадискурса, так как «охватывают самый широкий спектр реалий политической и культурной жизни, устойчивых идеологием и фоновых знаний, иначе говоря, всего того, что формирует то или иное коммуникативное пространство» [там же, с.108].

В целом в дискурсивных исследованиях выделяет три типа контекста: лингвистический, ситуационных и социокультурный (linguistic context, situational context and cultural context). Лингвистический контекст относится к контексту внутри дискурса, то есть к отношениям между словами, фразами, предложениями и даже абзацами [Макаров, 2003].

Лингвистический контекст может быть исследован с трех сторон: дейктического, со-текста и коллокации. В языковом событии участники должны знать, где они находятся в пространстве и времени, и эти особенности напрямую связаны с дейктическим контекстом, под которым мы подразумеваем дейктические выражения, такие как временные выражения "сейчас", "тогда" и т. д., пространственные выражения "здесь", " там "и т. д., а также личностные выражения "Я", " ты " и т. д. Дейктические выражения помогают установить дейктические роли, которые вытекают из того факта, что в нормальном языковом

поведении говорящий адресует свое высказывание другому человеку. может относиться к самому себе, к определенному месту или времени [Кибрик, 2009; Yule, 1996].

Немного иначе понимает контекст Т. А. ван Дейк. Он рассматривает его как внутреннее ментальное состояние. В категорию контекста входят участники, условия речепроизводства, актуальная политическая ситуация в стране и в мире, интенциональный посыл продуцента, словом, все те факторы, которые косвенно и напрямую влияют на отбор дискурсивных стратегий и тактик продуцента. Модель Т. А. ван Дейка имеет комплексный и динамический характер. Она стремится впитать все те подходы к определению контекста, которые уже существовали ранее: ближнее и дальнее текстовое окружение (интертекстуальность), грамматический контекст (валентность слова в предложении), семантический контекст (его актуальное значение), уместность его использования (прагматическое значение), ментальные репрезентации (фреймы знаний о социокультурных ситуациях), коммуникативную компетентность (интерпретация ситуации) и диахроническую координату (исторически меняющаяся политическая действительность) [ван Дейк, 2003].

Более того, Т. А. ван Дейк не забывает и о внутренней эмоциональной памяти личности (биография и эмоциональное состояние, влияющие на выбор дискурсивных средств). Внутренняя ментальная контекстуальная модель несет контролирующую функцию при производстве дискурса [ван Дейк, 2003].

Подобное понимание контекста значительно расширило границы объекта лингвистического исследования. Появились соответствующие классификации контекста, которые организуют многочисленные подходы, принимаемые за точку отсчета при анализе дискурсов. Например, М. Л. Макаров выделяет внешний и внутренний контекст. Внешний контекст – обращенность дискурса вовне – объект пристального внимания лингвопрагматики, внутренний – предопределен когнитивной базой его продуцентов, «ментальной сферой общающихся индивидов» [Макаров, 2003, с.94].

Цель данного исследования включает релевантность прагматического контекста. Как считает Дж. Версхурен, прагматика выходит далеко за пределы лингвистики. В нашем исследовании мы отмечаем выход прагматики в лингвоперсонологические аспекты дискурсивной деятельности личности рядового носителя языка – субъекта непрофессионального политического дискурса.

В любом случае, контекст – величина, которая очень сложно поддается измерению, когда генерируется высказывание, оно не только создается в контексте, оно и само создает контекст: культурный, исторический, прагматический и т.д. В нашем исследовании контекст – это амбивалентная категория (величина), представляющая интенциональное персонное пространство, порождаемое многочисленными участниками непрофессионального политического дискурса в процессе реализации ими индивидуальных коммуникативных целей.

1.5. ДИСКУРС И СРЕДА: МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Медиатизация, затронувшая практически каждую сферу жизни общества, в значительной мере способствует вовлечению в письменную коммуникацию, предметно связанную с общественно-политической проблематикой, как общественных институтов, так и рядовых граждан.

Многие исследователи отмечают нарастающую информационную волну и «значимость медиакommunikации не только на уровне индивидуальных практик, но и коллективных, общественно значимых, профессиональных».

В. П. Коломиец считает, что процессы медиатизации образуют совокупность сетевых структур, которые имеют стихийный характер и проявляют свойства эмерджентности. По его замечанию, в каждой сети доминирует та или иная медиадискурсивная практика. «Когда сетевые структуры сливаются в медиакommunikацию, то возникает плохо предсказуемая форма поведения, от которой зависит будущее медиаиндустрии. Подобное сложение принято называть эмерджентным, для которого целое больше, чем сумма его частей» [Коломиец, 2019, э/р].

С точки зрения Т. Г. Добросклонской, в современной науке для обозначения этой новой виртуальной территории без государственных границ и осязаемых барьеров используется целый набор терминов и понятий, относящихся к одному семантическому ряду. Они подчеркивают ту или иную сторону массовых коммуникационных процессов, а именно: «информационное пространство, информационная среда, информационное поле, медиасреда, медиаландшафт, инфосфера» [Добросклонская, 2014а, с.6].

В связи с упомянутыми процессами в лингвистике сформировалась новая отрасль знания – медиалингвистика, в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербурга, издается научный журнал с одноименным названием [Добросклонская, 2014а].

Понятийный аппарат политических наук также расширился за счет включения значительного числа новых терминов описывающих предметную область медиакommunikаций. Так, в исследованиях политического дискурса сегодня вполне применимы термины: «медиакратия», «медиатизация политики», «политический медиадискурс» [Добросклонская, 2014а; 2014б; 2014в; Дускаева, 2012; Переверзев, 2008; Русакова, 2019; Синельникова, 2014; Ширяева, 2012; Шмелева, 2015].

С точки зрения Р.Т. Садуова, «подход к политическому дискурсу как к опосредованной масс-медиа институциональности расширяет и усложняет понимание текста и дискурса» [Садуов, 2011, с. 17]. «Политика и СМИ состоят в отношениях “симбиоза“. Большая часть политики делается как бы “за кулисами“, на виду остается только ее публичная часть. И именно в этой точке происходит соприкосновение политики и средств массовой коммуникации» [там же, с. 16].

Транслируемый с помощью каналов медиа политический дискурс обладает способностью проектирования и форматирования данного типа сознания,

виртуального конструирования политической реальности, формирования социально значимых и ценностно-ориентированных медиаобразов, фильтрации и ранжирования информации [Русакова, 2019].

Нацеленность информирующего и аргументирующего воздействия политической власти на адресата способствует расширению арсенала средств, используемых для укрепления своих позиций и формирования устойчивой политической картины мира в массовом сознании. В связи с этим, происходит процесс «персонализации политики», когда политические события главным образом отождествляются с конкретными политическими фигурами, а простые граждане воспринимают деятельность политических институтов как «политику в лицах» [Хазиева, 2018].

Рост возможностей для достижения желаемого эффекта сопровождается и усилением обратной реакции, порождаемой представителями общества в виде непрофессиональных дискурсов. «Наиболее рельефно медиакommunikация проявляется в обыденном поведении людей, которое с развитием цифровых технологий и Интернета приобретает инструментальный характер. Коммуникативный инструмент становится постоянным посредником между сознанием индивида и окружающим его миром. По мере цивилизационного развития индивидуальная “картина мира” все в большей степени детерминируется медиакommunikацией» [Коломиец, 2019, э/р].

Определяя сущностные черты медиадискурса, Е. Г. Грибовод также указывает на возрастающее значение коммуникационных операций граждан в сочетании с элементами интерактивного общения с аудиторией [Грибовод, 2013]. В результате названных процессов различные виды дискурса инкорпорированы сегодня в речевую фактуру масс-медиа таким образом, что отделить один от другого подчас невозможно. Поэтому медиаполитическое пространство новейшего времени характеризуется диффузностью [Русакова, 2019; Ширяева, 2012].

Кроме того, наблюдается явление жанровой, стилистической, идеологической мимикрии, что также выводит на поверхность прагматически обусловленное перетекание некогда фиксированных и воспроизводимых в одном предметно-речевом поле означающих в иные дискурсивные формации. Ссылаясь на мнение Н. Больша о том, что «политики разыгрывают свои спектакли не в парламенте, а в медиа», О. В. Ширяева отмечает и другую сторону технической опосредованности политического дискурса: это его развлекательный характер. В качестве примера называются фигуры политиков, которые в большей степени медиаличности, «звезды», чем многие деятели искусства [Ширяева, 2012].

Данный тезис коррелирует с универсальным свойством коммуникации, впервые отмеченным М. М. Бахтиным и названным им «карнавализации общения» [Бахтин, 1979]. Теория драматического действия И. Гоффмана также представляет дискурсы, рождающиеся в процессе социального взаимодействия как «спектакли» [Вахштайн, 2003]. Театральность – неотъемлемый признак публичного дискурса, интенциональная природа которого – стремление представить «вербального себя» в более выгодном свете. Не только публичное

лицо «надевает маску» в процессе речетворчества, но и обычный человек в ситуации публичного общения также проявляет тенденцию к «амальгамированию» своей личности.

Ю. В. Ключев полагает, что информатизация общества изменила человека, превратив его в зависимого от сообщений, публикуемых СМИ: «под воздействием средств массовой коммуникации личность как самостоятельный субъект действительности слабеет, растворяется в информационном контенте, формирование которого происходит не системно, сумбурно, фрагментарно» [Ключев, 2013, с. 216]. Политический дискурс, включенный в сферу массовой коммуникации, неизбежно претерпевает в этой связи определенные трансформации. «С помощью сообщений масс-медиа формируется публичный политический дискурс, всегда связанный с идеологическим содержанием, политическим контекстом и подтекстом. Политический дискурс – это частное выражение публичного дискурса, он воплощается в коммуникативном взаимодействии людей, рассуждающих, дискутирующих и выступающих по актуальным вопросам политической проблематики» [там же, с. 216].

Проблема медиатизации активно обсуждается в работах зарубежных дискурс-аналитиков [Clayman, 2002; Fairclough, 1998; Fetzer, 2006; Scollon, 1998; Van Zouven, 2017]. В лингвопрагматических исследованиях политического дискурса в эпоху его всеохватывающей медиатрансляции отмечается тенденция к обыденности, разговорному характеру и диалогизации данного типа коммуникации. Так, в работе А. Фетцер и Э. Вайсман говорится о следующих изменениях, претерпеваемых политической риторикой в связи с ее распространением через СМИ: во-первых, политика превратилась в целую медиаиндустрию, а во-вторых, преимущественно монологические формы политической речи, имевшие место в 50–80-е годы 20 века, больше не являются уместными в контексте англоязычной политической коммуникации.

Кроме того, в результате широкого применения стратегий диалогизации политический дискурс приобретает характеристики псевдо-демократического [Fairclough, 1998]. При этом происходит развитие культуры аргументирования (Д. Таннен) [Fetzer, 2006, с. 146].

Наблюдаемый сегодня процесс конвергенции политических дискурсивных норм с разговорными отмечается американским коммуникативистом, основателем журнала «Media, Culture and Society», автором книги «Media and Communication» (2007) профессором П. Скэннеллом: «Голоса на радио и на телевидении звучали и звучат в обиходно-бытовых ситуациях, представляющих часть социального устройства общества, а именно семейного быта и его устроителей – обычных граждан. Такая популярность СМИ неуклонно ведет к тому, что коммуникативный стиль и манера вещания приближаются не только и не столько к нормам публичных форм общения, сколько к нормам обычной, неформальной беседы, ибо это в подавляющем большинстве случаев предпочтительный коммуникативный стиль взаимодействия между людьми в рутинных контекстах повседневной жизни и особенно в тех местах, где они живут» [Scannel, 1991: Цит. по Fetzer, 2006, с. 146].

1.6. ДИСКУРС И ЕГО УЧАСТНИКИ: ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА АДРЕСАТА НА ФОРМИРОВАНИЕ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В параграфе 1.3 мы рассмотрели два типа личности участников политического дискурса на основе оппозиции «элитарная – непрофессиональная языковая личность». Однако порождающий субъект, взятый в аспекте непрофессионально речевой деятельности, в первую очередь видится в роли адресата политических текстов СМИ.

Категория адресата занимает важное место в антропоцентрически ориентированном языкознании. Так, в теории речевых актов (ТРА), это условное неконкретное лицо, в отношении которого производится речевое действие. Речевое действие (речевой акт), состоящее из трех компонентов – локуции, иллокуции и перлокуции, рассчитано на абстрактного слушающего/читающего. Фактор распознавания иллокуции говорящего/пишущего адресатом определяет эффективность (коммуникативную удачу) или неэффективность (коммуникативный провал/неудачу) речевого акта. По результатам воздействия речевого акта, производимого говорящим, определяется перлокуция высказывания, в ТРА также называемая перлокутивным эффектом [Остин, 1986; Серль, 1986; Вендлер, 1985].

ТРА учитывает факторы иллокутивной силы и перформативности, но не принимает во внимание адресата конкретных типов речевых актов в логическом анализе единиц речевого общения. Адресат вступает в коммуникацию в определенном аспекте, амплуа или функции. На это упущение обращает внимание Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1981]. По ее замечанию, речевому реагированию не отводится та роль, которая присутствовала на тот момент в психолингвистических исследованиях [там же, стр. 359]. «Каждый речевой акт рассматривается <...> сам по себе, вне контекста общения, сцепляющего его с другими актами речи [там же, стр. 359].

Н. Д. Арутюнова подчеркивает важность функционирования адресата, его роли в восприятии и интерпретации сообщения. «Переход к речевому реагированию превращает получателя речи в говорящего» [там же, стр. 359]. Адресат свободен в выборе тактик реагирования, в том числе, его реакция может иметь «оборонительную цель». Иными словами, адресат вступает в коммуникацию, в том числе, и по причине желания восстановить коммуникативный баланс. Таким образом, акт инициации и акт реакции образуют прагматический комплекс. Интересна позиция Н. Д. Арутюновой относительно коммуникативных ситуаций, в которых речевой акт не имеет однозначной адресации. В ТРА большинство речевых актов имеют жесткую адресацию, особенно директивы (императивы) и интеррогативы (вопросительные высказывания). «Утрата» адресата в этом случае «изменяет коммуникативный статус речи, превращая вопрос в риторический всплеск, восклицание или проблему, а императив в заповедь, этическую рекомендацию или сентенцию...» [Арутюнова, 1981, с. 360-361].

В ситуациях естественной коммуникации имеются такие типы речевых актов, в которых категория адресата не играет столь важной роли, какую она

играет в анализе перформативных высказываний (перформативов). «Точка» адресата в коммуникативной ситуации может иметь подвижный характер. При анализе инициативных речевых актов, таких, как интеррогативы или реквестивы, она может располагаться после высказываний. Однако при анализе речевых актов реактивного типа, таких, как сообщение некоторой информации в ответ на запрос, позиция точки адресата перемещается и встает до высказывания, но может остаться и в постпозиции. В зависимости от фокуса исследователя эта точка может перемещаться из препозиции в постпозицию.

Категория адресата часто конструируется, воссоздается исследователем на основе особых текстовых и дискурсивных стратегий, реализуя которые, автор текста/субъект дискурса производит выбор речевых средств, основываясь на дотекстовых ожиданиях предполагаемого адресата [Ким, 2019].

В целях изучения реактивной коммуникации в лингвистике используется экспериментальный подход. Например, в работах Л. Г. Ким, на основе зафиксированных реакций реципиентов рекламных сообщений, произведена классификация интерпретирующих стратегий адресата массовой рекламы и установлены детерминанты варьирования реактивных текстов интерпретирующего типа [Ким, 2012].

На основе проведенного эксперимента среди студентов, писавших сочинение по произведениям Ф. М. Достоевского, Н. В. Мельник установлены группы факторов, имеющих связь с персонной сферой языковой личности и влияющих на порождение и восприятие производного текста [Мельник, 2014].

Фактор адресата влияет и на выбор исследовательского ракурса при изучении политического дискурса. В работе О. Л. Михалевой категория адресата рассматривается в качестве агенса политического дискурса. Тип адресата зависит от влияния, оказываемого на него манипулирующим субъектом. Лингвокогнитивный анализ средств номинации субъектов в политическом дискурсе, проведенный О. Л. Михалевой, позволяет обнаружить следующие типы агенсов:

1. Sb (субъект) политического действия-1 – Адресант (говорящий) – такой участник, который согласно своему волеизъявлению направляет речь к тому или иному коммуниканту).

2. Sb политического действия-2 – Прямой адресат (слушающий) – коммуникант, в политическом дискурсе чаще – соперник, который реально в разговоре может участвовать (и тогда это ситуация открытого противостояния), а может и отсутствовать в данный момент (ситуация скрытого противостояния).

3. Sb политического действия-3 – Адресат-наблюдатель («народ») – третий субъект политического действия, внимания которого добиваются политики, на чьи интересы ссылаются, чье мнение, как им кажется, представляют [Михалева, 2009, с. 36-37]. В результате исследователь приходит к выводу о том, что «политический деятель мыслится говорящим не как конкретное лицо, а как некий политический институт», а «задача привлечения сторонников обуславливает необходимость постоянного учета адресата-наблюдателя (Sb - 3), а, следовательно, возможность (или, скорее, обязательность) “игры на зрителя”» [Михалева, 2009, с. 40-41].

В контексте медиаисследований А. Фетцер выделяет участников политического дискурса первого круга (first-frame coparticipants), подразумевая самих представителей медиа, как если бы они были единственными получателями сообщений. Участники второго круга (second-frame coparticipants) – реципиенты, выступающие в статусе «аудитории, получившей прямой доступ» (the ratified generic audience) и являющиеся интерпретаторами сообщений с позиции ратифицированных слушателей. Такой статус, по наблюдению А. Фетцер, дает участникам второго круга (т.е. непрофессиональному адресату) право оценивать сообщения, предназначенные для медиаменов, и, что более важно, **оценивать** как продукт сообщения медиа и стратегии, реализуемые партиципантами первого круга (т.е. медиа) при производстве и интерпретации политического дискурса [Fetzer, 2006, с. 147].

Активная равноправная роль адресата, его интерпретирующее действие, имеющее не меньшую значимость при производстве дискурса заложена в дискурсивной категории участников. Она предполагает наличие как минимум двух лиц в акте коммуникации [Арутюнова, 1981; Басовская, 2020; Болотнов, 2015; Домышева, 2008; Ким, Беляева, 2019; Плотникова, 2009; Пром, 2020; 2021; Федулова, 2020]. Адресат-интерпретатор есть никто иной, как индикатор успешности/неуспешности реализации интенций субъекта отправителя. Однако в массовой коммуникации, коей является пространство тестов СМИ, адресат характеризуется размытостью и неопределенностью [Карасик, 1992].

Относительно типа «пассивного» адресата СМК (средств массовой коммуникации) Н. А. Пром отмечает, что досуговая интенция адресата, бесцельное чтение СМИ, а также готовая повестка дня (отобранные редакторами материалы) – все это усиливает пассивный статус реципиента новостных сообщений. «Проактивные мотивы реализуются, когда пользователь СНК активно выбирает определенную информацию, руководствуясь своими потребностями» [Пром, 2021, с. 196]. «Размывание границ аудитории и расширение интерактивности» обусловили формирование адресатов нового типа [там же, с. 197-198]. В зависимости от наличия активной интенции интерпретации медиафакта и последующей его ретрансляции Н. А. Пром выделяет ретрансляторов и неретрансляторов. Для первых основным критерием отбора медиафактов является их «потенциальная провокативность». С точки зрения Н. А. Пром, именно такой тип медиатекстов может вызвать эффект информационного эха [там же, с. 199]. Непрофессиональный ретранслятор воспринимает медиареальность как объективную, а маркером его активности является, среди прочих, комментариев в Интернете [там же, с. 201].

Современный адресат интернет-изданий не просто молчаливый читатель, он реализует обратную связь посредством активной «вербально-когнитивной» стратегии и, таким образом, формирует интерактивное дискурсивное пространство, которое, как показывает анализ современных работ, получает вариативные номинации: дискурс реагирования [Домышева, 2008; Синельникова, 2013]; дискурс обратной связи [Плотникова, 2009]; дискурс проблематизации [Романовский, 2017]; дискурс комментариев [Савельева, 2020]; обыденный политический дискурс [Голев, 2013; Непрофессиональный политический дискурс, Савельев, 2021].

ГЛАВА 2. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Во введении к книге «Понимание прагматики» Г. Сенфт рассказывает историю своей экспедиции на остров Тробриан (Папуа – Новая Гвинея). В начале его пребывания в тропиках он не имел представления о том, насколько социально значим вопрос «Куда ты идешь?», который каждое утро задавали ученому жители острова, встречая его на пути к водопаду. Поэтому он отвечал кратко, и причиной отсутствия развернутого ответа было не только недостаточное знание местного языка. Автор не понимал конвенционального смысла, заключенного в высказывании. Оказалось, что для островитян вопрос «Куда ты идешь» служил не только приветствием, он означал сокращение дистанции в общении, принятие адресата в свой коллектив. Если при встрече на острове Тробриан местный житель спрашивал «Куда ты идешь?», он таким образом показывал, что беспокоится о тебе, так как ты стал полноправным членом данного языкового сообщества [Senft, 2014].

Этот пример демонстрирует насколько прагматическое значение слова объемнее закрепленного за ним словарного значения, а также насколько значим ситуативный смысл слова (высказывания), какие связи и корреляции возникают при анализе конкретной фразы, употребляемой конкретным говорящим в конкретном контексте.

2.1.1. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАГМАТИКИ В ФИЛОСОФСКИХ ТЕЧЕНИЯХ

По справедливому замечанию ученых, использование языка его носителем формирует систему определенных отношений между первым и последним, а также и между знаком и его интерпретатором. Еще греческий историк Полибий (около 200 г. до н.э.) был сторонником «прагматической» истории, поскольку считал, что его сочинения предназначены для того, чтобы обучать читателей и быть им полезными [Маслова, 2007; Стрелков, 2004].

Идея изучить сущность и построить иерархию отношений, складывающихся между языком, понимаемым как знак, и его носителем, была выдвинута философами и семиотиками языка Ч. Моррисом и Ч. Пирсом. «Наиболее готовой к выполнению новейших познавательных задач и разнообразных запросов социальной практики оказалась прагматика, вычленившаяся именно из семиотики Ч. С. Пирса, Ч. У. Морриса и Р. Карнапа и получившая достаточно законченный вид во второй половине 20 в. в трудах представителей философии языка и языкознания» [Сусов, 2009, с.17]

Ранняя прагматика Ч. У. Морриса предполагает, что знак рассматривается в трех семиотических измерениях: семантическом (отношение между знаком и объектом), прагматическом (отношение между знаком и носителем) и синтактическом (отношения между знаками). Эта триада семантика – прагматика – синтактика и составляет суть процесса семиозиса. Поэтому

прагматика в понимании Ч. У. Морриса – это раздел семиотики, изучающий отношение знаков к интерпретаторам, в отличие от семантики, изучающей отношение знаков к обозначениям [Morris, 1938].

Комментируя противоречивость направления прагматизма, Ч. У. Моррис утверждает, что представителей американской школы более всего интересует человек как актер (the pragmatists are centrally concerned with man as actor) [Morris, 1965, с.110]. Тем не менее, на практике прагматика представляет хранилище любого аспекта значения высказывания, выходящего за рамки существующего семантического механизма, как в тезисе «Прагматика – это значение минус условия истинности» [Blackmore, 1992; Davis, 1991; Levinson, 1983; Pragmatics, 2018].

Существуют и другие мнения относительно того, каковы корни лингвистической прагматики. Так, А. Ребул пишет, что одним из распространенных заблуждений является утверждение о том, что «прагматика развилась из американской философской школы прагматизма, которая возникла в конце XIX века вместе с Уильямом Джеймсом, Чарльзом Пирсом и Джоном Дьюи. На самом деле <...> это неверно, и, хотя были некоторые предшественники, прагматика в современном смысле развилась в 1950-х годах из философии языка. Во всяком случае, ее основы следует искать в более позднем Витгенштейне, точнее, в понятии языковых игр» [Reboul, 2005, с.2].

Л. Витгенштейн под языковыми играми подразумевал следующие процессы: «Мы также могли бы представить, что весь процесс употребления слов в (2) – (под 2 понимается практическое использование языка при обучении детей – И.С.) есть одна из тех игр, посредством которых дети овладевают своим родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми» и иногда говорить о примитивном языке как о языковой игре. Процессы называния вещей и повторения подсказанных слов тоже можно было бы назвать языковыми играми. Подумайте о многочисленных употреблениях слов в играх типа хоровода. «Языковой игрой» я буду называть также целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [Витгенштейн, 1985, с.81].

В книге А. Ю. Масловой также читаем о том, что современная лингвистическая прагматика скорее связана с идеями Л. Витгенштейна, указывавшего на понимание значения как употребления в языке [Маслова, 2007, с.31].

2.1.2. РАЗНОЧТЕНИЯ В ТРАКТОВКЕ: ШИРОКИЕ И УЗКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Существуют значимые различия в определении прагматики, как научной дисциплины. Детальное изучение имеющихся пониманий прагматики находим в работе Е. Которовой [Которова, 2019]. Как показывают ее исследования, прагматика может быть и самостоятельной дисциплиной, и областью междисциплинарных исследований, то есть аспектуировать изучение объекта исследования. В лингвистике прагматика прежде всего изучает использование

языка в ситуациях повседневного общения, как межличностного, так и формализованного [Которова, 2019].

Обобщив интерпретации прагматики представителями англо-американской и европейской лингвистических школ, Е. Которова приходит к выводу, что прагматика «в зависимости от временного периода и от авторов конкретной теории», понимается в следующих вариациях:

1) один из трех компонентов семиозиса, в рамках которого изучаются отношения знаков к субъектам, производящим и интерпретирующим их (семиотическая прагматика Чарльза Морриса);

2) изучение закономерностей, патологий и парадоксов взаимодействия индивидов (психотерапевтическая прагматика Павла Вацлавика);

3) исследование языка как инструмента действия для достижения различных целей (лингвофилософская прагматика, базирующаяся на теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля);

4) универсальная теория социального взаимодействия (социофилософская прагматика Ю. Хабермаса);

5) специфическая (институциональная) теория речевого поведения (функциональная прагматика Конрада Элиха и Йохена Ребайна) [Которова, 2019, с.100].

С точки зрения И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова, лингвистическая прагматика – это один из вариантов теории речевой деятельности, Европе сформировавшейся благодаря трудам В. фон Гумбольдта, а в отечественной лингвистике получившей развитие в работах М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева. «Достаточно вспомнить глубокую лингво-философскую концепцию В. Гумбольдта и другие концепции гумбольдтианской ориентации, теорию языка и речи А. Гардинера, теорию высказывания М. М. Бахтина, теорию речевой деятельности в советской психолингвистике, основанную на психологической теории деятельности Выготского – Леонтьева, теорию аргументации (неориторике), концепцию «анализа диалога» («conversational analysis»), сложившуюся в рамках социолингвистики, процессуальную семантику, возникшую в контексте создания систем человеко-машинного общения» [Кобозева, 1986, э/р].

Довольно распространено определение прагматики, как раздела коммуникативной лингвистики, использующей функциональный подход к анализу языковых явлений, попытка объяснить аспекты лингвистических структур обращением к факторам и причинам нелингвистического характера [Которова, 2019; Cap, 2010; Reboul, 2005]. Европейская континентальная школа рассматривает прагматику не как отдельный раздел теории языка, а скорее как функциональный взгляд на все аспекты нашего языкового поведения, изучаемый в рамках любого из разделов лингвистики – синтаксиса, семантики и т. д. Опять же, этот подход не противоречит приведенным определениям. Он только отвлекает от очевидного соответствия между объектом исследования и методом. «Мы можем предположить, что объект (например, значение) может быть изучен в различных дисциплинах, а также, что эти дисциплины (будь то синтаксис, морфология и т.д.) могут заимствовать из функционального, контекстного

подходов их методы, чтобы переосмыслить свои первоначальные выводы. В этом смысле мы можем говорить о таком порядке исследования: во-первых, существует функциональная перспектива, а затем мы обращаемся к различным объектам, чтобы увидеть, поддаются ли они анализу с этой точки зрения и может ли такой анализ дать какие-либо дополнительные результаты по сравнению с результатами исследования в узких рамках данных дисциплин [Сар, 2010, с.196].

Однако, по мнению С. Левинсона, такое определение лингвистической прагматики не способно выделить ее из ряда других субдисциплин, изучающих функциональные особенности естественного языка [Levinson, 1983].

Дж. Мэй считает, что прагматика родилась в противовес абстрактным постулатам порождающей грамматики Хомского. Именно эти старания свести язык к системе паттернов и алгоритмов и зародили сомнение лингвоаналитиков в том, что язык – это всего лишь грамматические алгоритмы, наполненные лексическими единицами. Язык в его живом существовании – это намного больше, это инструмент, которые человек использует для социального и межличностного взаимодействия, использует для реализации различных целей, задач, интенций [Meu, 1993].

В большинстве зарубежных работ прагматика определяется как область лингвистики, имеющая дело с использованием языка в актуальном общении, с речью как таковой. В прагматический аспект включают знания не только о грамматических и лексических нормах, но и нормах социокультурных, ситуативных, коммуникативных. Согласно точке зрения Г. Сенфта, лингвистическая прагматика корнями уходит в шесть дисциплин: философию, психологию, этологию, этнологию, социологию и политологию. Каждая из них по-своему обогащает прагматическое знание [Senft, 2014, с. 4].

2.1.3. РОЛЬ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ «ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» В ЛИНГВИСТИКЕ

«Сердцем» лингвистической прагматики в европейском и мировом языкознании принято считать теорию речевых актов (общепринятое сокращение – ТРА). Ее основоположником является Дж. Остин, английской философ и логик, который изложил свои взгляды на природу естественного языка в его повседневном употреблении. В предисловии к книге Дж. Остина “How to do things with words” читаем: «В целостном виде они (положения ТРА – И.С.) были изложены Остином в курсе лекций под названием «How To Do Things With Words», прочитанном в Гарвардском университете в 1955 г. Речевой акт представляется Остину трехуровневым образованием. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт; в отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления – как иллокутивный акт; в отношении к своим результатам – как перлокутивный акт» [Остин, 1986].

Среди главных задач, которые решал Дж. Остин, были, в частности, проблемы целеполагания в языке, и как система глаголов естественного языка может влиять на выполнение действий. Дж. Остина интересовала прежде всего

категория перформативности, речевые действия, которые человек может производить не с помощью движений тела, а с помощью произнесения высказываний. Данное свойство глаголов Дж. Остин рассматривает на примере юридической лексики, и в последних своих лекциях расширяет свой взгляд, предлагая классификацию всех речевых актов, которые соответствуют глаголу, образующему эту элементарную единицу общения. Так, Дж. Остин впервые произвел таксономию всех повседневных высказываний, понимаемых как речевой акт. Им были выделены следующие классы употребления иллокутивных глаголов:

- вердиктивы, любые суждения, решения;
- экзерситивы, выражение влияния, проявление власти;
- комиссивы, обещания, обязательства и намерения;
- бехабитивы, установки социального;
- экспозитивы, результаты обсуждений, доказательств, прояснение причин [Остин, 1986].

Последователь идей Дж. Остина, Дж. Серль уточняет понятие речевого акта. Он предлагает классификацию речевых актов, а не глаголов, выделяя их на основе следующих критериев: иллокутивная цель, направление приспособления (от слова к реальности или от реальности к слову) и выраженное психологическое состояние (убеждение, желание, сожаление и т.д.), или условие искренности. Дж. Серль выделяет пять классов (или базисных категорий) речевых актов: 1) репрезентативы, или ассертивы (различные утверждения); 2) директивы (побуждения, в том числе и вопросы, советы и т.д.); 3) комиссивы (принятия обязательств); 4) экспрессивы (выражение эмоций и поведенческие РА); 5) декларации (декларативы) – различные институциональные действия: вынесение приговоров, назначение на должность, крещение корабля и т.д. [Серль, 1986а, 182-183].

Если оценивать преимущества ТРА по сравнению с другими лингвопрагматическими концепциями в терминах самой этой теории, то ее популярность и востребованность обуславливали три факта (вернее, компонента):

1) ее локутивный аспект – это тот язык, стиль, которым пользовался Дж. Остин. Как утверждают, он был достаточно прост для восприятия;

2) ее иллокутивный аспект – теория частично, но в самых существенных моментах, сумела ответить на те вопросы, которые назрели на данном этапе развития лингвистики, в частности, как пишут И. М. Кобозева и В. З. Демьянков, она смогла практическим образом осветить проблему целеполагания в языке. «Подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность ТРА, привлекающая к ней языковедов, которых перестала удовлетворять простая констатация того, что язык есть средство, орудие, инструмент общения» [Кобозева, 1986, э/р];

3) ее перлокутивный аспект – теория оказала воздействие и нашла много последователей, в первую очередь среди студентов Дж. Остина, первым и самым значимым по детализации и уточнению положений ТРА стал Дж. Серль.

Теория речевых актов помогла решить еще одну важную проблему: как остаться внутри лингвистики и привлечь к анализу повседневной речи нелингвистические факторы. Объективно, большинство категорий, которыми оперируют ТРА и прагматический метод в целом, имеют экстралингвистическую природу, тяготея в мир нелингвистических сущностей. В частности, понятия истинности / ложности, речевых импликатур и пресуппозиций, принципа Кооперации и категорий дейксиса, перспективы говорящего и адресата, прагматического контекста.

2.1.4. ЭКСПЛАНАТОРНОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ОТНОСИТЕЛЬНО ИМПЛИЦИТНЫХ СЛОЕВ РЕЧИ

Другим важным направлением развития лингвистической прагматики явилась концепция Г. П. Грайса, который сосредоточился на нескольких факторах, по его мнению, наиболее релевантных в предметном поле данной отрасли знания. Это, прежде всего, фактор имплицитности в языке. Нельзя не упомянуть знаменитые вопросы Г. П. Грайса о том, что сказано и что подразумевается под сказанным (What is said and What is meant / implied) [Pragmatics, 1986; Dynel, 2017; Levinson, 1983; Grice, 1985; Yule, 1996].

Г. П. Грайс вводит понятие импликатуры: неочевидного смысла в высказывании. Он рассматривает примеры конвенциональных и неконвенциональных импликатур. Если в конвенциональных импликатурах имплицитный смысл уже заложен в семантику слов (высказываний), то неконвенциональные импликатуры в значительной мере опираются на контекст и знание собеседников друг о друге. «Некоторые импликатуры являются конвенциональными – в отличие от той, с которой я начал анализ понятия импликатуры. Я хотел бы разобрать один подкласс неконвенциональных импликатур, непосредственно связанных с некоторыми общими характеристиками речевого общения; поэтому я назову их импликатурами речевого общения, или коммуникативными импликатурами (conversational implicatures)» [Грайс, 1985, с. 212].

Имплицитный смысл в этом случае выводится на основе разговорного значения слов вместе с контекстом, согласно Принципу Кооперации и Максимум Количества, Качества, Отношения и Способа. Г. П. Грайс также обнаружил, что в акте коммуникации люди не всегда придерживаются четырех Максим. Нарушение одного из принципов может привести к тому, что говорящий передаст, в дополнение к буквальному значению своего высказывания, дополнительное значение, которое является коммуникативной импликатурой. Сам Г. П. Грайс утверждает, что «именно коммуникативные постулаты и относящиеся к ним коммуникативные импликатуры связаны с теми специфическими целями, для выполнения которых приспособлена и в первую очередь используется речь (и, тем самым, речевое общение)» [Грайс, 1985, с. 214].

Особенностью прагматического метода, разработанного Г. П. Грайсом и его последователями, является оперирование нелингвистическими понятиями

при анализе лингвистического содержимого. Например, учитывает ли адресант положительный исход, который может принять положение дел, при условии выполнения действия, которое он поручает сделать или советует сделать адресату. Хочет ли говорящий, чтобы адресат понял то, о чем он не говорит, но подразумевает, или наоборот, он стремится завуалировать свои истинные намерения. В подобном прагматическом подходе к анализу языковых структур к лингвистическому компоненту имеют отношение лишь эмпирические базы данных, остальные единицы аналитического интерпретативного инструментария исследователя едва ли соотносятся с лингвистической терминологией. Концепцию Г. П. Грайса относят к радикальному направлению в лингвистической прагматике.

2.1.5. ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА

Прагматический поворот в науке обусловил развитие многих, связанных с анализом связной речи, направлений. Таковым, несомненно, является и дискурсивный анализ.

Представителями так называемого «неограйсианства» продолжена традиция логического анализа имплицитных слоев речевого общения. В книге М. Динель П. Цапа «Имплицитность: от лексики к дискурсу» рассматриваются вопросы имплицитности в языковых структурах разного уровня: от отдельных лексических единиц до дискурса [Dynel, 2017]. Структура работы позволяет исследователям продемонстрировать важность исследуемого феномена: они двигаются от микроанализа отдельных лексических единиц и стилистических приемов (таких, как ирония) к макроанализу дискурса. Например, параграф «Динамика дискурса. Когда количество соответствует качеству», выполненный А. Фетцер посвящен концепции «детализации». А. Фетцер также разрабатывает динамическую систему анализа дискурса, подразделяя дискурсивные единицы на микро-, мезо- и макроструктуры [Dynel, 2017; Fetzer, 2017; Truan, 2018].

На первом этапе развития лингвопрагматики (ранее мы уже отмечали подобную закономерность) предпочтение отдавалось анализу отдельных высказываний, речевых актов. Путь аналитика «освещался» эвристическим потенциалом индуктивного метода. Такой подход называют микропрагматикой (в иной терминологии – *local pragmatics* (локальной прагматикой)). Она может быть определена как изучение иллокутивной силы конкретного высказывания с дальнейшим выходом на описание категории речевого акта как минимальной единицы речевого общения [Car 2010; Borg, 2017].

Внимание к связному тексту/дискурсу позволило применить прагматические принципы и к более крупным единицам речи. Дедуктивный метод позволил выдвигать более абстрактные предположения и гипотезы и проверять их на конкретных фрагментах дискурса. В отличие от микропрагматики, макропрагматика (в иной терминологии – *global pragmatics* (глобальная прагматика)) фокусируется не на высказывании, а на сериях или последовательностях высказываний, которые формируются в дискурсы, рассматриваемые как носители глобальной интенциональности (т. е.

интенциональность, возникающая в результате различных конфигураций речевого акта, часто называемых речевыми событиями), и как производители сложных эффектов (будь то для одного слушателя или для класса слушателей). [Сар 2010, с. 199].

По мнению представителей психолингвистического направления, прагмалингвистическое исследование дискурса должно быть нацелено на выявление особенностей авторского присутствия, но и учитывать фактор слушателя. К.Ф. Седов считает, что прагматическая структура текста (дискурса) содержит три компонента: компонента прагматической структуры текста – отражаемая в речи действительность, субъективно-авторское начало, потенциал восприятия – присутствуют в структуре дискурса во взаимосвязи. «Существенным (конститутивным) принципом высказывания [текста] является его обращенность кому-либо, его адресованность. <...> Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и в особенности стиль высказывания» [Седов, 2004, с. 30-31].

Итак, подводя итог вышеизложенному, отметим, что лингвопрагматическое направление принимает во внимание следующие положения:

1. Языки используются их носителями в социальных взаимодействиях; они являются прежде всего инструментами создания социальных связей и отношений ответственности. Темы, в соответствии с которыми языки создают эти связи и отношения, различаются в разных языках и культурах. Прагматика изучает эти специфические для языка и культуры формы употребления языка.

2. Речь является частью контекста ситуации, в которой она производится; язык имеет по существу прагматический характер, а смысл конституируется прагматической функцией высказывания. Носители языка следуют конвенциям, правилам и предписаниям в использовании языка в социальных взаимодействиях. Значение слов, фраз и предложений передается в определенных ситуативных контекстах. Использование языка носителями языка выполняет определенные функции в коммуникативном поведении этих носителей и для них.

3. Прагматика понимает и описывает язык как социальное действие.

4. Основные области прагматики показывают, что она является интергративной дисциплиной в рамках гуманитарных наук.

5. Прагматика – это уместность того или иного речевого средства и единицы в актуальной коммуникативной ситуации [Senft, 2014; 2016].

Кроме этих положений, стоит отметить, что к эмпирическим задачам общей теории прагматики относятся разработка когнитивной модели производства, понимания, запоминания речевых актов, а также модели коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных социокультурных ситуациях [Маслова, 2007, с. 29].

Понимание прагматики в том аспекте, в котором трактовали ее представители семиотических исследований, и которое наиболее закрепилось во всех словарях и энциклопедиях, выделяет категорию «отношение». Отвечая на

вопрос, что же подразумевает аспект отношения, связывающий говорящего (шире – участников коммуникативного акта) и знак (шире – высказывание) можно выделить следующие виды взаимоотношений и вытекающие из них научные проблемы:

- использует ли говорящий знак в его зафиксированном словарном значении или меняет его в зависимости от ситуации;
- все ли свои мысли и намерения он способен или желает выразить;
- намеренно ли говорящий вкладывает в слова (знаки) больше или меньше, чем они означают по отдельности;
- вкладывая в слова иной смысл, делает ли говорящий это в соответствии с нормами данного языка или речевыми нормами данного языкового сообщества;
- учитывает ли говорящий предварительные знания получателя информации, если да, то пытается ли опереться на эти его знания или наоборот, усложнить коммуникацию;
- соотносит ли говорящий свое высказывание/употребляемый знак с рядом экстралингвистических факторов: социальных, ситуативных, коммуникативных;
- насколько желает говорящий добиться своими словами какого-либо следствия / эффекта.

С нашей точки зрения, широкие перспективы открываются перед лингвистической прагматикой вследствие того верного методологического ракурса, избираемого этой дисциплиной для анализа всей многогранности взаимоотношений «вещей» и «слов». Такой ракурс заключается в учете самых главных факторов – факторов адресанта и адресата, привлекая к лингвистическому анализу ситуативного употребления языка такие характеристики, как социальный статус, коммуникативная ситуация, следование нормам, знаниевый фонд, культурный опыт, телесное поведение, мотивационно-ценностная и ментально-психологическая сферы личности.

2.2. ПРАГМАТИКА СИНТЕТИЗМА: МОДЕЛЬ МАССПЕРСОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Первоначальное стремление представителей коммуникативно-прагматического направления аспектировать и классифицировать язык как средство коммуникации и результат его деятельности – речевое сообщение в век виртуализации информации меняется на противоположное. Лингвопрагматика и коммуникативистика начинают применять методы, обратные аналитическим. Так, фундаментальное разделение типов коммуникации на массовую и персональную в 20 веке подвергается серьезному переосмыслению [French, 2017]. Это, безусловно, происходит в связи с формированием новых моделей коммуникации в сети Веб 2.0. Виртуальная среда, вовлеченность человека в социальные сети и преследование цели вербальной презентации себя, ставшие массово доступными в Интернете, позволили оспорить наличие строгих границ между персональным и публичным и по-иному взглянуть на две классические области коммуникации [Данкова, 2019; Blommaert, 2020; O'Sullivan, 2018].

Как пишет В. П. Коломиец, «в словаре по медиа и коммуникационным исследованиям можно найти понятие «medio communication», что в данном случае означает способ коммуникации, который располагается между межличностной и массовой коммуникацией, к нему относится электронная почта, сообщения, переданные по факсу, общение с помощью телефона» [Коломиец, 2019, э/р].

В результате осмысления данных преобразований моделей коммуникации П. О'Салливан предложил модель, которая соединяет в себе характеристики массовой и персональной [Sullivan, 2018]. «П. О'Салливан и Калейб Т. Карр (2018) после анализа сложившейся ситуации в области массовой коммуникации предлагают использовать категорию, которая, по их мнению, формируется на перекрестке массовой коммуникации и опосредованного межличностного общения, старых и новых коммуникационных технологий – «массперсональная коммуникация» [Коломиец, 2019, э/р].

В предложенной модели П. О'Салливана коммуникативное пространство представлено в виде системы координат, на горизонтальной оси которой расположены показатели степени персонализации (рис. 2).

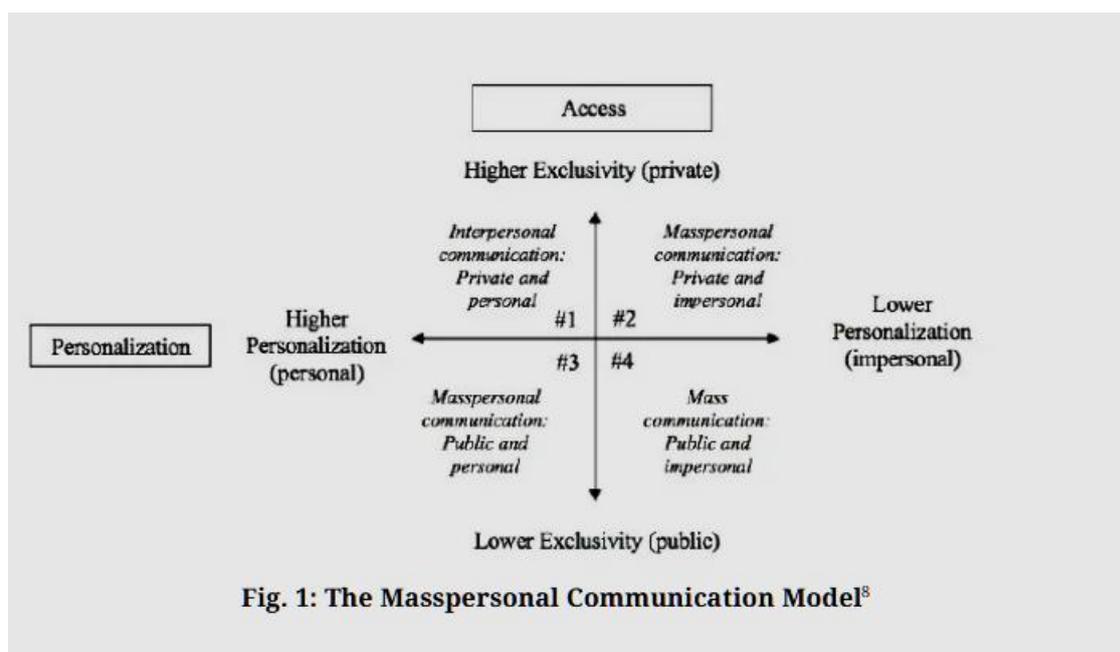

Рисунок 2. Модель массперсональной коммуникации П. О'Салливана

Крайними точками этой оси являются высший уровень личного (интимный стиль коммуникации между двумя близкими людьми) и низший уровень персонализации/интимизации коммуникации (официальный стиль между двумя совершенно чужими людьми). Вертикальная ось градуирует показатели включенности коммуниканта в группу, его право доступа в коммуникативное пространство. Здесь крайними точками являются высокий уровень доступа/включенности в группу (частная/закрытая группа) и низкий уровень (публичная/открытая группа). В результате пересечения данных координативных осей образуются четыре коммуникативных домена: номер

один – межличностная коммуникация (частная, интимная, личная); номер два – массперсональная коммуникация (частная, но безличная, без идентификации партнера); номер три – массперсональная коммуникация (публичная, но личная, с идентификацией партнера) и номер четыре – массовая коммуникация (публичная и безличная).

В ситуации виртуальной коммуникации, которая соединяет людей, не знающих друг друга, но пишущих/публикующих информацию типично характерную для межличностного общения, домен массперсональной коммуникации под номером два занимает сегодня все более объемную область в общем коммуникативном пространстве общества. Для того, чтобы участвовать в обсуждении политической статьи на конкретном сайте пользователь необязательно должен быть знаком с партнером или собеседником. Но для публикации постов он обязательно должен иметь право доступа в данную группу. В связи с частотой участия в форуме, количеством публикаций, публикационной активностью он приобретает определенный коммуникативный статус. Это показатель завсегда, например, «Лидера» в обсуждениях. Этот статус условно обозначает уровень доступа в группу в терминах П. О'Салливана [Kabat, 2012; O'Sullivan, 2018].

Обмен политическими мнениями и взглядами с незнакомым собеседником в форме письменных сообщений, адресация которых не носит точечный, конкретный характер, а направлена на восприятие отправляемого сообщения любым пользователем, представляет собой тип массперсональности, который характеризуется формами межличностного общения, но в то же время носит публичный (безличный) характер. Политика в таком типе коммуникации обсуждается без ограничений, высказываются взгляды, которые действительно интенционально соответствуют политическому и морально-этическому выбору участника / субъекта.

Однако равноправие анонимных участников виртуальных групп кажется таковым только на первый взгляд. Как мы отметили, участникам присваивается статус, коммуникативная роль. Пользователь, который этот статус пока не приобрел, или эпизодически участвующий в обсуждениях, как правило, обращает на себя внимание, если он выражает мнение, расходящееся с мнением большинства представителей сообщества, или публикует некую маргинальную точку зрения.

Сегодня понятие массперсональной коммуникации главным образом применяется к виртуальным информационно-обменным площадкам. На данных площадках и в виртуальных группах собираются те пользователи, у которых есть определенные интересы или определенная политическая позиция. Склонность коммуниканта высказываться или вступать в обмен репликами на конкретной площадке замечена социальными психологами и объясняется следующим образом. Согласно предположениям американских психологов Ф. Хидера и Т. Ньюкомба, коммуникация стимулируется наличием некоей асимметрии между коммуникантами и предметом коммуникации [Грачев, 2004].

Например, если взаимооценка двух партнеров не сбалансирована, или в случае наличия противоречий в их отношении к предмету коммуникации,

когнитивный план личности коммуникантов требует привести состояние психики в более комфортное, уравновесить сложившийся дисбаланс, установив симметрию в триаде «коммуникант А – коммуникант В – предмет коммуникации Х». Так, возникает потребность в коммуникации как способе наладить отношения, восстановить баланс сил. Эти теории доказывают, что «люди стремятся обратиться к тем источникам информации, содержание которых соответствует их сформировавшейся позиции или подтверждает правильность избранной линии поведения» [Грачев, 2004, с.135].

Это придает определенную значимость теориям «выборочного восприятия» политической информации, а также предположениям о том, что процессы политической коммуникации могут быть направлены как на укрепление, так и на изменение существующих взглядов, установок и поведенческих тенденций индивидов путем установления «симметрии» по отношению к какому-либо реальному или идеальному объекту: «общему врагу», «общей цели», «светлому будущему» и т.д.» [там же, с.134-135].

Коммуникативные отношения структурированы взаимными намерениями: отправители реализуют коммуникативное намерение передать смысл получателям, а получатели имеют интерпретирующее намерение обратить внимание на сообщения отправителей и понять их значение. В этом смысле коммуникативные отношения между ними являются предпосылкой для межличностного общения [Burlson, 2010].

Модель новых медиа представила коммуникацию в ее новом воплощении. Тип один-одному и один-многим дополнились еще одним типом многие-многим. В виртуальной коммуникации пересекаются полиагентивность с полиадресацией. Реципиенты получили статус агентов [Burlson, 2010].

Новые модели коммуникации влияют и на характеристики дискурсов, производимых в результате их функционирования: как в формальном аспекте. Политика в комментариях является интерпретативным триггером и точкой отсчета. Личное не только пересекается с политическим, возникает новый вид смыслов – «личнополитический», базисом для которого является установка «Политика – часть личного, часть моей собственной частной жизни». Эта установка детерминирует смысловое пространство непрофессионального политического дискурса. Содержание определяет и форму: план выражения НПД сплавляет официальные обиходные стили, персональность и институциональность, так как невозможно обойтись без дискурсивных формул, принятых и уместных в институциональном общении. Как невозможно обойтись и без высказываний и клише персонального дискурса, действующего богатый или более скромный тезаурус отдельной личности, сформировавшийся под влиянием той или иной культурно-исторической эпохи.

Прагматический план непрофессионального политического дискурса также синтезирован из разнородного интенционального спектра. Манипулятивность сочетается с непреднамеренностью, ирония и имплицитность речи с открытой позитивной или негативной риторикой и прямыми способами обращения. «Тем не менее, нетрудно заметить, что наблюдаемые изменения ведут к постепенному замещению «униполярной»

коммуникации «вещательного» типа диалоговой, консультационной и регистрационной моделями, а также «направленным» вещанием, учитывающим запросы аудитории, что предполагает обязательное наличие устойчивой обратной связи между участниками политико-коммуникационных процессов» [Грачев, 2004, с.131].

2.3. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Своей архитектурой непрофессиональный политический дискурс во многом обязан категории интенциональности. Очевидный междисциплинарный и экстралингвистический характер отличает интенциональность от других неотъемлемых категорий дискурса, таких, как, например, когезия, интертекстуальность, речевые стратегии и тактики и т.д. Тем не менее, лингвистические аспекты рассмотрения интенциональности имеют непосредственное отношение к цели нашего исследования.

В этой связи в данном разделе своей задачей мы видим описание теоретических оснований разработки данной категории в сфере лингвистической прагматики, а также предпосылок ее введения в лингвоперсонологию дискурса.

2.3.1. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ

Интенциональность как предмет философских исследований возникла на научном горизонте еще в античности. Однако, «в поле зрения античных философов попадали только отдельные аспекты интенциональности, как она понимается сегодня, и в любом случае поиски (успешные) фактического присутствия интенциональной тематики у древних отнюдь не привели к обнаружению в античной философии проблемы интенциональности [Вдовина, 2020, с. 24].

С новой силой в фокус научных изысканий интенциональность попадает во второй половине 19-го века, предварительно став центральным предметом изучения философии. Это тот период развития философской мысли, когда особое внимание уделяется мыслящему сознанию и механизмам отражения процессов мышления в языковой действительности.

Франц Brentano понимает интенциональность как «имманентную предметность и критерий различия психических и физических феноменов» [Барбашов, 2021, с.10].

В феноменологии Э. Гуссерля интенциональность становится центральной проблемой теоретического осмысления. Развивая положения картезианской логики, Э. Гуссерль подвергает переосмыслению трактовку интенциональности Ф. Brentano как особенности человеческого сознания быть направленным на что-либо [Гуссерль, 1988; Гуссерль, 2006]. «Принцип интенциональности сознания говорит о том, что всякий акт сознания направлен на какой-то объект; при этом важно то, что объект, на который направлен тот или иной акт сознания, сам является составной частью этого акта, не в качестве, конечно, физического,

скажем, объекта, а в качестве объекта интенционального. Например, если я смотрю в окно и наблюдаю дерево, растущее во дворе, то составной частью этого акта сознания будет не только само наблюдение, но и содержание этого наблюдения, т. е. это дерево, как видимое мной, В этом качестве данное дерево будет не физическим, а лишь интенциональным объектом, лишь феноменом моего сознания» [Слинин, 2001, с. 295].

При этом Э. Гуссерль определяет интенциональность как двуслойную сущность: «наше сознание как бы двуслойно: один слой – это сама направленность его актов, их интенция, а другой – это содержание данной направленности: объекты, на которые направлены акты сознания, т. е. чисто интенциональные, – в гуссерлевской терминологии – объекты» [Слинин, 2001, с. 296].

Помимо интенциональности как сущего свойства активно мыслящего сознания, невозможного без интенциональных актов, направленных на внешние объекты и отражающего их разноаспектные свойства, выкристаллизовывается понятие интересубъектности. Интересубъектность, рассматриваемая Э. Гуссерлем как взаимодействие психических миров идентичных в каком-то из свойств субъектов, высвечивает интенциональный акт как акт коммуникативный [Гуссерль, 2006]. В такой трактовке интересубъективность представляет собой некий философский коррелят коммуникативности, как направленности субъектов друг на друга в целях реализации определенных интенций.

Прагматическая сторона интенциональности видится в активной позиции субъекта, чье сознание работает с одним набором феноменов относительно акта коммуникации (в лингвопрагматике – речевого акта у Дж. Остина и Дж. Серля), а также с другим субъектом, чье сознание, в свою очередь, работает с аналогичным набором феноменов. Второй субъект в этом случае гипотетически обладает всеми возможностями для адекватного восприятия высказывания и его цели, и для успешной его интерпретации. Это прототип коммуникативной интенции. Об этом пишет Е. В. Потюкова: «На основе интересубъективных приемов выработки смыслов базируются конкретные способы коммуникативных практик: акты обмена опытом, знаниями, навыками, в широком смысле сообщениями, познавательных практик, дискуссий, споров. Кроме того, участие объекта в процессах мыслительной деятельности делает возможным рассмотрение интенциональности как аналогизирующей апперцепции и понимания результата речемыслительной деятельности другого сознания» [Потюкова, 2011, с.43].

Интенция – свойство сознания направлять свою деятельность вовне. Это тот механизм, который приводит в движение мысль и запускает процесс речепорождения.

2.3.2. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ

Лингвистический поворот в изучении категории интенциональности связан с концепцией, выдвинутой Г. Фреге. В его модели порождения смысла понятию интенциональности уделяется значительная роль [Барбашов, 2021,

с. 14]. Фактически Г. Фреге развивал референциальную теорию значения, обращая внимание на соотношение самого языкового акта, его значения и смысла (рис. 3).

Схема 1. Модель языковой интенциональности (Г. Фреге):

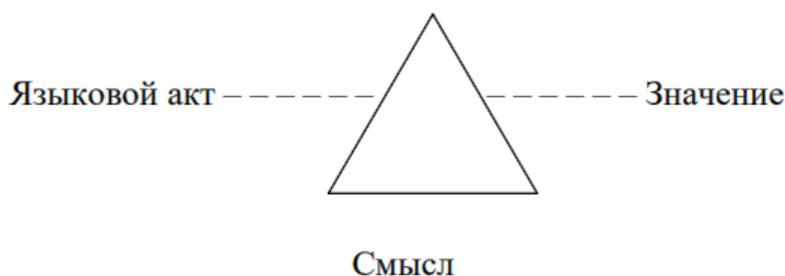

Рисунок 3. Модель языковой интенциональности (Г. Фреге)

Данная схема представляет одну из самых ранних теорий референции и высвечивает лингвистическую сторону категории интенциональности [Маслова, 2007].

Лингвопрагматический вектор изучения интенциональности закладывается Дж. Серлем [Серл, 2002; Сёрль, 2004]. Дж. Серль трактует интенциональность как доречевую категорию, определяющую выбор говорящим модуса для речевого акта. «Интенциональные состояния обычно обладают структурой, аналогичной структуре речи. К примеру, я могу приказать вам покинуть комнату, спросить, не покинете ли вы комнату, и предположить, что вы уйдете из нее; так же я могу надеяться, что вы уйдете из комнаты, бояться, что вы уйдете из комнаты, или желать, чтобы вы покинули комнату. В каждом случае существует пропозициональное содержание, заключающееся в том, что вы уйдете из комнаты. Это содержание проявляется в тех или иных лингвистических или психологических модальностях. В языковом отношении оно может, например, принимать формы вопроса, предсказания, обещания или приказа. А в случае мышления оно может, например, принимать форму убеждений, страхов и желаний» [Сёрль, 2004, с. 52-53].

Философское понимание интенциональности как направленности на внешний мир позволяет Дж. Серлю усмотреть соответствие между интенциональными состояниями субъекта и пропозициями как логическими квантами речи. С его точки зрения, интенциональность – это то, что является связующим звеном между мыслью и речью [Сёрль, 2004].

«Понятия «личность» и «интенциональность» онтологически предполагают друг друга, притом, что не являются идентичными. Данная точка зрения представляется адекватной существующему положению вещей, так как интенциональность является одной из главных характеристик личности. Только человек как личность, как познающий субъект и носитель языка, способен

осуществлять в рамках определенной культуры интенциональные действия, в том числе и коммуникативные» [Барбашов, 2021, с. 25-26].

В лингвистической прагматике подразумевается, что основные интенции личности, такие как желание вспомнить, понять, заявить, пообещать, надеяться и прочие, имеют языковые корреляты – глаголы с аналогичной семантикой. Те глаголы, произнося которые, субъект меняет состояние дел и сознание другого субъекта, являются перформативными. Таким образом в лингвистической прагматике интенциональность – база любого высказывания, его иллокутивный компонент. В терминах логики и прагматики – это то, что S (субъект) хочет выразить или подразумевает, произнося Р (пропозицию).

Сегодня многие исследователи интенциональности в русле лингвопрагматики вслед за Дж. Сёрлем определяют ее как «довербальную (экстралингвистическую) детерминанту локутивной и иллокутивной составляющих речевого акта» [Антонова, 2006; Гребенщикова, 2015; Павлова, 1998]. «ТРА продемонстрировала важность учета подлежащей распознаванию цели (намерения) говорящего для объяснения процессов речевого взаимодействия. Была выявлена, с одной стороны, взаимосвязь намерения с другими экстралингвистическими факторами в форме соответствия между иллокутивной целью (= существенным условием речевого акта) и обстоятельствами речевого акта (фиксируемыми в качестве подготовительных и др. условий) – психологическим состоянием говорящего, его интересами, социальным статусом, его представлениями о ситуации общения и в том числе о слушающем с его знаниями, интересами, социальным статусом» [Кобозева, 1986, с.7].

Концептуальный путь, пройденный категорией интенциональности от ее трактовки как ментальной сущности до репрезентации как прагматического компонента, детерминирующего смысл высказывания, влияет на эмику и этику ее значения в лингвистике. Одна часть исследователей в своих работах возвращаются к ранним философским идеям, относящим интенциональность к сознанию, а другая – к поздним прагматическим – относя феномен к категориям высказывания и текста [Lyons, 1995].

Постулируя собственное понимание интенциональности, выведенное в результате критического осмысления предшествующих подходов к ее теоретизации, Дж. Лайонз анализирует наличие двух противоположных подходов к научному пониманию интенциональности: как ментального феномена и как феномена языкового (речевого). Он упрощает структуру интенциональности, отмечая, что «это всего лишь особенность определенной части нашего языка плюс стратегия, порождающая «языковую игру» (метафора, которая со времен Л. Витгенштейна используется для обозначения практического употребления языка, то есть речи)» [Lyons, 1995, с. 261].

Таким образом, сложную гносеологическую конфигурацию интенциональности детерминирует ее двоякая интерпретация. Описывая ключевые трансформации, происходившие в процессе онтологизации категории интенциональности, В. П. Барбашов и В. А. Ладов указывают на производность лингвистической интенциональности от интенциональности как внутреннего

состояния сознания, поэтому стоит «разграничивать первичную интенциональность сознания от вторичной интенциональности языка, поскольку язык служит для экстерииоризации и передачи первичных интенциональных состояний субъекта высказывания» [Ладов, 2003: цит по: Барбашов, 2021, с.19].

Вторичность интенциональности как лингвистического явления отмечается Г. В. Колшанским «...интенция говорящего должна рассматриваться не как интенция познающего субъекта в философско-психологическом плане, а как интенция конкретного высказывания в очень узких рамках [Колшанский, 1975, с. 154].

С. Шиффер также отмечает, что «только наши интенциональные ментальные состояния – вера, намерение и тому подобное – обладают изначальной интенциональностью, интенциональностью, которая не имеет своего источника в интенциональности чего-то другого; интенциональность слов и речевых актов является производной интенциональностью, интенциональностью, унаследованной от связанных с ними ментальных состояний» [Schiffer, 2017, с. 42].

Вопросами изучения изоморфизма интенциональных состояний и вариативности языковых средств для их выражения занимаются представители лингвокогнитивного и лингвопрагматического подходов к изучению языка и речи, формулируя интегративные концепции с использованием общего терминологического аппарата. Так, говоря об обусловленности смыслопорождения интенциональностью сознания носителя языка, О. А. Алимуратов определяет интенциональность, следуя за феноменологической традицией. Она, по его мнению, представляет собой «направленность перцептивной и мыслительной активности, присущей говорящему и слушающему» [Алимуратов, 2004].

Интенциональность – это связующее звено между окказиональными смыслами, она отвечает за смыслы глобальные. При отсутствии у коммуникантов (сравним интерсубъективное взаимодействие у Э. Гуссерля, и соотношение представления, значения и смысла через намерение у Г. Фреге) общего интенционального настроения не возникают «глобальные смыслы, складывающиеся при смыслопорождении и смысловосприятии», так как коммуникация лишена смысловой доминанты, «являющейся залогом взаимопонимания и успешного исхода коммуникативного процесса» [Алимуратов, 2004, с. 9-10].

От интенциональности, также понимаемой как направленность внимания говорящего на событие, зависит тот угол зрения, под которым данное событие рассматривается. Взятый угол зрения влияет на представление ситуации-референта в высказывании и в конечном итоге на целостный смысл высказывания [Алимуратов, 2004, с. 23]. Ученый вводит понятие фокуса интенциональности, способного перемещаться в зависимости от определения и выбора наиболее релевантной для передачи смысла информации. Через подвижную точку фокуса интенциональности языковая личность говорящего получает необходимый квант информации, достаточный, чтобы оперировать концептосферой [там же].

С. В. Мощева, рассматривая средства интенсификации как маркеры проявления интенций продуцента рекламного дискурса, также пишет о том, что интенциональность речевого поведения говорящего неоднородна и динамична, так как может проявляться в аспекте: «а) усиления речевого намерения как фактора фокусировки внимания на главной информации, б) сокрытия каких-либо отрезков информации, в) манипулирования вниманием реципиента и т.д.» [Мощева, 2017, с. 8].

Принимая во внимание коммуникативно-прагматический контекст, включающий субъектов в процесс рецепции, ретрансляции и производства дискурса, С. В. Мощева вводит понятие интенционально-прагматического комплекса. В ее работе читаем: «Речевые усилители (интенсификаторы), их сочетания определяются взаимодействием и взаимообусловленностью интенционально-прагматических комплексов (ИПП) реципиента, продуцента и ретранслятора коммуникативного события, реализуясь в открытой и косвенной речевой тактиках продуцента речи» [Мощева, 2017, с. 6].

С. В. Мощевой интенциональность трактуется как «направленность речи от адресанта сообщения к адресату с целью достижения запланированного перлокутивного эффекта. Данная направленность речи обусловлена взаимодействием лингво-ментальных комплексов адресанта и адресата сообщения, которые включают собственные мотивы и намерения в процессе развертывания коммуникативно-прагматического события» [там же, 2017, с. 7].

С позиции С. В. Мощевой, одними из наиболее малоизученных вопросов в прагмалингвистике остаются критерии определения интенциональности, а также способы ее актуализации. Далее она пишет: «рассмотрение грамматической семантики в ее отношении к смыслу высказывания тесно связано с а) значением и функцией, а также б) их соотношением. Речь идет об «интенциональных потенциях» языковой системы, присутствующих в самом грамматическом значении как элементе категориальной системы. Интенциональность по отношению к грамматическим категориям слова, имея в виду связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, может быть одним из актуальных элементов речевого смысла» [Мощева, 2017, с. 41].

Направленность речевого акта на адресата позволяет внутри более широкого контекста применения категории интенциональности выделить более конкретный вид: коммуникативную интенцию. Ю. Н. Антонова определяет коммуникативную интенцию как «конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего. Она мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интенциональном смысле, который имеет разнообразные способы языкового выражения в высказываниях» [Антонова, 2006, э/р].

А. Ю. Маслова отмечает, что интенцию отождествляют с целью высказывания. «Потому при классификации высказываний на основании общей цели основными интенциями являются сообщить, осведомиться о чем-л. или побудить к чему-л. Эти три разновидности в лингвистической прагматике текста и дискурса получили довольно широкое распространение и видятся многими

лингвистами как три макроинтенции, лежащими в основе коммуникации. Одни ученые основываясь на данных макроинтенциях строят свои детальные классификации, другие, используют дедуктивный метод и восстанавливают общие интенции на основе выделяемых в конкретных типах дискурса» [Маслова, 2007, с. 42].

Линии разграничения когнитивной и коммуникативной составляющих в структуре интенциональности как категории лингвистической определяет в своих исследованиях Н. И. Клушина. С ее точки зрения, интенции языковой личности зависят от вида коммуникативно-когнитивной деятельности. Так, при рецепции наблюдается преобладание мыслительного компонента и поэтому можно говорить о когнитивных интенциях [Клушина, 2012]. В процессе продукции основную роль играет коммуникативный вектор речевой деятельности и в этой связи можно выделить коммуникативные интенции говорящего как продуцента. Поэтому целесообразно разграничивать Интенцию 1 и Интенцию 2, но при этом важно учитывать тот факт, что операциональность данных элементов характеризуется наличием тесной взаимосвязи [там же].

Как считает Н. И. Клушина, «интенция 1 (первый компонент) – это направленность сознания человека на окружающую его действительность с целью познать (принять, отвергнуть, объяснить и т.п.) явления жизни и себя в этом мире. Поэтому интенцию 1 мы определяем как когнитивную интенцию, поскольку с ее помощью формируется когнитивный мир человека. Интенция, направленная на внешний мир, создает мир внутренний. Интенциональность – «рабочее состояние» здорового сознания, это непрерывный когнитивный процесс конструирования личности [Клушина, 2012, э/р].

Интенция 2 (второй компонент) – это интенция коммуникативная. Коммуникативная интенция – осознанность человеческой коммуникации; это направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию (а не отказывается от нее) [там же, э/р].

Причем данные два типа интенций не являются разными по своей природе, а, скорее, это две взаимообусловленные составные части единой авторской интенции. «Можно говорить об обязательности интенции 1 и факультативности вербального выражения интенции 2, поскольку коммуникация не всегда осуществляется вербально» [Клушина, 2012, э/р]. И далее: «существует прототипическая парадигма интенциональных категорий, характерная для любого типа дискурса, которая в зависимости от дискурсных особенностей может дополняться и варьироваться в достаточно широких пределах» [Клушина, 2012, э/р].

Лингвистический поворот в изучении интенциональности постепенно приводит к постановке данного феномена в центр теорий текста и дискурса. Речевое, текстовое проявление авторского «Я», развиваемое в концепциях В. В. Виноградова, Т. Г. Винокур, Ю. Н. Караулова, Ю. Кристевой, Р. Барта и др. предопределяет выделение интенциональности как текстовой категории [Барт, 1994; Виноградов, 1971; Винокур, 1993; Кристева, 2000]. В текстоцентрическом ключе интенциональность привлекается как способность текста выразить

интенциональные установки его автора. Соответственно, устанавливаются основные интенции текстов разных типов. В коммуникативной медиастилистике на предмет интенциональных установок профессиональных субъектов медиадискурса анализируются медийные материалы. Так, Н. И. Клушина систематизирует интенциональные текстообразующие категории публицистического текста. «Существует определенная парадигма интенциональных категорий, присущая любому публицистическому тексту и организующая этот текст для реализации глобального авторского замысла – убеждения. Эту парадигму составляют идеологема, оценочность, именование (как стилистико-идеологическая категория), стилистическая тональность, интерпретация. Данная парадигма интенциональных категорий публицистического текста имеет нелинейный, диалектический характер. Интенциональные категории тесно переплетаются, взаимодействуют, сочетаются друг с другом, поскольку существуют в едином текстовом континууме и реализуют единую авторскую интенцию. Но именно эти интенциональные категории отличают публицистический текст как воздействующий тип текста от других речевых произведений, реализующих другую авторскую коммуникативную стратегию» [Клушина, 2008].

Л. Р. Дускаевой сфера интенций профессиональной медийной личности очерчивается на основе анализа результатов ее профессиональной дискурсивной деятельности – журналистского медиадискурса. В данную сферу включаются следующие интенции: осведомительная, оценочная и побудительная [Дускаева, 2012].

Интенциональность видится неотъемлемой категорией текста и текстуальности, наряду с когезией – структурной связностью текста, когерентностью – содержательной цельностью и смысловой завершенностью текста, информативностью – выраженностью в тексте какой-либо информации, диалогичностью – восприятием текста как реплики в диалоге, интертекстуальностью – связью текста с другими текстами, обусловленной фоновыми знаниями, декодируемостью – пониманием текста адресатом – и прагматикой – направленностью на адресата» [Клушина 2009; 2012; 2016; Чернявская, 2009].

По мнению Н. С. Цветовой, интенциональность медиатекста определяется «авторской интенциональностью: гипертекстовой (создание определенного фрагмента медиакартины мира); межтекстовой (концепцией издания); текстовой (мотивационной и содержательно-предметной)» [Цветова, 2012, с. 22].

В психолингвистике анализ дискурса и текста на предмет установления интенций его продуцентов получает название интенмент-анализа. В основе интенмент-анализа лежит понимание интенции как одного из стоящих за речью психических процессов и состояний [Павлова, 1998, э/р]. Дискурс исследуется с позиций процедурного подхода, в основном это фрагменты устного дискурса. По утверждению разработчиков, интенмент-анализ дает «возможность объективации интенционального пространства дискурса – совокупности интенций и интенциональных структур, свойственных определенной сфере коммуникации» [Гребенщикова, 2015, с. 57]. Его применение к анализу повседневного дискурса

помогает «не только выявить его интенциональное своеобразие, но и получить новые данные, касающиеся механизмов диалогического взаимодействия, коммуникативных стратегий, формирующихся в разговоре межличностных отношений» [там же, с. 57].

Таким образом, задачи, решаемые аналитиками дискурса, работающими над установлением интенциональных состояний говорящего, возможны не только на микроуровне, то есть на уровне высказывания, но и на макроречевом, то есть на уровне текста и дискурса. При движении от микроанализа интенций отдельного высказывания к макроуровню практики пришли к выводу о том, что сумма отдельных интенций, выражаемых на микроуровне, не равна общей интенциональности текста и дискурса. Для установления данных категорий необходимо обратиться к макроструктурам политического дискурса: «смена и мотивация сюжетов, мотивов, жанров и т.п.» [Варламова 2011, с. 46] и их прагматическому «расщеплению».

2.3.3. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЕГО ЖАНРОВ

Многочисленные исследования политического дискурса, выполненные в данном ключе, выделяют основные критерии, которые непосредственно вытекают из установления интенциональности дискурса данного типа: это его персуазивность, манипулятивность, суггестивность [Голоднов, 2003; Приходько, 2012; Сафонова, 2011; Суханов, 2018; Чудинов, 2008; 2013; 2020; Шейгал, 2000].

Данные экспликативные признаки интенциональности объясняются общественной функцией политического дискурса. «Интенциональность политического дискурса и его общественное предназначение состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Пильгун, 2016, с. 20-21].

Что касается имплицитного / эксплицитного проявления интенций субъектов политического дискурса, то на поверхности должны лежать социальная ответственность и демонстрация позиции защитника общественных и государственных интересов. Как отмечается, адресантам следует скрывать свое персональное «Я» и подменять его коллективным «Мы». Политическим акторам нужно подчеркивать «социальную значимость и ответственность, социальную ангажированность выступления; мотив «я представляю интересы всего общества в целом»» [Варлакова, 2011, с. 47].

Социально-речевая типизация текстов дает возможность реконструировать категорию интенциональности через обращение к жанру. Например, жанры политического дискурса могут подлежать таксономии на основе ведущей (глобальной) интенции. Их классификация по данному параметру произведена Е. И. Шейгал:

– ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение), в которых доминирует фатика интеграции;

– ориентационные жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение);

– агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [Шейгал 2000, с. 280].

Укрупнение единиц анализа приводит к установлению глобальных смыслов политического дискурса, следовательно, и стоящих за ними глобальных интенций [Saussure, 2007]. Так, при изучении прагматических показателей и характеристик президентского интервью как жанра политического дискурса выявляются основные параметры для определения интенционального поля дискурса: пресуппозитивный фонд, связанный в данном конкретном жанре с ограниченностью президентского срока; темпорально-пространственные характеристики, объективируемые в интервью президента посредством приемов ретроспекции и проспекции, профессионально-статусные цели, обусловленные принадлежностью глав государств к политической элите; референциальный компонент, сопрягающий политическую реальность (в частности, противостояние России и Запада) и ее объективацию в дискурсе; тактико-стратегический рисунок, направленный на диалог и сближение с электоратом [Бабич, 2015].

Макроанализ функций политического дискурса и его основных интенций позволил исследователям политического утверждать, что интенциональная составляющая политической коммуникации обуславливает такие его признаки, как информативность, смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, динамичность, фактор масс-медиа, дистанцированность, авторитарность и театральность [Суханов, 2018; Шейгал, 2000].

Рассуждая о соотношении микро- и макроаналитических тенденций, связанных с изучением проблемы интенциональности как дискурсивной категории, нельзя не упомянуть два подхода в лингвопрагматике: радикальный и теория речевых актов. Первый движется по пути «снизу-вверх», отталкиваясь от прагмасемантического анализа конкретных высказываний в традициях Г. П. Грайса и его принципа Кооперации, а также категорий истинности / ложности. Этот метод приводит к экстраполяции единичных выводов на уровень глобального состояния дискурса. Второй структурирован по принципу «сверху вниз» и предлагает объяснять макротенденции в дискурсе и естественном языке результатами рассмотрения ситуативно обусловленных речевых единиц – речевых актов [Saussure, 2007].

Как видим, в исследованиях разных сторон интенциональности, как категории сознания, то есть чисто персонной категории придается роль заполнителя тех лакун, для которых нет объяснения при разработке проблем взаимосвязи мышления, использования повседневного языка и психики языковой личности.

2.3.4. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Научная интерпретация интенциональности как антропоцентрической категории в лингвопрагматическом ключе связана с усилением интереса к лингвоментальному комплексу личности, с лингвистическим фокусом в объяснении предметности человеческого мышления. Это закономерно приводит к объяснению механизмов смыслообразования в дискурсе через представление данной категории как дискурсообразующей. Подобный амфиболизм допускает возможность изучения феномена интенциональности непрофессионального политического дискурса с позиций двух методологических подходов: персоноцентрического (процедурного) и текстоцентрического.

В нашей работе интенциональность – это прежде всего, текстовая категория. Однако ее последовательное объяснение на материале непрофессионального политического дискурса едва ли возможно без обращения к сложной гамме коммуникативно-дискурсивных ролей, выполняемых его субъектами. Полиагентивное действие, обусловленное сложной, комплексной природой непрофессионального политического дискурса, имеет многовекторную направленность и стоящие за ними интенциональные сценарии. Под сценарием мы подразумеваем устойчивые сочетания интенций личности, характеризующееся неразрывностью и синтетическим характером семиотической дискурсивной деятельности. Однако в результате этой деятельности рождается полиинтенциональная дискурсивная данность. Поэтому в интенциональный сценарий входит инвариантный репертуар интенций, но при этом учитываются разносторонние аспекты дискурспроизводства, позволяющие субъекту одновременно наслаивать речевое намерение и цель высказывания, обусловленные разными коммуникативными статусами. Непрофессиональный политический дискурс настолько тесно сплавляет полиинтенциональную природу речевой деятельности личности, что в одной дискурсивной единице (например, в слове *Да*), проявляются сразу несколько прагматических смыслов, вкладываемых пишущим в данный минимальный шаг речевого производства.

Все это оправдывает целесообразность использования двунаправленного метода интенционального анализа текста как опредмеченной единицы дискурса и анализ интенций его автора как субъекта дискурса, находящегося в ситуации совмещения сразу нескольких речевых задач. Если первый этап предполагает выход во внелингвистическую, но при этом дискурсивную реальность, учет прагматического контекста производства НПД в виртуальном коммуникативном пространстве, обращение к коммуникативно-целевому фактору дискурсообразования, то второй этап привлекает лингвостилистический и речеактный анализ реплик комментариев.

Двусторонний характер речевой деятельности, а именно рецепция и (ре)продукция, в реальной речевой ситуации неотделимые друг от друга, определяют интенциональность реактивных вербальных продуктов адресата политического дискурса. «Говорящий», он же пишущий комментарии

пользователь, и слушающий, он же – читающий политическую новость адресат, как правило, выступают в одном лице.

Итак, как показано выше, интенциональность – категория амбивалентная. Она соотносится и с антропоцентром – языковой личностью, так как поле ее бытования – человеческое сознание, и с продуктом, производимым ею – текстом и дискурсом, так как лежит в основе речевой деятельности.

2.3.4.1. Персоноцентрический подход к анализу интенциональности

Анализ интенциональности субъекта непрофессионального политического дискурса заставляет исследователя обратиться к прагматическому контексту дискурса. Одним из его компонентов является адресат новостного текста о политике. С распространением интерактивных видов коммуникации, адресат политического дискурса, в данном исследовании рассматриваемый в более узком плане – как реципиент политического медиадискурса, становится на позицию субъекта – дискурсивной личности, производящей параллельно существующую дискурсивную реальность – непрофессиональный дискурс, предметом которого становятся политические новости, лица, события.

Неоднородность ролей адресата и адресанта дискурса как проблема лингвистической прагматики отмечается во многих исследованиях. Так, говоря о неустранимости адресата из многих типов речевых актов, Н. Д. Арутюнова указывает на сложность системы коммуникативных ситуаций, в которых «адресат предстает то как потенциальный исполнитель или информатор, то как жертва или «подсудимый», то как конфидент или просто «добрая душа», то как свидетель или контролер, то как ценитель или потребитель, то как подпевала, то, напротив, как контрагент» [Арутюнова 1981, с. 361].

Изменение интенционального поля субъекта закономерным образом отражается на функциональных параметрах производимого им дискурсивного продукта. Интенциональность в прагматике тесно связана с перспективой говорящего или с его точкой зрения либо на непосредственный объект интенциональности, либо на пропозицию [Reboul, 2005].

В этой связи, рассматриваемая с позиции персоноцентрического подхода к дискурсу категория интенциональности имеет прямое отношение к репертуару коммуникативно-когнитивных интенций непрофессиональных авторов комментариев как субъектов непрофессионального политического дискурса.

Поэтому далее речь пойдет о характерных для участников непрофессионального политического дискурса коммуникативных (общение, обмен, направленность на внешние объекты) и когнитивных (размышление, рефлексия, направленность на внутренние психические процессы) интенциях. Вариативность интенций субъектов непрофессионального политического дискурса обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, НПД характеризуется полиагентивностью. Число его участников не ограничено и увеличивается *ad infinitum*. В сетевую дискуссию может включиться любой читатель или пользователь, владеющий языком данного сообщества. В большей мере сообщество привлекает представителей

одной лингвокультуры, однако есть специфические типы СМИ, которые производят новостной дискурс на языке международного общения – английском. К ним, например, относится агентство новостей «Russia Today». У данного агентства есть и русскоязычная и англоязычная версии. Соответственно, на его платформе дискурс непрофессиональв-комментаторов производится на двух языках. В этом плане на англоязычной платформе время от времени возникают конфликтные ситуации. Например, не далее, как в начале 2021 года платформа «RT на русском» перешла на новый комментаторский проект *Tolstoy Comments*. Создатели проекта объясняют такое нововведение тем, что виртуальные боты иностранного происхождения стали вносить очень много спама, делая восприятие НПД сообществом затруднительным.

Во-вторых, социальные параметры личности участника НПД не идентифицируются и не ограничиваются организаторами платформ для комментирования. Анонимность участников НПД в виртуальном пространстве ленты комментариев обеспечивается техническими сервисами. Безусловно, те или иные идентификационные параметры субъектов НПД обнаруживаются при анализе текстов. Однако, это только результаты интерпретативных данных, полученных на основе аналитических исследований. Так, субъект женского пола вполне может использовать речевую маску автора-мужчины и публиковать гендерно-маркированный комментарий со всеми параметрами, выявляющими мужской стиль текстообразования. Поэтому можно допустить, что разнородность социальных групп влияет на палитру интенций, реализуемых участниками.

Тем не менее, данное исследование преследует цель установления интенциональных параметров НПД соответственно коммуникативно-дискурсивным признакам его функционирования. Соответственно, в-третьих, при развертывании анализа «от личности к тексту» выбранным основанием становится набор коммуникативных ролей, в которых выступают непрофессиональные участники политической коммуникации в интернет-среде. Согласимся с мнением, выказанным Е. С. Кара-Мурзой, о том, что «интенциональный анализ конкретного текстового массива надо проводить с учетом всех дискурсивных и профессионально-речевых ролей» [Кара-Мурза, 2012, с. 35]. Данное основание видится нам облигаторным для выбора аналитического принципа с целью установления интенций, согласующихся с прагматической парадигмой, по причине того, что любой участник непрофессионального комментирования априори выступает в каждой из всех анализируемых коммуникативно-рецептивных ролей. Та или иная коммуникативная роль (например, комментатор – это прежде всего адресат политического дискурса) предопределяет ведущую (глобальную) интенцию, реализуемую в выборе жанровой разновидности речевого общения, имеющей прагматическую заданность.

Более глубокий взгляд на парадигму исполняемых субъектами НПД ролей позволил установить релевантность следующих ипостасей, влияющих на интенциональную структуру дискурса непрофессиональной языковой личности и предопределяющих его иллюкативный сценарий:

1. Адресат политического дискурса, опосредованного медиа, – реципиент/ читатель новостей в сети Интернет.

2. Субъект политического дискурса, адресант, производящий дискурс, тематически соотносящийся с политической сферой, репрезентированной через категории повседневности.

3. Политический актор, представитель гражданской части населения, а также репрезентант обыденного политического знания/ представитель второго члена оппозиции «власть – народ».

4. Партиципant виртуальной политической коммуникации/ интерактант, обменивающийся социально и культурно значимыми смыслами с партнерами, вступающий с ними в диалог (в идеально-условной его форме).

2.3.4.1.1. Когнитивно-рецептивные интенции субъекта непрофессионального политического дискурса как адресата массовой политической коммуникации

Итак, разберем каждую из коммуникативных ролей субъекта НПД и рассмотрим характерные для данной роли интенциональные сценарии. В процессе производства ответного (реактивного) дискурса комментирующий субъект в первую очередь выступает как адресат массовой политической коммуникации. Данная коммуникативная роль сопровождается рефлексией, стратегиями извлечения необходимой, интересующей дискурсивную личность информации, ее декодирования и понимания. Как пишет Е. В. Варламова, «ригидность/активность и отчужденность/причастность – это рефлексивные позиции, которые реципиент занимает в процессе восприятия политических текстов; доминантность той или иной рефлексивной позиции в значительной мере обусловлена особенностями риторики политического дискурса. Именно способность политического дискурса проецироваться на рефлексивную реальность реципиента, пробуждать рефлексии и таким образом обеспечивать его рефлексивную причастность к событиям текста является гарантией его жизнеспособности» [Варламова, 2011, с. 48].

Рефлексия с лингвопрагматической точки зрения – это реализация рецептивно-когнитивных интенций, представляющей обратную связь, реакцию и ответ на иллокуцию дискурса-источника. В данном аспекте в качестве основной выделяется респонсивная интенция, которая характеризуется вербально выраженным проявлением перлокутивного эффекта от прочитанного. Традиционное соотношение между интенцией и иллокуцией, принятое в лингвопрагматических исследованиях, в НПД претерпевает некоторые изменения, а точнее переживает, как и многие форматы коммуникации процесс гибридизации. Интенции читателя новостей представляют результат коммуникативного эффекта (перлокуцию) от институциональных дискурсивных воздействий с последующим намерением его (этот результат) снова «отлить» в дискурсивную форму, но уже непрофессионального и неинституционального характера.

Фокус интенциональности субъекта как воспринимающего политический дискурс-источник направлен на разноуровневые фрагменты дискурса, активизирующие парадигматические и синтагматические связи комментируемого текста с другими источниками. Реализация макроинтенции респонсивного характера читателем, выступающим в роли комментатора возможна в виде следующих интенциональных сценариев:

1. **Сценарий 1, Шаг 1а (сильная позиция проявления респонсивной интенции):** интенция коммуникативного выбора: субъект просматривает и читает только избранные новости о политических событиях, при этом выбирая их из заранее заданной медиа повестки дня (иллюкуция+перлюкуция). Ему нужно выбрать то, ЧТО более всего заинтересовало и поместить в фокус внимания. В комментарии выбранный элемент обнаруживается на эксплицитном уровне.

2. **Сценарий 1, Шаг 1б (слабая позиция проявления респонсивной интенции):** комментатор, реализуя декодирование, в производном дискурсе отражает только референциальный ряд из дискурса-источника.

3. **Сценарий 1, Шаг 2а:** интенция декодирования смысла(-ов) новостного текста на политическую тему. Реципиенту нужно понять, осмыслить и отразить в дискурсе то, ЧТО помещается в фокус размышления. В комментарии он вербализует свое понимание/представляет распределенный смысл выбранного элемента.

4. **Сценарий 1, Шаг 2б:** интенция установления скрытого посыла/реконструкции импликатур дискурса-источника либо достраивания смысла исходного дискурса.

5. **Сценарий 1, Шаг 2в:** интенция ответа на условный вопрос/предложения решения проблемы, сформулированной эксплицитно/имплицитно в фокусном фрагменте дискурса-источника.

Проиллюстрируем действие вариантов интенционального сценария 1 на примерах дискурса адресата. Классическим примером варианта сценария 1 Шаг 1а является следующий комментарий:

"При этом Карпентер уточнил, что на границах Белоруссии и государств альянса может произойти провокация, в которой очень сложно будет найти реального организатора." Особенно если авторами провокаций будут натовцы. Как предсказуемо [В США заявили..., 2021].

Цитата из дискурса-источника занимает значительную часть в дискурсе данного автора, что указывает на реализацию сценария 1, шага 1а (сильная позиция проявления респонсивной интенции). Как видим, субъект комментирует конкретный фрагмент из новости. Затем автор делает собственное умозаключение, основываясь на личной позиции и на политическом знании. То есть он достраивает смысл цитаты, таким образом реализуя шаг 2б сценария 1.

В следующем примере наблюдается действие шагов 1 и 2 интенционального сценария 1:

Страшно? Поляки начнут а прилетит в Вашингтон [там же, 2021].

В данном тексте Шаг 1б сценария 1 (слабая позиция проявления респонсивной интенции) репрезентирован через отдельные единицы из дискурса источника, которые в дискурсе-источнике ответственны за локативный аспект

(или хронотоп): *Поляки* и *Вашингтон*. Данные единицы типологически неоднородны. Первое наименование использовано в генерализованном смысле и относится к представителям государства Польша, согласимся, что начнут войну не рядовые граждане. Второй топоним в данном дискурсе может трактоваться двойственным образом: как метонимическое представление политиков страны со столицей в Вашингтоне (метонимический перенос с единичного на целое), и также как буквальное обозначение топоса – первый удар традиционно наносится по стратегически важным объектам, к которым относится столичный город. Соположение этих двух неоднородных дискурсивных элементов тривиально для спонтанного непрофессионального типа дискурса. Однако вариантом шага 2 является поиск истинных эмоций, стоящих за заявлением представителя американской стороны. Читатель уверен, что причиной всему страх, и поэтому начинает свой комментарий вопросом: *Страшно?* Безусловно, комментарий обнаруживает саркастическое отношение читателя к источнику и его субъекту, однако в этом сарказме как раз и эксплицируется перлокуция от дискурса-источника: он в некотором роде повеселил комментатора-читателя, заставил его лишней раз порадоваться за силу и мощь своей страны.

Следующий пример эксплицирует шаг 2а сценария 1 и интенцию автора вступить в диалог с автором дискурса-источника для того, чтобы прийти к пониманию. Об этом читатель заявляет прямо и в самом начале своего дискурса: *Я не понимаю. Зачем Режим РФ поддерживает преступные режимы, которые могут столкнуть Россию в военный конфликт с демократическими государствами.!?* [В США заявили..., 2021].

При наличии эксплицитного маркера шага 2 (лексемы *понимаю*) сценария 1, мы определяем вступление адресата в условный диалог с автором. С другой стороны, мы видим, что пропозиция с глаголом объективной модальности *понимать* употребляется здесь для выражения позиции несогласия и эмоции возмущения. Комментатор возмущается неподобающей политикой (*режимом*) РФ по отношению к политике других государств. Интересно конструирование комментатором дискурса с помощью особых единиц языка политики, заимствованных из тоталитарного дискурса: *преступные режимы столкнуть Россию в военный конфликт, демократические государства*. Данные единицы вскрывают официально-номенклатурное отношение автора к политической реальности, а также контрастируют с первой фразой. Непонимание проистекает из принципиальной несочетаемости дискурсов: дискурс политика и дискурс комментатора определенно находятся в разных плоскостях и репрезентируют разные идеологические позиции.

Достраивание смысла дискурса-источника (шаг 2б сценария 1) обнаруживается и в следующем примере комментария к тому же материалу: *Значит, вариант нападения, к примеру, Польши, даже не рассматривается? Иначе зачем упоминать 5-ю статью? Союзники обязаны вмешаться, только если на члена НАТО нападут. Если он сам нападет, то сам и расхлебывать будет. Причем здесь альянс? И провокации упомянул... Чую, скоро там начнутся одна за другой. А обвинят во всем Беларусь. Ну-ну. У нас тоже ОДКБ*

есть, по которому мы сто пудов влезем. И они это знают. Нужно ли им это, вот в чем вопрос [В США заявили..., 2021].

Данный пример интересен тем, что в нем наблюдаются три шага имплементации когнитивно-рецептивной интенции субъекта НПД как реципиента. Шаг 1 б наблюдается в форме рассеянных по всему дискурсу элементов из исходной статьи. Шаг 2 также имплементируется в варианте б, так как комментатор достраивает посыл субъекта политики, в данном фрагменте, это Тед Гален Карпентер, старший научный сотрудник Института Катона. Инференция выражена в первой пропозиции, построенной в форме риторического вопроса *Значит, вариант нападения, к примеру, Польши, даже не рассматривается?* Вводное слово значит указывает на домысливание по типу «Если автор дискурса-источника сказал А, значит он подразумевает Б» (по принципу Г. П. Грайса, *what is said and what is implied*). Второе и третье высказывания эксплицируют шаг 1б, то есть извлечение готовых элементов из дискурса-источника. Последние пропозиции дискурса данного комментатора как раз являются репрезентантами имплементации третьего шага респонсивной интенции: формулирование вопроса / проблемы, извлекаемой из дискурса-источника: *Нужно ли им это, вот в чем вопрос*. Комментатор эту проблему видит в том, что США не вполне заинтересованы в развязывании войны с Россией. Эта мысль перекликается в дискурсе комментариев к данной статье с другой, представленной выше: США боятся вступать в вооруженный конфликт с Россией.

Следующий читатель формулирует свой комментарий в форме вопросов к автору статьи:

А из-за Украины воевать не будете?))))) Ты писатель Белоруссию на карте найдешь без подсказки? [В США заявили..., 2021].

Здесь мы видим единицы, извлеченные как из дискурса-источника: *Белоруссия*, так и из гипердискурса политических новостей: *Украина*. Употребление комментатором референциальных единиц из дискурса-источника указывает на шаг 1б (слабая позиция) сценария 1. Сделав свой выбор в пользу соседствующих государств, комментатор высказывает сомнение в географической компетентности автора дискурса-источника. Таким образом, второй шаг в имплементации его респонсивной интенции – это иронические и в то же время риторические вопросы, вскрывающие подлинный смысл статьи: НАТО развяжет войну из-за стремления завладеть всей территорией бывших советских республик, не важно, будь то Белоруссия, или Украина. Реконструкция имплицитного посыла дискурса-источника – реализация шага 2б сценария 1.

Следующий реципиент выявил условный вопрос/проблему, сформулированную в дискурсе-источнике, и предлагает ее решение:

Так ведь решение простое до безобразия! Не лезьте в чужой дом, не поджигайте дверь соседу... и тогда риск войны как-то сам собой уходит... Лукашенко даже самые упоротые поляки не обвиняли в том, что он хочет захватить соседние страны. Так в чём тогда проблема?.. Может в обнаглевших поляках и прибалтах? [В США заявили..., 2021].

В данном примере шаг 2в – интенция предложить решения проблемы актуализируется в первой пропозиции. Затем автор формулирует свои предложения в виде обращений-советов, а затем повторяет свое понимание дискурса-источника как проблемы. Данное высказывание также сопровождается выражением агрессивного настроения комментатора, просторечные эмоционально-экспрессивные прилагательные *упоротые* и *обнаглевшие* только усиливают его экспрессию и подчеркивают раздражение.

Следующий пример для анализа:

Получается, что Беларусь не дает США ослабить Россию. А еще хуже войдет в состав России, а там по цепочке и Украина, сместив своих нациков присоединится. Союз трех славянских стран это же крест на мировом господстве [В США заявили..., 2021].

Данный комментарий в своем зачатке также эксплицирует сценарий 1, т.е. реализацию интенций субъекта в роли реципиента, но в слабой позиции. Безличная форма глагола *получается* фактически указывает на восприятие проблемы дискурса-источника как задачи, в результате решения которой, адресат делает вывод и находит решение. Оно сформулировано далее в этом же высказывании. И далее автор разворачивает сценарий возможных действий и решение проблемы представит в его дискурсе в форме еще более глобального смысла: *крест на мировом господстве США*.

Интересный случай репрезентации шага 1а сценария 1, выбор конкретного высказывания и комментирование плана выражения:

"следовать традициям первого президента самостоятельной Чехии" - слово "самостоятельной" здесь явно лишнее) [В Чехии решили..., 2021].

Интенция выбора комментатора эксплицитна и очевидна. Его фокус внимания сосредоточен на фразе, содержащей по его мнению лишнее слово. В усмотрении неистинного суждения, а именно, *Чехия* не является *самостоятельной* страной, комментатор выражает интенцию восстановления принципа кооперации и баланса коммуникации. Сценарий 1, состоящий из двух шагов 1а и 2а, описывает интенциональные установки тех читателей, которые в буквальном смысле слова «читают» опубликованный материал.

2.3.4.1.2. Дискурсивно-продуктивные интенции субъекта непрофессионального политического дискурса в коммуникативной роли продуцента

При анализе НПД выделяется весьма обширная группа читателей, которые фокусируются на обсуждаемом материале, однако их дискурс достаточно слабо зависит от прочитанной статьи. При анализе их текстов-комментариев выявляется, что малое количество единиц связывает дискурс рядовых личностей с исходной новостью. На формирование их интенциональных установок влияют макротемы, реконструируемые на основе ключевых смыслов макропространства медиадискурса политического характера. Также данный тип читателей воспринимает обсуждаемый текст как один из серии (клиповый вариант восприятия) в контексте многочисленных дискурсивных событий политической

тематики. Дискурс, производимый авторами комментариев, как субъектами НПД «отпочковывается» от медиатекста, к которому он формально и локально привязан и формирует отдельное пространство. В этом случае нами установлены варианты иллокутивного Сценария 2 при коммуникативной роли субъекта НПД, принимаемой в качестве константы, а ключевых интенциональных установок – в качестве переменных. Для выявления набора интенций рассмотрим дискурсивную деятельность комментатора как субъекта НПД.

В этой ипостаси автор комментария оценивает и интерпретирует политическую действительность согласно непрофессиональной политической картине мира. Он встраивает новые политические события в систему интериоризованных явлений (политического знания), репрезентирует в продуцируемом им дискурсе свои ценностные установки, описывает политическую реальность согласно собственному мировидению. В коммуникативной роли субъекта / автора / пишущего комментатор реализует макроинтенцию продукции, которая соотносится с семантикой глагола «комментировать».

Прагмасемантическое наполнение глагола «комментировать» в аспекте порождения НПД подразумевает: 1) описание (констатацию) положения дел, 2) пояснение данного положения дел с направленностью «от политики к повседневности» и наоборот, 3) оценку, выражение личного отношения к политической ситуации, актуальных событий, явлений и субъектов из сферы политики в обыденном, повседневном преломлении, 4) выражение переживаемой эмоции в результате наблюдения за положением дел в области политики и 5) желание изменить существующее положение дел. Таким образом задействованы когнитивная, аксиологическая, эмоционально-волевая сферы личности. Также дискурсивные интенции взаимосвязаны с функциями речи, в большей мере с функциями трех типов дискурсов: повседневного, политического (в его медиаопосредованном варианте) и виртуального.

Так как макроинтенция субъекта, производящего НПД, больше сосредоточена и направлена не на адресата (по нескольким причинам, изложенным выше: размытость, массперсональность, самопрезентация, рефлексивность, диалог с текстом), а на обсуждаемый предмет/событие/фигуру политического мира, то и микроинтенции не носят адресатоориентированный характер. Часто микроинтенции соответствуют лингвистическим конституентам дискурса: его топику, его формату и модусу. Дискурс в сети выполняет ту автокоммуникативную функцию, какую ранее принимали на себя письменные жанры комментария на полях книги и дневниковых записей: Я (непрофессиональный, неэлитный, но значимый) существую и мой голос важен в этом социо-речевом универсуме. Это обусловило выделение следующих шагов в интенциональном сценарии субъекта НПД как рефлектора политики в повседневной проекции. Реализация макроинтенции комментирования политических новостей предполагает:

1. Сценарий 2, шаг 1: интенция постановки проблемы актуальной для субъекта темы комментирования (микро или макро, из текста или из макродискурса, политическая или личная, ядерная или периферийная). Тема

прямо или косвенно соотносится с центральным предметом обсуждения, даже при отклонении от нее соблюдается принцип тематизации.

2. **Сценарий 2, шаг 2а:** интенция репрезентации темы / когнитивная стратегия сужения фокуса, расширения фокуса, ретроспекция, проспекция, категоризация, добавление новой информации, блендинг.

3. **Сценарий 2, шаг 2б:** выбор доминанты отношения: личное/социальное; нейтральное/эмоциональное; эксплицитное/косвенное. Интенция выражения отношения к дискурсу/проблеме: юмор, крайняя степень – сарказм, экспрессия.

4. **Сценарий 2, шаг 2в:** интенция дискурсивной репрезентации с преобладанием политического или повседневного, констатации политической действительности или регуляции ее фрагментов.

Проанализируем полиинтенциональный ряд следующего фрагмента дискурса НПД, локализованного под материалами Fox News (Caitlin McFall) от 21 июля 2021 года «US, Germany threaten Russia with sanctions if Nord Stream 2 pipeline is used as a 'weapon' The warning came just hours after the US and Germany announced a deal to permit completion of the pipeline». Важно отметить, что этот комментарий – ответ на следующую реплику, которая и послужила стимулом для производства дискурса:

Guaranteed it will be used as a weapon BUT, by then germany will be totally dependent of Russia for heating in winter ! THEY DID IT TO THEMSELVES !

Germany is already dependent on Russia for heating and more. The only difference will be that Germany will receive their gas supplies directly, without Ukraine in the middle. As things stand now, Germany and most of Europe receive Russian gas via the pipeline that goes through Ukraine, so Ukraine charges transit fees, thus increasing the cost for European countries downstream, and also steals gas from the pipeline because Ukraine is chronically short of funds to pay for gas.

Cutting out the middleman had always had business sense, especially such an unscrupulous middleman as Ukraine is.

Another country that will be cut out by the new pipeline is Poland. Instead of getting on the cheap Russian gas resold by Ukraine, they'll have to buy the same Russian gas on European spot market and get it from German pipeline, or buy even more expensive liquefied gas [McFall, 2021].

Во-первых, субъект данного дискурса придерживается единой тематической организации, он не отходит от темы и не устранивается в область повседневного. Выбор темы естественен (шаг 1): он говорит о состоянии и причинах такого состояния одной из европейских стран – Германии. Его первая интенция констатации касается зависимости Германии от России. Интересно, что он не уточняет прочие параметры зависимости помимо топливной, обозначая их размытым понятием *more*. Далее полиинтенциональный сценарий развивается постепенно, без особых акцентуаций и домыслов. Интенция констатации дел повторяется, после того, как автор поменял интенцию с констатирующей на прогнозирующую, он будто снова возвращает нас в настоящее новой констатацией, используя дискурсивный показатель данной интенции *As things stand now*. С констатирующей интенцией (шаг 2в) переплетается намерение растолковать и объяснить, почему так обстоят дела в

ситуации с Германией и что вынуждает ее эту ситуацию поменять: отказаться от покупки газа у посредника – Украины. Распознавание экспланаторной интенции возможно по наличию выставленных автором дискурсивных слов: *so, thus, and, also, because*. Данная последовательность указывает на фактологические цепочки, построенные комментатором по следующей модели: 1) факт – ***Germany ... receives Russian gas via the pipeline that goes through Ukraine*** (предварительная констатация), 2) его следствие 1 – ***so Ukraine charges transit fees*** (объяснение), 3) его следствие 2 – ***thus increasing the cost for European countries downstream*** (объяснение) сопутствующее обстоятельство – ***and also steals gas from the pipeline*** (дополнительный факт, ухудшающий политическую ситуацию, но не достоверный – фокусная констатация). Причина сопутствующего обстоятельства, усиливающая отрицательный эффект следствий 1 и 2 в отношении Германии – ***because Ukraine is chronically short of funds...*** указывает на усиление фокусной констатации, таким образом реализуется шаг 2а сценария 2 – сужение фокуса. В представленном фрагменте реализация констатации происходит через аргументацию (смысл: Украина не виновата, нивелирование оценочного факта, что Украина ворует газ), а также через экспрессию, выраженную через наречие *chronically*, которое показывает невозможность изменения ситуации, поэтому мы наблюдаем шаг 2б сценария 2. Используя наречие *chronically*, автор показывает свое сочувствие – в повседневной речи наречие *хронически* типично сочетается с болен, значит страна, как и человек, страдает хроническим заболеванием, отсюда сочувствие на фоне общего осуждения. Таким образом, интенциональный сценарий дискурса, производимого данным субъектом, имеет следующий вид: выбор темы – констатация – прогноз – констатация – экспланаторность с привлечением каузальных фактологических данных; и через установление отдельных элементов обнаруживается и интенция выражения эмоции (в данном случае это сочувствие Украинскому государству). Субъект выстраивает по отношению к дискурсу-источнику достаточно независимые отношения, конструируя свой дискурс с минимумом деривационных связей. Его дискурс имеет автономное существование, так как за исключением кореферентных единиц в тексте нет элементов из дискурса-источника. Для передачи своих интенций он использует всю речевую копилку и пресуппозитивный фонд. Иллокуция его дискурса меняется в соответствии со сменой коммуникативной роли реципиента на роль продуцента.

Представим еще один пример дискурса, субъект которого реализует сценарий 2:

Biden threatens Russia. What a joke. I'm sure Russia is shaking in their boots from laughing so hard. That's like saying a kid in kindergarten is going to threaten someone in the UFC [McFall, 2021].

Сначала он выдвигает компрессированную, максимально сжатую пропозицию, в которой отражено все его видение ситуации с заявлением американских властей (шаг 1). В пропозиции есть только референты и связующее их действие (фактически вскрыта интенциональная установка политического актора: президента Байдена – он угрожает – декларатив). Затем

интенция констатации факта – установки политика – меняется на модус недоверия и иронии (шаг 2б). Автор комментария не верит в профессиональную напористость Д. Байдена и выражает свое отношение полного недоверия, так как это президент не способен угрожать. Он присоединяет к своему отношению и отношение противоположной стороны – второго референта пропозиции *Russia*. С помощью слов *joke, laugh* субъект переходит от указания на опасную ситуацию к указанию на несерьезную, смешную, а затем и совсем переводит политические отношения в область повседневности, предельно понижая природу этих отношений и сравнивая ее с взаимодействием незрелых детей, более того, малышей в детском саду, реализуя таким образом шаг 2в сценария 2. Окончательное доведение ситуации до абсурда происходит, когда мы видим второй объект для сравнения – *UFC*¹. Это усиливает комичный эффект обсуждаемой проблемы. Таким образом, начиная с констатации, автор показывает и свое отношение – смеховое, ироничное, и эмоцию, рисуя политику Джо Байдена как абсурдную. Когнитивный прием сравнения двух заведомо разных объектов призван реализовать интенцию экспланаторности с приведением яркого вымышленного примера (шаг 2а).

Следующий пример дискурса субъекта НПД и его интенциональный сценарий:

It is an old fact that it has happened before, that the Russians will use it as a weapon. Simply by turning off the gas in a bitter cold January winter, unless of course the Germans will pay more... Good luck with sanctions, dummies [McFall, 2021].

Реплика данного автора начинается с утверждения о чем-то, что давно всем известно. То есть он указывает на пресуппозицию, которая также имеет не очевидный характер и ее истинность под вопросом. Тем самым он реализует персуазивную интенцию убедить в своей правоте и репрезентировать себя в сети как разбирающегося в политике собеседника. Последней фразой он показывает, что в его системе категоризации мира существуют сценарии, которые снова будут иметь место при данных обстоятельствах – *it has happened before, that the Russians will use it as a weapon*. Автор находится над ситуацией и желает дистанцироваться от решения власти относительно санкций, еще сильнее делая акцент на своей наблюдательности, знании и опыте. При доминанте продуктивной интенции он реализует ее в вариантах самопрезентации, персуазивности и пренебрежительного отношения к лидерам страны, производящей санкции, направленные на Россию.

Следующий автор отклоняется от темы, выбирая периферийную тему дискуссии «женщина – президент»:

I could never understand how a former communist East German woman became head of state, Chancellor, in former West Germany! She was raised and schooled in East Germany, probably learned Russian before English. She has an indoctrinated "east" Europe orientation [McFall, 2021].

Его интенция сменить тему налагается на другую, более имплицитную: он показывает скрытые политические механизмы. Поэтому шаг 1 наблюдается в

¹ Ultimate Fighting Championship – спортивная организация, базирующаяся в Лас-Вегасе, США, и проводящая бои по смешанным единоборствам по всему миру.

слабой позиции. Во всем виноваты коммунисты – классический случай теории заговора. Ее частный случай и описывает данный автор. А. Меркель принадлежит к соц лагерю и не может принимать верных решений за свою (не свою) страну – Западную Германию. Его рассуждение строится согласно трем интенциям дискурсообразования – политической тематизации (несмотря на уход от центральной темы, субъект остается в политической сфере в первой части реплики), сужению фокуса рассмотрения фигуры политика и репрезентации повседневности в варианте автобиографичности повествования, которые соответствуют шагам 2а и 2в сценария 2.

Следующий фрагмент дискурса показывает варианты реализации сценария 2, но под несколько другим углом зрения:

Politicians just amaze me everyday - this is like the mouse buying cheese from the rattlesnake. Or your pregnant, unwed daughter moving into your house with her unemployed boyfriend - you know the story and how it ends [McFall, 2021].

Выбор темы с одной стороны максимально широк, автор выражает свое отношение к политикам как классу, как подвиду (шаг 1). Затем сравнивает этот класс, перенося их в ситуации вымышленной, фантазийной повседневности: первая мифологично-сказочная, вторая возможная, но вероятнее всего, взятая из кинематографа. И первая, и вторая ситуации призваны показать, насколько не обдуманно и непредсказуемы действия политических лидеров современности. К тому же использование обстоятельства *everyday* указывает на безнадежность и регулярность таких действий. В данном случае очевидна реализация автором шагов 1-2в в пределах одного текста, а варианты шага 2 представлены в «симбиозе».

Представим следующий фрагмент. В следующем ниже примере субъект прямо указывает на свою установку глаголом *predict*, а последующая серия глагольных форм будущего времени подтверждает реализацию прогноза.

*Meadows did not require direction from Trump to be what the NYT now reveals. We recall his behavior as a member of the Tea Party's Freedom Caucus while in Congress. That coterie of flotsam also included scoundrels like **Pompeo** and Mulvaney. No one should forget that, least of all, the media. **Pompeo** went on to become the worst Secretary of State the country had ever known, and considers himself Presidential material. He **more resembles an untalented short order cook laboring in a Midwest greasy spoon**. No disrespect meant to talented short order cooks* [Banner, 2021].

Политический нарратив, избранный автором следующего комментария в конечной части дискурса сменяется на сравнение референта дискурса (в этом фрагменте им является Майкл Помпео) с поваром в сети кафе быстрого питания. Используя такое резкое снижение статусности личности и перенос качеств политика в сферу быстрого питания, автор комментария показывает, что референт совсем не годен как профессионал. Поэтому в дискурсе данного субъекта наблюдаем реализацию шага 2б, сценария 2. Интересно еще отметить, что обрушив статус Помпео до плохого повара в забегаловке «грязная ложка» на Среднем Западе, субъект пытается соблюдать принцип вежливости и включает ремарку относительно отсутствия неуважения к поварам данных ресторанов.

Выбор темы не всегда происходит с опорой на дискурс-источник. В частности, следующий субъект выдвигает на первый план и помещает на одну временную ось событие из недавнего политического прошлого – снос памятника маршалу Коневу в Праге:

надеюсь, пока памятник Коневу не восстановят, ни на какое улучшение Россия не пойдёт, иначе это предательство какое-то получится [В Чехии решили..., 2021].

Интенция выбора темы (шаг 1 сценарий 2) сопровождается выражением чувства, определяемого глаголом *надеюсь*, который репрезентирует интенцию в слабой позиции и выдвижение в фокус более релевантного в отношениях Чехии и России, с точки зрения субъекта НПД, факта. Его комментарий включает идеологему *предательство*, которое демонстрирует расширение фокуса интенциональности в аксиологическую сферу. Главная ценность, и желание ее репрезентировать в личном дискурсе свой социальный статус через включение прецедентных имен Второй мировой войны – это патриотизм, служение Родине.

В процессе обсуждения внешнеполитических проблем с Чехией следующий автор реализует шаг 3, выбирая вектор на повседневность:

Ну всё, хана Чехии. Называется, назло бабушки отморожу уши [В Чехии решили..., 2021].

В данной реплике проблема очерчена комментатором одним элементом: *Чехия* и ее критическое положение. Таким образом шаг 1 сценария 2 соединяется с шагом 2 в вариантах а) и в), так как комментатор предвосхищает развитие событий. Его перспекция сформулирована так лаконично, что более кратко сказать невозможно: *Чехии хана*. Как следует из этой фразы, интенция констатации факта в направлении от политики к повседневности. Тема повседневности представлена элементом паремийного фонда носителя русской лингвокультуры. Кроме того, тема повседневности закрепляется и на уровне интердискурсивности. Сленгизм *хана* и само паремийное высказывание *назло бабушки отморожу уши* показывают, что в политический дискурс явно вклинивается и превалирует обиходно-разговорный его тип. Прагматическое значение данного крылатого выражения: сделаю хуже себе, чтобы отомстить другим.

2.3.4.1.3. Политико-идеологические интенции субъекта НПД в коммуникативной роли политически активной непрофессиональной личности

В поле непрофессионального дискурса субъекта происходит обмен политическими знаниями и приращение жизненного опыта. Желание понять политические процессы и привести все происходящее к единому «знаменателю» характеризует и дискурсивную практику интернет-комментирования. В данном виде дискурсивной деятельности непрофессионалов от политики большое значение имеет угол зрения, перспектива с позиций которой они «смотрят» на политическую реальность. Эта перспектива в значительной мере определяется обыденным сознанием и мышлением.

Повседневность как одна из ключевых концепций теорий обыденного сознания «вмешивается» в мир политики и согласно ее канонам (повседневности) идет соизмерение ценностей и фигур из сферы политики. Как пишет К. Ю. Киричек: «Между тем, повседневность сама основана на достаточно жестких порогах и различиях, разграничивающих «плохое» и «хорошее», «справедливое» и «несправедливое», «истинное» и «ложное», «красивое» и «некрасивое» и пр. [Киричек, 2013, с. 233]. Именно эти, кажущиеся естественными и не вызывающие сомнений различия образуют почву права, науки, философии, политической власти и т.п. форм рациональности» [Киричек, 2013].

Понимание политических процессов в обществе происходит через идеологическую составляющую. Непрофессиональные личности конструируют свой дискурс согласно идеологическим взглядам и ценностным ориентирам, сложившимся в результате освоения мира повседневности. Как считает американский политолог К. Дойч, «понять политику – означает прежде всего быть способным узнать, что является важным – т.е. видеть факты, которые производят наибольшее воздействие на исход событий. Это также означает способность знать, что является ценным – представлять, какое воздействие каждый политический результат будет оказывать на наши ценности, а также на события и людей, которых мы любим и о которых заботимся. И в конечном счете это значит – знать, что есть действительность и правда» [Киричек, 2013, с.55].

Находясь в коммуникативной роли политического актора, субъект ставит свои политические интересы во главу угла и соответственно реализует потребность быть проинформированным о политических событиях, а также обозначить свою активную гражданскую позицию в сети/в ленте комментариев.

Политический актер (активный представитель общественности/гражданской журналистики) имеет свой набор интенций, который он стремится реализовать, производя НПД. Тематически его дискурс тяготеет в область политического, но средством для освоения политической реальности, своего рода аналитико-идеологическим инструментом становится система ценностных ориентиров, сложившихся в результате повседневного опыта.

Субъект НПД – политический актер – имплицитно в дискурсе свою политическую позицию как макроинтенцию (де)легитимизации. Как политически ориентированный субъект он не всегда оречевляет свою интенциональность посредством буквальных речевых актов. Гораздо чаще ее реализация и опредмечивание политических смыслов дискурса происходит между строк – на имплицитном уровне дискурса, поэтому политические интенции в НПД конструируются в основном на уровне имплицатур. Если пользователь публикует высказывание как саркастическое в ответ на одобрение очередного политического решения правительства, то первым предположением является его позиция «Я – против», то есть выявляется делегитимизирующее действие. Однако политическое пространство, в котором находится субъект НПД, организовано по полиагентивному принципу. При комментировании новостей субъект может учитывать воздействие ряда факторов: политику правящей элиты, политику противоборствующих государств, воздействующую

политику новостного агенства, а также политику конкретного автора и ближнего партнера по коммуникации. Поэтому в комментарии на первый план выходят импликатуры оппозиции политического дискурса (власть – народ), а затем вариативно, в зависимости от обсуждаемого политического или дискурсивного события, могут реализовываться интенции относительно других агентов дискурса и политического мира.

Соответственно, сценарий 3 реализации политико-идеологической интенции включает:

1. Сценарий 3, шаг 1: интенция идеологической адаптации политического события.

2. Сценарий 3, шаг 2: интенция идентификации себя относительно политических групп: а) согласно дихотомии «свой – чужой»; б) согласно собственной позиции: индивидуалист, патриот, анархист, нигилист, эксперт от народа и т.д.

3. Сценарий 3, шаг 3: интенция определения локации в пространстве профессионального и непрофессионального. обыденнизация/ или рестрикция политической сферы.

4. Сценарий 3, шаг 4: интенция (де)легитимизации действий политических акторов (по степени отдаленности: самый дальний иностранный лидер, затем внутренние политические круги, затем медиа, затем партнеры по коммуникативной площадке; по предмету легитимации: действия/дискурс/ качества).

Интенция идеологической адаптации в дискурсе реализуется через обозначение системы аксиологических координат, соотносимых с видами ценностных установок: а) морально-этического плана; б) политико-идеологического плана; в) материально-экономического плана. Например, в дискурсе американских комментаторов НПА (непрофессиональных политических акторов) репрезентирует себя через единение с Родиной, конструируя патриотический дискурс. Так, например, поступает данный автор: *What America needs is a special presidential election and remove this whole incompetent administration. Joe Biden resigning won't solve the problem* [Koffler, 2021].

Реализуя шаг 1, комментатор берет за аксиологический центр страну как вариант макро-идеологемы и приписывает ей качества одушевленного лица с помощью предикатов, описывающих действия и потребности гражданина: *needs, remove*. Очевидно, что эти «потребности» соотносятся не с государством как цельным институтом, а с личными воззрениями и политической позицией субъекта.

Шаг 2 результируется в размытой семантике высказывания о Джо Байдене. Отмежевание от политики Байдена не выявляет принадлежность автора к какой-либо социальной группе. Но особый акцент делается на выражении *this whole incompetent administration*. Его постановка в рематическую часть высказывания 1 как раз и позволяет установить позицию автора: он – против всех. Такая точка зрения с «анархическими обертонами» в сочетании с выражением личных интересов через интересы государства заставляет думать, что автор имеет

патриотический настрой, однако он из тех граждан, которые не склонны доверять власти, какая бы она ни была. Он вместе со страной, болеет за ее интересы, но против политических групп, он существует сам по себе. Кроме того, семантика и прагматика лексемы *incompetent* служит индикатором реализации интенции делегитимации по признаку качества, напрямую относящегося к профессии. Сочетание патриотизма и индивидуализма – характерная черта представителей американской лингвокультуры.

Похожий способ репрезентации своей политической и идеологической позиции использует следующий автор:

We American citizens would certainly feel that, even if we disagree with their judgment, they held a reasonably fair and expeditious trial [A Guide to..., 2020].

По сравнению с первым автором он более прямолинеен в экспликации своей групповой принадлежности (шаг 2 сценария 3), о чем говорит патриотический пафос первых слов его комментария: *We American citizens*. Инклюзия с родиной выражается анафорическим местоимением «Мы» (так называемым «мы»-инклюзивным). Далее, он придерживается позиции от «народа» и противопоставляет «мы» идеологически несоответствующему его ценностному миру референту, обозначенному персональным дейксисом «их» и «они». Посредством такого противопоставления автор реализует репрезентацию идеологической позиции. Он прямым образом обозначает свою принадлежность к группе американских граждан, позиционируя администрацию как «чужих», действующих во вред интересам Родины.

Реализация Шага 4 (делегиимирующего прагматического действия) представлена в указанных вариантах в подавляющем большинстве дискурсов, производимых непрофессиональными комментаторами политических новостей. Это связано с тем, что легитимизация как механизм, лежащий в основе дискурсопроизводства, прежде всего действует в дискурсивных практиках общественно-политических формаций.

Поэтому в НПД устанавливается негласное правило критического осмысления политической действительности и репрезентации рефлексии данного типа в персональном дискурсе. Осуществление делегитимизации касается действий, публичных выступлений, имиджа политиков, как отдельных персон, как представителей стран, а также представителей прессы, вплоть до авторов комментируемого материала и ближайших собеседников – авторов других постов в данной ленте. Делегитимизация может принимать многоходовый характер: - делегитимизация дискурса, косвенно относящегося к политике; - делегитимизация дискурса, напрямую относящегося к политике; - делегитимизация субъектов косвенного дискурса; - делегитимизация действия субъектов политического дискурса. Шесть коммуникативных ходов представлены в процессе реализации интенции делегитимизации в дискурсе следующего автора:

*The idea is the **Mueller evidence is relatively indirect and abstract** (уровень 1). It's clear that the Republicans **had convinced enough Americans of that** (уровень 2). Rather, they choose a case that **forces the Republicans to argue absurd ideas like "the call was perfect,"** (уровень 3) all the things on the right column, black is white and so*

forth. The degree to which they have succeeded is telling. The defense has nothing much to do with fact, morals, or decency (уровень 4). The prosecution has nothing to do with winning the case(уровень 5). For each, it has everything to do with shining a light on the other side in preparation for the 2020 elections (уровень 6) [A Guide to..., 2020].

Русские комментаторы имеют тенденцию апеллировать к общим, универсальным истинам и ценностям. При реализации шага 1 интенционального сценария они, например, выражают свои идеологические взгляды следующим образом:

*Глупость, жадность и цинизм польского руководства опаснее, чем новый коронавирус! И вакцины против польского гонора всё ещё не изобрели!*² [Горшенин, 2020].

Как видим, комментатор, написавший данный пост, в оценке внешней политики отталкивается от общечеловеческих качеств, в данном случае противоречащих системе этических норм общества. Причем моральные ценности намеренно помещаются на одну плоскость с внешними угрозами биологического характера посредством сравнительного оборота: *опаснее, чем новый коронавирус*. Фраза *польский гонор* напрямую указывает на отношение автора к политике восточноевропейской страны и ее руководства. В данном тексте шаг 2 также постулирует патриотическую позицию автора, однако система ценностей несколько отличается. Она, с одной стороны, имеет более всеобъемлющий характер и больше обозначает повседневный аспект политики, с другой стороны, для данного автора политика имеет «человеческое лицо», хотя если взять цитируемый фрагмент, то скорее, «нечеловеческое», так как указанные качества *глупость, жадность, цинизм, гонор* формируют идеологическую сеть его дискурса.

Шаг 3 локализации субъективного центра в области профессиональных и непрофессиональной сфер реализуется комментаторами в ситуативной составляющей дискурса. Одни помещают проблему на границу политического и повседневного:

О чем, вообще, шум. Украина с Польшей и прибалтийскими подпевалами, ежедневно, без выходных и перерывов повторяли заклинание: "Не нужен нам газ от агрессора - сами поднатужимся, сами себя обеспечим". Пришла пора подтвердить этот лозунг на деле [Горшенин, 2020].

В данном тексте реализация шага 3 привлекает политическую терминологию: это названия стран, лексемы *агрессор, лозунг*. При этом синтаксические клише и ряд сниженных словоформ безусловно указывают на обиходную речь: *О чем, вообще, шум; подпевалы; ежедневно, без выходных и перерывов; поднатужимся*. Интересно, что автор данного дискурса интенсифицирует дискурс повседневности включением эзотерического компонента *повторяли заклинание*, чтобы еще сильнее понизить статус политических врагов: тем самым он наполняет свой дискурс элементами и структурами обыденного существования, однако все эти элементы

² Здесь и далее по тексту сохраняются авторские орфография и пунктуация. И.С.

приписываются «лагерю чужих». Включение непрофессиональных элементов имплицитно идею о неграмотной политике вышеперечисленных стран.

Другие авторы более радикальны в экспликации своей политической позиции и сильнее смещают вопрос в область обыденного дискурса:

Дурочка с переулочка [NI предупредил..., 2021].

Данная ремарка адресована представителю прессы – женщине, которая выступила с заявлением от прибалтийских государств. Она ни в коей мере не позволяет соотнести высказывание с политической сферой. Однако позиция автора как контрагента выражена вполне ясно: политик такой же человек, а женщина-политик и публичный актер совсем далека от профессионализма.

Третья группа комментаторов конструирует универсальный дискурс о жизненных реалиях, который более тяготеет к бытийному типу:

любая приобретённая вещь имеет последствия и для всех разные [NI предупредил..., 2021].

Позиция комментатора не вполне очевидно выражена. Его высказывание носит слишком обобщенный характер и может быть соотнесено с любой жизненной сферой, не будь оно встроено в систему других реплик дискурса о политике (в частности, в статье обсуждается тема о «расплате стран Европы за «Северный поток-2»). Такие генерализации показывает желание автора представить свое мнение как «народную мудрость», поставить себя на более высокую позицию и таким образом проявить легитимирующее действие.

Таким образом Сценарий 3 имеет три варианта ситуативной репрезентации политического: а) рестиктивного подхода (автор не желает отвлекаться и оценивает политику оставаясь в пределах границ предметной сферы; б) автор эксплицитно проблему и комментирует ее на стыке политики и повседневности, «сплавляя» предметные области на разных уровнях дискурса. Разноуровневая система речевых и языковых средств служит прагматическим целям; в) проблема категоризируется в обыденном сознании автора как соответствующая повседневным сценариям, тяготея в поле универсальных общечеловеческих смыслов.

2.3.4.1.4. Коммуникативно-интерактивные интенции субъекта непрофессионального политического дискурса как партиципанта виртуальной политической коммуникации

Диалогичность и открытость дискурса комментариев предполагают реализацию его субъектом коммуникативно-интерактивных интенций, типичных для личности, выполняющей еще одной коммуникативную роль – роль партиципанта виртуальной политической коммуникации.

В НПД отчетливо наблюдаются те прагматико-интенциональные векторы производства, которые можно обозначить как коммуникация партнеров по виртуальной площадке. Этот аспект, не характерный для классического жанра комментария, отражает новую модель коммуникации, ставшую доступной и получившую широкое распространение с развитием телекоммуникационной сети Веб 2.0. Сетевые технологии создают специальные возможности для

пользователей, которые могут объединяться в сообщества и обсуждать интересующие их проблемы, касающиеся любой области и сферы жизнедеятельности. Так, пространство для комментирования политических новостей сегодня превратилось в дискуссионные площадки, где субъекты НПД вступают в коммуникацию не только с текстом новости, с собой, а и с другими читателями-субъектами. Эта возможность видоизменила формат односторонней коммуникации, превратив жанр интернет-комментария в диалоговый, интерактивный формат дистанционного взаимодействия с помощью письменных форм электронной переписки. При этом с приходом новых форм взаимодействия посредством письменных спонтанных реакций коммуниканты получили возможность выступать еще в одной коммуникативной роли: роли анонимного участника виртуальной коммуникации.

В репертуар коммуникативных ролей субъекта НПД, учитывая описываемую специфику коммуникативной ситуации, входит и еще одна роль, которую Н. Д. Арутюнова обозначает, как «инвертированный адресат» [Арутюнова, 1981]. Данный тип субъекта может одновременно пребывать в нескольких ролях, производить и реплики-стимулы, и реплики-реакции. Причем прагматика его высказываний не ограничена статусностью, он волен не соблюдать принцип Пооперации в общении. Роль «инвертированного» адресата наиболее близка роли участника виртуальной коммуникации в аспекте избираемых взаимодействий: автор комментария может коммуницировать с дискурсом-источником, с дискурсом другого участника, с дискурсом виртуального сообщества, формирующего данную ленту обсуждений в целом.

Это одновременно упрощает и усложняет структуру НПД, локализуя его в одном из своих вариантов на виртуальных площадках для комментирования новостей. Среди упрощающих структуру факторов можно указать характеристику субъекта – он не представлен, анонимен и не обладает определенными, заявленными эксплицитно характеристиками своего статуса. В НПД субъектом может быть каждый, несмотря на профессиональную принадлежность, возраст, пол, и даже на этническую принадлежность. Единственное правило – владение естественным языком коммуникативного сообщества. Среди усложняющих структуру НПД в данной его разновидности (как совокупности реплик к новостной статье) можно определить его полиавторство и иерархию коммуникативных взаимосвязей.

Это выражается в разветвлении коммуникации на первичную, вторичную, третичную и т.д. НПД представляет собой разветвленную структуру с центральной его частью (ствол дерева), в которой содержатся тексты, комментирующие непосредственно публикацию. В первом уровне периферии находятся те реплики, которые обращены не к статье, а к авторам «первого порядка». Во втором уровне периферии находятся реплики, которые являются реакциями на периферию или на второй уровень. Причем, это могут быть интерактивные цепочки, состоящие из двух авторов (то есть фактически первый и второй уровни вступают в диалог), а могут быть цепочки, в которых эпизодически появляются субъекты, реагирующие только на вторую волну комментариев. Данную иерархию субъектов НПД в варианте комментариев

репрезентирует следующий фрагмент из раздела комментариев на портале Newsland (рис. 4).

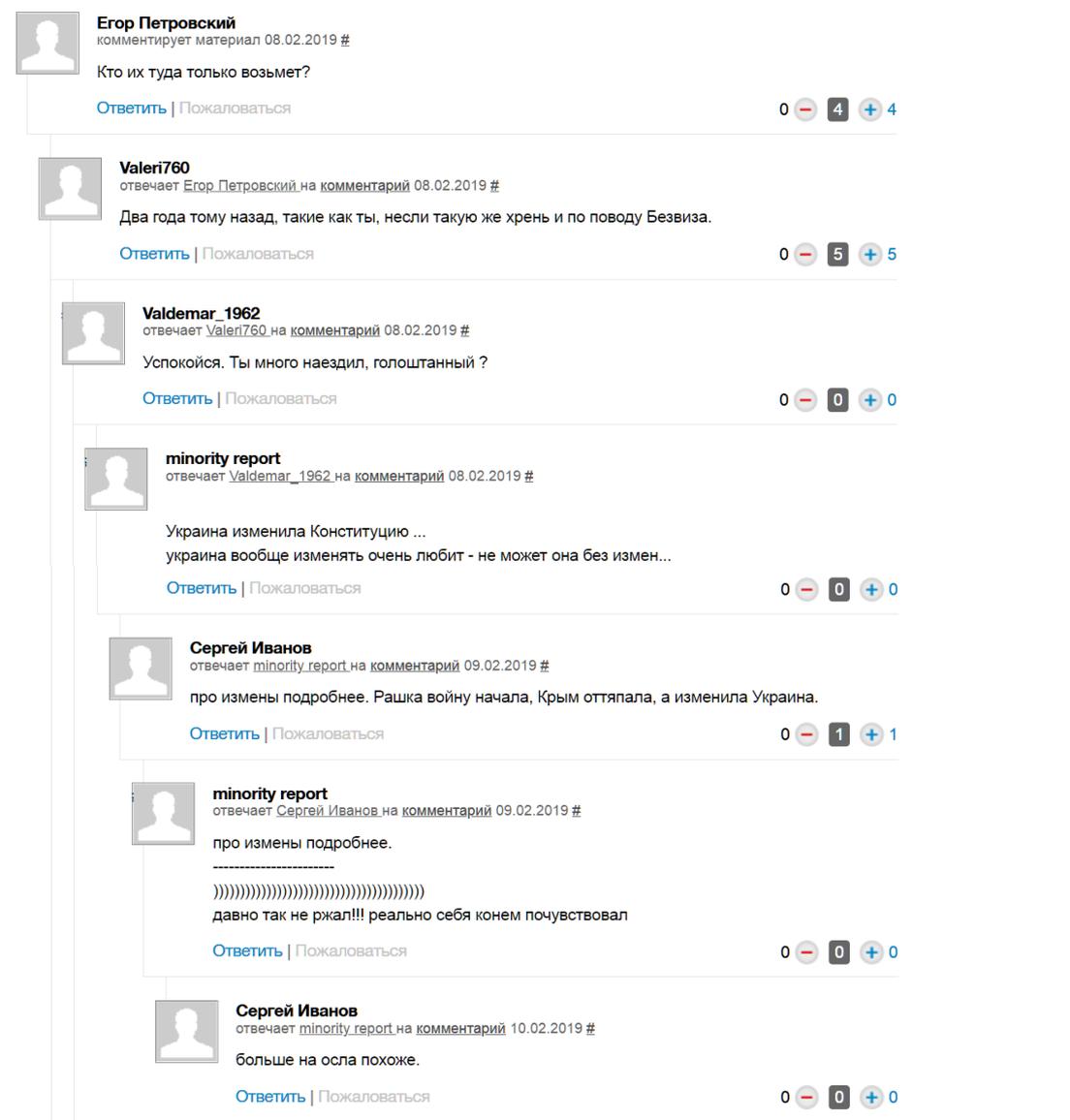

Рисунок 4. Лента комментариев с участниками разного порядка

На данном рисунке, представлен фрагмент виртуального формата диалогической коммуникации, включающей пять участников. Только первый из них, с псевдонимом *Егор Петровский*, комментирует сам материал – дискурсоисточник. Все последующие в цепочечной секвенции реагируют на последний из постов. Таким образом данная лента содержит четыре уровня интеракции. Обращает на себя внимание наличие переписки двух пользователей *Сергей Иванов* и *minority report*. Случаи обратной связи в более низких иерархиях ленты относительно редки, однако диалоги между непредставленными коммуникантами время от времени завязываются. Такой характеристикой обладают лишь некоторые сайты. Например, данный сайт характеризуется высокой степенью интерактивности. В целом дискурс НПД больше

характеризуется односторонней связью. Коммуникант прибавляет свою реплику по принципу внесения вклада в общее дело – обсуждение проблемы. Такая особенность связывает НПД с дебатами как жанром политического дискурса.

Итак, как партиципant виртуальной политической коммуникации субъект НПД заходит на сайты тех каналов, которые идеологически импонируют его позиции. В данной роли комментатор учитывает, что

а) его личность анонимна (его ник может частично эксплицировать или намекать на его политическую позицию и сетевой образ),

б) его высказывание может прочитать любой (массперсональность при соучастной коммуникации),

в) он также может вступить в диалог,

г) он присваивает не только язык политики, но и сетевой языковой пласт,

д) он активно использует гипертекстовые связи.

Имплементация роли читателя, предпочитающего непрофессиональные источники информации профессиональным, накладывает свой отпечаток на коммуникативно-прагматический рисунок НПД. По наблюдениям практиков, работающих с эмпирическими вербально-семиотическими базами социальных сетей, цепочечный характер комментирования сегодня приобретает все большую популярность. Другими словами, в виртуальном непрофессиональном дискурсе выкристаллизовывается тот тип реципиента новостей, который знакомится только с непрофессиональным дискурсивным пространством. Более простым языком, это читатели сетевых «сплетен» или любители народной экспертизы, сарафанного радио.

Данный тип реципиента-продуцента предпочитает вступать в коммуникацию на политические темы не столько как комментатор, взаимодействующий с текстом новости, а как собеседник, желающий оценить слова других и таким образом реализовать потребность в виртуальном общении. В результате таких интеракций возникает дискурс, по характеру соотносящийся с устной речью диалогического типа. В таких интерактивных цепочках первый собеседник, реализующий интенцию комментирования «первоисточника», занимает коммуникативную позицию «ведущего» разговор, так как именно его реплика служит объектом интенциональности второго собеседника. Его реакция является ответным коммуникативным действием.

На основании исполнения субъектами данного типа вторых ролей, мы определяем их коммуникативную позицию как роль «ведомого» партиципанта, независимо от конструктивного/деструктивного типа поведения. В результате анализа реализации субъектами НПД интенциональных установок, а также с учетом макроинтенций ведущего и ведомого партнеров по коммуникации, обусловленных ролью реципиента НПД, мы также выделяем интенциональный сценарий 4:

1. Сценарий 4, шаг 1: Интенция выбора роли коммуниканта и адресата (ведущий/ведомый, разговор с политиком/ с автором/ с партнером).

2. Сценарий 4, шаг 2а: Интенция способа коммуникации (сокращение/соблюдение дистанции, доминирования/подчинения) виртуальная

проксемика, роль учителя или ученика, симметричная/асимметричная коммуникация.

3. Сценарий 4, шаг 2б: Интенция гармонизации коммуникации/деструкции коммуникации. Восстановить баланс ложного и истинного, гармонизировать коммуникацию. Настройка коммуникативного диссонанса, возникающего между политическими акторами и адресатом – личностью.

4. Сценарий 3, шаг 3: Интенция вуалирования/ обнаружения своего речевого намерения. В некоторых комментариях авторы прямо выражают свое отношение к репликам партнеров и пишут комментарий, начиная с эксплицитного *(He) согласен*. Но есть высказывания, в которых отношение к партнеру устанавливается только при наличии коммуникативной компетенции и конвенциональных имплицатур, характерных для данного языкового сообщества.

Системность проявления макроинтенциональных установок коммуникантов в интернет-беседе на политические темы позволяет сделать вывод о наличии моделей речевого поведения, характерных для конструктивного и деструктивного коммуникативных типов личности. Так, в материале от 8 февраля 2019 года к статье «Украина изменила Конституцию ради вступления в НАТО и Евросоюз», опубликованной на сайте Newsland, находим следующую диалогическую пару:

– *Украина всё дальше отходит от ордынской зависимости с Востока и это приятная новость. Удачи, Украина! Лубянский режим не вечен. Придёт время и вернёшь тебе принадлежащее.*

– *Да твоя укра сдохнет без России... ЕС она и нрать не втарахтела, а валюту откуда будешь брать, если мы в свою очередь свернем торговлю и пинком под жопу ваших гастеров выпнем? Тогда таких как ты "советчиков" носом в парашу злой народ затолкает [Украина изменила..., 2019].*

В тексте первого автора присутствует намерение объяснить происходящее (экспланаторная интенция), комментатор использует рациональный вариант стратегии порождения и соответствующие языковые средства. В комментарии второго, напротив, используются аффективные стратегии, реализуемые через намеренно избыточное число разговорных выражений с отрицательной семантикой. Агрессивные реплики второго комментатора контрастируют с уравновешенным поведением первого.

Как видно из данных двух реплик интенциональная установка первого партиципанта – самостоятельно оценить политические события, не опираясь на мнения сообщества. Он публикует свой текст непосредственно соотнося его с текстом новостного дискурса. Объект его адресации обнаруживается в реплике *Удачи, Украина!* Именно данная фраза показывает с кем вступает в диалог данный пользователь первого уровня комментирования.

Такое положение вещей не может остаться незамеченным в сообществе русскоязычных партиципантов, позиция большинства из которых не ассонирует с первой. Поэтому комментарий 1 служит триггером рефлексии для следующего партиципанта, и он вступает в диалог с первым, реализуя интенцию

опровергнуть мнение первого (шаг 2а). Интенциональный портрет второго пользователя характеризуется агрессивностью и контрастирует с первым. Это выражается в употреблении обиходных выражений и сниженной лексики: *Укра, сдохнет, пинком под жопу, носом в парашу*. В соответствии с типом коммуникативного поведения комментатор избирает и сокращенную коммуникативную дистанцию, адресация на «ТЫ» сопровождается приклеиванием ярлыка коммуниканту 1. Он с точки зрения собеседника – «советчик». Такой метакоммуникативный стиль, когда участники сами устанавливают и оценивают роли друг друга, наслаивается на общую угрожающе-агрессивную тональность беседы. Интенция оправдания своего агрессивного тона прослеживается в употреблении фразы «злой народ». Данное выражение будто репрезентирует комментатора 2 как представителя данной аксиологически номинированной группы людей и показывает к какому «политическому лагерю» он присоединяется. Исходя из данной фразы становится понятным инклюзивное «мы», употребляемое комментатором 2: *мы в свою очередь...* Это доведенные до состояния агрессии люди.

Важной особенностью взаимодействия участников является доминирование так называемой односторонней диалогичности. Реплики могут служить стимулами речевой реакции любого пользователя, однако они для этого не предназначены – их авторы не имеют интенций вызвать кого-то на диалог. С другой стороны, если бы адресант не ожидал никакой реакции от коллективного, по выражению Н. Д. Арутюновой «кооптированного» адресата, то он не стал бы публиковать свое мнение в глобальной сети.

Тем не менее, любой элемент дискурса субъекта НПД может стать источником для продолжения разговора, как в следующем примере обсуждения публикации на сайте «Рамблер. Новости» «Вразумить Иран и США сможет только Путин, считает американский эксперт» от 4 января 2020 года:

Николай Сухоруков, 04.01.2020 в 22:38

нет той силы, если хотите авторитета, который мог вразумить Иран и тем более "загноного в угол " в своей собственной стране президента США...а тут еще интересы Израиля если учесть, то на носу боевые действия, возможно применение тактического ЯО...конечно,"худой?мир лучше чем война" Вся надежда на Бога. А нам лучше не ввязываться в этот конфликт, на словах, дипломатия то ДА, а в военном плане поддерживать это БЕЗУМИЕ...

чипо лино отвечает **Николай Сухоруков**, 04.01.2020 в 23:11

колян, глубоко копаешь! иди в кремль, та дадут два портфеля: мин обороны и мин иностр. дел...скажешь – от меня [Вразумить Иран..., 2020].

Как видим реплика первого автора послужила инициацией для ответа второго комментатора, который избирает позицию отвечающего лица или макроинтенцию ведомого (шаг 1). На шаге 2а он нивелирует повышенный эмоциональный тон, выбранный комментатором 1. Реализуя шаг 2б, он избирает стиль общения «на короткой ноге», без дистанции и панибратское обращение по имени *Колян*, сопровождающееся иронией. Наличие глагольных форм 2 лица единственного числа создает впечатление бытового диалога, где собеседник прямо выражает свои интенции через императивные формы предикатов.

Посредством фразеологизма *глубоко копаешь* партиципant 2 реализует речевой акт косвенного типа, его интенция – выразить свое шутливое, несерьезное отношение в словах. В следующем высказывании он дает совет объекту насмешки, на этот раз не отягощая свою речь смягчающими категоричность конструкциями.

Однако с учетом коммуникативной ситуации дистанцированного общения, макроинтенцией которого является выражение своей точки зрения на проблему, мы понимаем, что никто никого никуда не отправляет. Это дает право говорить о скрытом намерении, которое вкладывает в директивные речевые акты комментатор 2. Он таким образом критикует мнение первого автора, подтрунивает над ним и его высказываниями. Его фразы *глубоко копаешь, иди в Кремль, там дадут два портфеля* содержат намек на то, что риторика комментатора 1 стремится имитировать номенклатурный стиль чиновников, но на деле только мимикрирует под данный стиль. Замеченная небрежность, а также экспрессивность и многословность комментатора 1 получают оценку в виде юмористической реакции собеседника 2.

Следующий интенционально-прагматический комплекс представлен в фрагментах дискурса к той же публикации, но в авторстве двух других партиципантов:

Антон Деникин, 04.01.2020 в 19:53

Отличный момент для России, чтобы дать ответ на все европейские и американские санкции. Конкретная помощь Ирану, или даже угроза оказать эту помощь вызовет дрожь и трепет в рядах врагов России

В В отвечает Антон Деникин, 04.01.2020 в 22:52

наивный пенсы не выдержат [Вразумить Иран..., 2020].

Отсутствие знаков препинания во второй реплике напоминает ситуацию с релевантностью запятой внутри высказывания «казнить нельзя помиловать». Поэтому при анализе реакции комментатора 2 на дискурс комментатора 1 понятие обращение *наивный* помогает только грамматическое рассогласование лексем *наивный* и *пенсы*. Пропозиция *пенсы не выдержат* – это ассерция, сформулированная автором реплики 2 в качестве резюме на мнение комментатора 1. Данным высказыванием собеседник 2 интендирует, что собеседник 1, который своим высказыванием *Отличный момент для России* фактически одобряет участие страны в войне, не достаточно дальновиден и не предполагает, каких немалых финансовых затрат будет стоить военное вмешательство нашего государства. Поэтому и обращение *наивный*, и ассерция *пенсы* (пишущий упоминает коллективного референта – социальную группу, которая наибольшим образом зависит от государственного бюджета) *не выдержат* показывают позицию партиципанта 2, реализующего с одной стороны макроинтенцию НПД ведомого партиципанта – сценарий 4, шаг 1, то есть дискурсивной личности, продуцирующей дискурс в ответ на высказывания субъектов первого уровня, микроинтенцию сценария 4, шага 2 – вступление в асимметричную коммуникацию с позиции взрослого, выражаемая прямым обращением *наивный*, намерение привести в баланс коммуникацию, указав на нарушение максимы качества как политической некомпетентности.

Аналогичные интенциональные сценарии наблюдаются и у англоязычных авторов. Разберем следующую коммуникативную пару:

Omeomi, 20 June, 2020

We are seeing in real time just how political this UN group is - just how anti-US the left is...and how easily these 'global' entities can be swayed by China and other powerful nations. Ignore them, don't fund them.

Muckt Replying to omeomi, 20 June, 2020

It's not only China, the 1% including Bill Gates and other powerful/rich globist are pulling the strings to stop the national interest that Trump has spawned. Satin hides behind the mask of these globalist. It knows no party affiliation as you see republicans coming out to help stop Trump from being.. reelected. Biden as a stand in for Satin and his endgame agenda. Our forefathers were all racist, sexist and didn't have the citizens best interest as countries across the globe do. Ignorance is bliss and it's made easy fish of most people. Fast food is a good symbol of today's citizen, the want it convenient, easy to digest no matter if it kills us. No one wants to have to cook their own meals [Pompeo says..., 2020].

В данном диалогическом единстве первый из партиципантов выстраивает свою риторику согласно конспирологической теории. Второй выступает как комплементарная личность, дополняющая мнение ведущего собеседника. Тем не менее, говоря, что замешан не только Китай, а и американские олигархи, и более того, сам дьявол, комментатор 2 интендирует свое несогласие, а также идею о том, что враг – рядом, он может быть в каждом из сограждан, а не только в представителях чужой культуры. На шаге 2а субъект избирает нейтральный стиль симметричной коммуникации, никак не индексируя своего собеседника, чье мнение он оценивает. Связь между первой и второй репликами устанавливается только по первому высказыванию и техническим маркерам ленты, указывающим на статус реплики 2: это реплика-ответ.

Рассуждение в контексте анонимной беседы не может принимать форму: «я знаю, что ты младше меня по возрасту, поэтому не имеешь данных знаний». То есть информация о социальных признаках собеседника не релевантна для определения интенциональности в конкретном высказывании. Релевантны только обсуждаемая новость, другие реплики и само вербальное оформление высказывания собеседника, то есть его речевой образ. Поэтому интенции собеседника, пишущего свой ответ комментирующему текст партиципанту, должны быть достаточно прозрачно определяемыми и легко устанавливаемыми адресатом – адресантом. С другой стороны, для коммуниканта 2 важно выразить свою реакцию, и дальнейшая беседа для него не имеет смысла. Он не ждет продолжения, он реализовал свою потребность пообщаться и на этом закончил дискурсообразование.

2.3.4.2. Текстocентрический подход к анализу интенциональности непрофессионального политического дискурса

Способность определенных речевых единиц и языковых средств дискурса указывать на интенцию автора приводит к экстраполяции категории интенциональности в область текста. Это приводит нас к второму подходу в концептуализации категории интенциональности как текстовой категории. Разработка проблемы установления интенций на основе семантики некоторых лингвистических единиц текста имеет перспективный характер. Такой подход разрабатывается в исследованиях, центральной проблемой которых является объяснение текстовых категорий с позиции лингвистической прагматики и, шире, коммуникативной лингвистики [Антонова, 2006; Дускаева, 2012; Дубровская, 2020; Клушина, 2016; Цветова, 2012; Чернявская, 2009].

П. Цап относит дискурсивный ракурс изучения интенциональности к макропрагматическому подходу [Сар, 2010]. В то же время А. Ребоул обозначает его как менее радикальный, «смягченный» и интегральный подход к изучению дискурсивных свойств [Reboul, 2005].

В. И. Чернявская включает категорию интенциональности текста в конститутивные его признаки, опираясь на работы европейских лингвистов. Она указывает пять уровней анализа:

1. Уровень отдельного коммуникативного акта. На данном уровне определяется коммуникативная интенция.

2. Уровень отдельного текста. Выявляются доминирующая и сопутствующие функции текста.

3. Уровень глубинного макросемантического анализа текста, его смысловой структуры.

4. Уровень экстралингвистического над- и вокругтекстового анализа. Позволяет связать высказывания и отдельные слова с «духом» времени.

5. Уровень межтекстового анализа. Выявляются содержательно однородные типы текстов, обеспечивающие в совокупности приращение смыслов внутри одной дискурсивной формации [Чернявская, 2009, с.88-89].

2.3.4.2.1. Анализ комментариев в аспекте интенциональной дискурсивной доминанты

Текстocентрический взгляд на дискурс предполагает установление регулярностей в употреблении субъектами дискурса конкретных маркеров коммуникативной интенции продуцента. Учитывая, что установленные выше интенциональные сценарии имеют наблюдаемые системные признаки их реализации в дискурсе и его результате – тексте, мы полагаем, что текстocентрический анализ уточнит данные, касающиеся проявления системы коммуникативных ролей непрофессиональной языковой личности субъекта НПД. В данном исследовании на предмет установления таких системных признаков были проанализированы интернет-комментарии к политическим

статьям в аспекте проявления глобальных интенций в отдельно взятом тексте. К глобальным мы относим комплекс респонсивно-когнитивных интенций реципиента, дискурсивно-продуктивные интенции субъекта, политико-идеологические интенции непрофессионального политического актора и коммуникативно-интерактивные интенции партиципанта обыденной интернет-коммуникации на политическую тематику.

Мы, вслед за Н. И. Клушиной, понимаем глобальную интенцию в первую очередь как доминанту текста, взятого в аспекте макроречевого комплекса, в котором каждая отдельная интенция, стоящая за иллюкутивной целью, сопрягается и работает на выдвигание основной доминанты текста, привлекая все языковые средства и речевые способы выражения. Рассматриваемая в прагматическом аспекте, данная доминанта – это целевая составляющая, макростратегия дискурса субъекта для выражения, передачи, и, в конечном итоге, дискурсивного конструирования главного, центрального посыла, инициирующего вступление данного субъекта в виртуальную политическую коммуникацию на тему актуальных событий в стране и мире.

Глобальная интенция рецепции. Рецептивный вид дискурса предопределяет репертуар специальных способов и средств воспроизводства разноуровневых параметров исходного дискурса, который послужил источником для формирования нового типа реактивного коммуникативного продукта. Наш анализ текстовых характеристик на предмет интенциональной доминанты показывает, что в ряде случаев в интернет-комментариях преобладает интенциональность экспланаторного типа. Ее сущностными признаками является отбор языковых и речевых средств, используемых для объяснения своего понимания / непонимания актуальной политической ситуации / дискурсивного события. Таким образом реализация интенции респонсивного типа обуславливает применение стратегии декодирования – ведущей стратегии в данном типе текстов.

So if I read this article correctly it was known that this guy was representing russian interests as far back as 2016. It was a major news story in Politico. Schiff cited the connection between Trump and Burt of Russian influence. So that means it was common knowledge 4 years before Biden and Democrats took the cash.

SO Biden and Democrats take the cash and use it to fund their campaigns through the election then afterward return it like a no interest loan. Had Biden lost and this guy had lied on official campaign disclosures would the money have been returned without the scrutiny of Biden's cancelling a US pipeline and lifting sanctions on the Russian pipeline?

Also since Burt failed to disclose his ties with a foreign government and made an illegal contribution to the democrat campaign he should be prosecuted [Levine, 2021].

Шаг за шагом, разворачивая дискурс, автор демонстрирует специфику своего рассуждения в процессе декодирующей деятельности. Он опирается не только на эту статью, но и на ряд публикаций по данной теме, опубликованных в других источниках. Показателями интенции рецепции являются метадискурсивные маркеры *If I read this article correctly, this means, It was a major*

news story, Schiff cited. Но помимо метадискурсивных маркеров мы видим еще и указатели на эпистемический тип пресуппозиции: *it was known, it was common knowledge*. Интересно, что автор выбирает исторический подход к «вскрытию» пресуппозиций медиадискурса, тем самым делая очевидной для адресата (собеседников) необходимость наказания виновных. Таким образом интенция рецепции и интенция корректного (с точки зрения субъекта-реципиента) декодирования поддерживается на протяжении всего текста и выделяется как глобальная интенция.

Что касается макросмысла данного текста, то он конструируется автором через принцип градации фактов-улик, которые были известны прессе и самим политикам, но скрывались от общественности. Поэтому макросмысл, транслируемый адресату: виновный должен быть наказан, независимо от его VIP-статуса в настоящее время.

Глобальная интенция продукции в варианте субъективного конструирования политического мира. При реализации данной интенции на первый план выходят интересы рядового носителя языка – обычного гражданина своей страны. В текстах рассуждения о конкретных актуальных событиях связывается с макротемами дискурса НПД – угроза войны, угроза национальной безопасности и жизни человечества. Коммуникативной целью в процессе продукции комментариев к статьям является производство смыслов, которые соотносятся с политическими, но являются более экзистенциальными: угроза для благополучия, для жизни простых граждан, в обобщенном варианте – для существования нации, этноса, цивилизации. В текстах получают актуализацию важные для простых людей экзистенциальные ценности.

We have to be Very GREEN and dependent on other Countries BUT Europe doesn't have to be green. We do live in the same planet right? It's all about ☹ the Dems getting richer while we'll be getting poorer. They want to dismantle, destroy and finally take over the US and remake it into the Wonder Land of Communism. That's exactly why they're changing History so they can erase what our Founding Fathers intended [Levine, 2021].

Данный пример иллюстрирует преобладание продуктивной интенции. Прежде всего, открывающая часть репрезентирует автора данного текста как представителя своей страны. Объединение автора с державой эксплицируется фразой *dependent on other Countries*. Кроме того, автор определяет тему своего текста самостоятельно, не базируя ее на обсуждаемой, а выбирая ее как один из аспектов, релевантных для обсуждаемой темы и постепенно, шаг за шагом разворачивать текст, подводя рассуждения к главному посылу: во всем виноваты демократы, так как они ходят установить коммунистический режим.

Но это еще не самый глобальный смысл, который вкладывает комментатор в свой текст. Макротема данного текста – подрыв национальных устоев, исторически важных и установленных отцами-основателями – теми политиками, которые стояли у истоков государственности и создания Соединенных Штатов как независимого государства с эффективной системой управления и взаимодействия власти и масс. Фраза *the Wonder Land of Communism*, употребляемая в прямо противоположном смысле, с одной стороны, показывает

позицию автора текста как противника коммунизма и любой политической системы, отличной от той, которая существует в его стране. С другой, ирония, вложенная в данную политологему, призвана обозначить подмену понятий: черное в представлении коммунистов называется белым. Сначала их сторонники все разрушат *They want to dismantle, destroy and finally take over the US*, а только потом будут создавать «чудесную землю коммунизма».

В первом высказывании модальность вынуждения *have to be* противопоставляется приемом синтаксического повтора *Europe doesn't have to be green* отсутствию такого типа принуждения для жителей другого континента. Интенсификаторы *very, exactly*, а также эмфаза *do live* помогают автору реализовать иллокуцию осуждения политики демократов и передать семантику угрозы. Коннекторы *that's, so, but, right* влияют на экспликацию рациональности и логики в процессе разворачивания дискурса. В то же время повышенная эмоциональность текстопорождения читается через экспрессивную лексику, эмфатический синтаксис и графические интенсификаторы прагматических компонентов смысла. На глобальную интенцию предостережения влияют и типы РА, которые относятся к классу экспрессивов *it's all about, That's exactly why*, а также констативов *they want to..., they can erase*, постановка которых один за другим в позицию перечисления отражает интенцию пишущего показать динамический, нарастающий характер угрозы для национальной безопасности.

Глобальная интенция (де)легитимизации. Представим дискурсивные способы выражения глобальной интенции (де)легитимизации на следующем примере:

Biden is a democrat and can therefore quite literally do anything and never be impeached. He could get caught molesting a small child or be publicly seen shooting someone in the face and Pelosi and the rest of the corrupt left would look the other way. That's how it works [Levine, 2021].

Лексический состав текста формирует противопоставление одного из ключевых понятий политики: демократии и сферы нарушения закона. Такой набор контрастирующих единиц (*democrat: molesting a small child, be publicly seen shooting someone in the face, Pelosi and the rest of the corrupt*) позволяет субъекту дискурса более остро обозначить главную проблему: безнаказанность политиков, принадлежащих к высшим кругам власти. Здесь имеются ввиду представители партии Демократов, именно те, которые по определению должны быть ближе к простым людям, стали по отношению к ним преступниками. Заключительная фраза указывает на то, что субъект встает на позицию некоего лица, который берет на себя обязанность разъяснить партнерам по сообществу почему Д. Байдену не объявят импичмент. Таким образом мы видим, что ведущей доминантой данного текста является разъяснение текущей политической ситуации другим пользователям. Экспланаторность и адресация дискурса данного субъекта другим представителям сообщества – ведущие интенции. Таким образом интенциональная доминанта текста – политически-идеологическая ситуация и ее причины, но, что также важно, субъективно анализируемые. Речевыми способами являются тактика преувеличения и контраста. Дискурсивные коннекторы помогают автору установить прочную

каузацию в ходе своих аргументирующих рассуждений, доказывающих устойчивость политической позиции Байдена. Первый элемент *therefore* занимает инклюзивную позицию в дискурсе субъекта и внедрен в текст текущим способом. Однако этот маркер экспликации понимания причинно-следственных секвенциональных связей отражает логику рассуждений автора комментария и связывает политическую позицию референта и ее понятийное наполнение: демократу все позволено.

Далее по тексту с помощью постановки действий в позицию условности их возникновения автор показывает перспективу как вневременную: вечная бытийность концепции демократии расширяет временные пределы пространства политической реальности и показывает еще и внутреннюю неограниченность возможностей представителей данной группы.

Система средств субъективной модальности, организованная модальными глаголами *can, could, would* в сочетании с абсолютизатором - наречием *never*, с неопределенным местоимением семантики неограниченности *anything* также усиливает экспрессию автора по поводу неограниченных возможностей элиты (в частности, президента государства) как в настоящем неопределенном, так и в авторской субъективной версии условного будущего.

В заключительном высказывании разговорный вариант вступления – указательное *that* в позиции формального подлежащего – соответствует обобщающе-резюмирующей модели вердиктива. Данный тип РА, выделенный Дж. Остином, реализует иллюкуцию экспликации выводного мнения со следующей семантикой: вот что я думаю по поводу всего этого.

Глобальная интенция виртуальной беседы / диалога. Данная интенция в НПД направлена на поиск консенсуса с другими собеседниками. Высказать согласие / несогласие или прояснить смысл политических событий, акций, движений, заявлений, выступлений – это те интенциональные установки, которые наблюдаются в дискурсе НПД. Однако их направленность не на журналистов или политиков, а на ближайшего адресата-партнера по общению.

Проанализируем интенцию данного текста:

При чем тут Клинтонша? Вы не понимаете, что происходит? Трамп потерял "кредитбилити"...теперь его будут подталкивать к пропасти, пока он не уйдет.. [В Кремле работают..., 2017].

В комментарии как в реплике устной беседы наблюдается выражение реакции на неверный вывод, сделанный собеседником, прочитавшим тот же материал. Поэтому автора текста беспокоит ложная интерпретация обсуждаемого материала собеседником. Сначала он формулирует рогатив, косвенно передающий его эмоцию возмущения, а затем еще один, но уже прямой, эксплицирующий причину его вступления в диалог. Затем он объясняет, вербализирует свое понимание имплицатуры дискурса медиа. В данном случае коммуникант озабочен неверным декодированием текста. Собеседник не смог распознать имплицитный посыл серии дискурсивных событий целенаправленного характера. В этом небольшом по объему тексте сосредоточено достаточно большое количество элементов с прагматическим компонентом значения: *Клинтонша* – сниженная единица, демонстрирующая

неуважение к женщине-политику; *не понимаете, что происходит* – фраза, которая обозначает нарастание и приближение какой-либо неприятной и для адресата, и для адресанта ситуации; *кредитбилити* – прямое заимствование из дискурса англоязычной прессы, неадаптированное, намеренно введенное в русскоязычный дискурс для передачи специфического для англоязычного политического мира, в частности, для института президентства, феномена доверия к власти; безличная конструкция *будут подталкивать*, которая с одной стороны размывает агента действия (кто именно будет это делать? – импликатура), а с другой, указывает на группу лиц, которые будут действовать совместно и в итоге добьются своей цели. И, наконец, завершение текста графическим индикатором незавершенности мысли и выражения эмоционального отношения к действительности. В данном случае автор выставляет многоточие, так как опечален вероятным и уже, с его точки зрения, почти полученным результатом. Комментарий прагматически насыщен разноуровневыми единицами, главная интенция – интенция пояснения виртуальному собеседнику истинной причины многочисленных публикаций, порочащих Д. Трампа.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

3.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Самим своим существованием язык обязан человеку. Выход *Homo loquens* как лингвистически релевантной категории и центрального объекта исследования на ведущие позиции имеет долгую научную историю, емко обозначенную тезисом «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 2010, с.7].

Первоначальные попытки изучения «человеческого фактора» в языке производились с «высоты птичьего полета», то есть с достаточно отдаленных и абстрактных позиций. Основная цель заключалась, по мнению Ю. Н. Караулова, в поиске и установлении предельно обобщенных, универсальных черт и характеристик, претендующих на объяснение языкового поведения – и личности, и общества – независимо от конкретной языковой структуры, реальности бытования языка и исторических путей его развития [Караулов 2010, с. 5]. Человек в своей способности к созданию языковых форм мыслился как носитель языковой способности вообще.

При этом и способность отливать мысль в речь в свою очередь признавалась не только уникальным даром человека, но и его сущностной характеристикой [Гумбольдт, 1984, с. 7]. Однако, несомненно, именно философско-обобщенный подход к раскрытию взаимосвязей между человеческим сознанием, мыслью, «духовной деятельностью» и «телом» языка, его текучими, гибкими, динамическими свойствами и антропоцентрической природой дал толчок развитию неолингвистики [Седов, 2004].

В связи с этим видится необходимым упомянуть труды В. фон Гумбольдта. С именем этого немецкого философа связывают зарождение в европейской научной мысли идеи изучения языка сквозь призму его носителя – языковой личности. Развивая тезис о двух ипостасях человека, народа, как носителя языковой способности, В. фон Гумбольдт обобщенными, но емкими понятиями обозначил две фундаментальные позиции антропоцентризма: деятельностьную, динамическую, изучающую движение психоментальной сферы носителя языка и статическую, точнее «опредмеченную», нацеленную на наблюдение закономерностей и взаимосвязей между носителем языка и окружающей его действительностью, а также на реконструирование внелингвистической реальности человеческого бытия по «зафиксированным в виде текстовых продуктов данным речемыслительной деятельности» [Гумбольдт, 1984].

Нельзя недооценивать и предпосылки для антропоцентрической лингвистики, в целом, и для лингвоперсоналогии, в частности, заложенные в знаменитом метафорическом изречении ученого: «... язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное», размышление над которым привело ученых к разработке ряда

новых направлений, таких как психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и направление лингвистической персонологии.

Особую роль в зарождении лингвистической персонологии как новой отрасли научного знания многие исследователи видят в идеях персонализма – течения, складывавшегося в гуманистической Европе 18-19 веков, и представленного в трудах Ж. Лакруа, Н. Бердяева, Э. Мунье и др. [Мунье, 1999; Мельник, 2010; 2011; 2014; Лингвоперсонология, 2006; 2009].

Истоки персонализма, по утверждению Ж. Лакруа, заложили еще древнегреческие мыслители. В частности, Сократ считал, что человек – это цель творения. Излагая свои взгляды, как развитие идей Сократа, Ж. Лакруа достаточно близко подошел к выделению языковой ипостаси личности: «...процесс персонализации предполагает наличие в каждом из нас чего-то такого, что находится вне нас, <...> позволяющего нам постоянно развивать себя и облегчающего это развитие» [Лакруа, 2004, с.10]. Данная мысль перекликается с мыслью В. Фон Гумбольдта о человеке, как о творце собственного языка.

Необходимость обособления персонологии как данной, новой отрасли научного знания была сформулирована Н. С. Трубецким: «Трубецкой в 1926–1927 гг. попытался создать персонологию – науку (учение) о личности (сборник статей «К проблеме русского самопознания», 1927). Как представитель русского антропоцентрического евразийства Н. С. Трубецкой полагал, что личность «иррациональна, неразложима и неповторима, поэтому не может быть познаваема человеческим рассудком». Его классификация личностей включала личность 1) частночеловеческую, 2) многочеловеческую, ее подвидами являются: а) частнонародная, б) многонародная [Ермишина, 2012, э/р]. «Человечество само по себе не является живой личностью, не имеет индивидуального бытия, не есть субъект истории. Общечеловеческая культура ведет к нивелированию личности <...> Личностью являются отдельный человек, нация, Россия – Евразия, которые имеют дух и плоть (например, духовное, историческое, идейное содержание и месторазвитие, ландшафт, пространство) [там же].

Постепенно антропоцентрический ракурс рассмотрения речевых и дискурсивных структур лингвистической прагматикой сужается до главной, ключевой категории, «стоящей за каждым текстом» – категории «языковой личности». Языковая личность – человек говорящий/пишущий (*homo loquens\scrivens*- лат.), то есть субъект с точки зрения его готовности и способности совершать речевые поступки [Богин, 1984; Иванцова, 2010; Китайгородская, 1995; Нерознак, 1996; Шаховский, 2002].

В отечественной лингвистике теория языковой личности (лингвоперсонология) как научная дисциплина получила развитие в труде Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». Теоретический конструкт Ю. Н. Караулова моделируется на основе трех уровней: вербально-семантического (уровень 0), лингво-когнитивного (тезаурусного) (уровень 1) и высшего мотивационного уровня (уровень 2), каждый из которых состоит из элементов трех типов: единиц, отношений и стереотипов [Караулов, 2010, с. 52-53].

Заметив следующее: «Мы, лингвисты, работаем обычно на пространстве от текста до обобщений о языке, т.е. на пространстве между речью и языком», – Ю. Н. Караулов сожалеет, что на этом «евклидовом пространстве» уже не остается места для языковой личности [Караулов, 2010, с.28]. Любая речь персонифицирована, поэтому ее можно изучать, только сделав переход к языковой личности – в этом тезисе заложена основная идея развития и особого статуса лингвоперсонологии в системе лингвистических дисциплин [Караулов, 2010].

Немного иным образом видит основания для параметризации языковой личности В. И. Карасик. Он конструирует модель коммуникативной личности – это обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Карасик, 2002, с.19]. Применительно к коммуникативной личности можно выделить ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия. Ценностный аспект соотносится с нормами поведения и предполагает определенную нормативную ситуацию, которая включает несколько типов участников, объект оценки и его идеальный (нормативный) прототип, нормативный модус и мотивацию. Познавательный с когнитивной деятельностью, объективируемой в языке в виде концепта. И, наконец, поведенческий аспект коммуникативной личности сопрягается с прагмалингвистическими параметрами языковой личности: мотивами, целями, стратегиями и способами их реализации [Карасик, 2002, с.22-45]

Языковая личность как системообразующий феномен подвергается научной параметризации на основании различных аспектов ее деятельности. В системе родовидовых отношений разрабатываются понятия речевой личности, как носителя языка, использующего свой языковой репертуар для осуществления речевого общения. Как полагают Б. М. Гаспаров и К. Ф. Седов, «более всего индивидуальные черты речевого портрета высвечивает неофициальная по преимуществу сфера речи, то есть то, что обычно называют повседневным общением. Б. М. Гаспаров предложил для обозначения этой коммуникативной среды обитания человека термин языковое существование, т.е. «продолжающийся на протяжении всей жизни личности процесс ее взаимодействия с языком. В этом процессе язык выступает одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособлявая его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывается погружен и в окружении которой он совершается» [Седов, 2004, с.14].

В связи с творчеством в созидании языковой материи хотелось бы остановиться на соотношении понятий лингвокреативности и лингвокопиальности, как двух «движущих сил» в претворении в жизнь языковой способности личности. Первое, взятое в применении к конкретным личностям, позволяет ученым говорить об особом вкладе в язык выдающихся людей. В историческом и культурологическом аспекте можно назвать работы по текстовому реконструированию репертуара разноуровневых речевых средств и речевого инструментария значимых исторических фигур, сопровождаемые

экспертной оценкой их творческого вклада в развитие национальных языков. Среди них труды, посвященные описанию таких выдающихся литературных, исторических деятелей, как Петр Великий [Гайнуллина, 2002], А. С. Пушкин [Исаева, 1999], Н. О. Лосский и Л. П. Карсавин [Евпак, 2015] и др.

Безусловно, видные политические деятели привлекают исследовательский взгляд. Предметом исследования становится их публичный дискурс. В лингвоперсонологическом аспекте описаны фигуры Владимира Путина, Барака Обамы, Терезы Мэй, Дональда Трампа и других известных личностей [Алышева, 2012; Опарина, 2020; Попова, 2020; Шустрова, 2010]. В традиции отечественной филологии также существует направление изучения вклада в литературный язык языкотворческой деятельности определенного типа людей, называемых «с легкой руки» Н. Гумилева «пассионариями». «Разумеется, именно пассионарные и креативные личности нарушают сложившиеся традиции и нормы, продуцируют речевые новации и тем самым создают речевую вариативность, которая «запускает» механизмы конкуренции вариантов, приводящей в конечном итоге к языковой эволюции» [Голев, 2006, с. 8]. И у В. Гумбольдта: «...фактор гениальности, проявляемой в отдельные моменты как народами, так и индивидами» [Гумбольдт, 1994, с.56].

Как справедливо замечает Н.В. Мельник, данная тенденция в отечественной филологии и лингвистике заложила традицию обращения к элитарной языковой личности. «Традиционно внимание ученых направлено на исследование продукта речевой деятельности элитарной языковой личности, писателей, поэтов, ораторов – мастеров слова...» [Мельник, 2011, с. 127].

Иная способность языковой личности, ее лингвокопиальность не менее важна для качества языковой способности и его воплощения в тексте и дискурсе. Языковая имитация – это тот процесс, который лежит в основе наддискурсивной когерентности, то есть свойства дискурса и текста опираться на предыдущий языковой опыт человечества, на текстовые образцы той или иной национальной культуры. Благодаря способности личности присваивать языковые и речевые клише, включать в речь собственную «чужое слово», мы имеем возможность оперировать языком во всем его социокультурном разнообразии: от использования изящных изречений великих креаторов до включения в текст удачных высказываний ближнего контекста и актуальной языковой ситуации.

Кроме того, возможность языковой имитации в совокупности с игровой составляющей речи личности (ее речевой маской) приводит к увековечению некоторых, особо ярких в культурном и языковом плане типажей, посредством сценической имитации и языкового перевоплощения [Колмогорова, 2015]. И здесь также встают важные для научного постижения главного объекта лингвоперсонологии – языковой личности – вопросы. Верно замечено в работе болгарских ученых Д. Попова и В. Поповой: «В содержании ключевого понятия личности / персоны (от лат. *persōna* – маска актера, роль, личность, характер, типаж) входят представления об индивиде – человеке, который выполняет различные социальные роли в жизни; маске или лице, которые человек являет миру; его альтер эго. Индивидуальность – это наша вторая сущность, вторая природа человека, вторая самоличность или персона, скрытая внутри личности»

[Попов, Попова, 2020, с.91]. Термин «языковая личность» использовался Й. Л. Вайсгербером еще «однако не был им дефинирован» [Вайсгербер, 2004; Попов, Попова, 2020].

Лингвоимитация делает возможным сложение общих языковых конвенций и норм, традиций. Результаты действия данного механизма приводят к взаимопониманию личностей в процессе общения и возможность осуществлять коммуникацию так, чтобы быть понятым и принятым адресатом. Согласно Л. Витгенштейну, лингвоимитация – это фундаментальное свойство личности, определяющее ее участие в «дискурсивной жизни» общества, называемое языковой игрой [Витгенштейн, 1985].

Еще одно видовое понятие, появившееся в связи с выходом исследований языковой личности в прагматико-дискурсивную область, это дискурсивная личность. Данный тип личности определяется согласно основным параметрам дискурсивной деятельности, он описывается и восстанавливается на основе ее участия в социально-типизированных практиках, имеющих более глобальный характер и соотносящихся с видами общественной и индивидуальной деятельности. Рассматриваются типы дискурсивной личности, которые используют арсенал языковых и культурно-речевых средств внутри определенных дискурсивных стратегий и для участия в разного типа социально востребованных практик. Большое значение имеют нормативные, конвенциональные типы и единицы общения. Например, дискурсивная личность субъекта виртуального дискурса может быть параметризована на основе ее дискурсивных практик в интернете – реализации устно-речевых форм общения, типу коммуникативного поведения в сетевых сообществах, излюбленным темам, выбираемым при производстве дискурса, следованию / нарушению сетевых жанровых образований и т.п.

Неоценимой для самого факта рождения научной идеи и концепции данной работы видится роль исследований по лингвоперсонологии, выполняемых учеными Кемеровско-Барнаульской школы (Л. А. Араева, Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, Н. Б. Мельник, Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко, Т. В. Чернышова, Н. Н. Шпильная и др). В основе лингвоперсонологической теории языковой системности, предложенной Н. Д. Голевым, лежит мысль о взаимосвязи и наличии в языке системы корреляций, сопоставимых с персонными свойствами языковой личности разного уровня обобщения: от частнолектной до национальной и общечеловеческой. Языковая личность может, по мнению Н. Д. Голева, быть реконструирована на основе многих параметров, которые формируют следующие группы:

- уровневые и «отраслевые» параметры (например, «синтаксическая» или «орфографическая языковая личность»);
- аспектуальные параметры: временные, локальные, профессиональные, гендерные языковые личности («историческая языковая личность», «инженерная языковая личность», «женская языковая личность» и т.п.);
- функционально-речевые параметры (например, типы языковых личностей, дифференцируемые по их проявленности в функциональных стилях или по их поведению в конфликтных ситуациях [Голев, 2006, с. 8-9].

3.2. ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ

Высказывание о том, что за каждым текстом стоит языковая личность со своим репертуаром речевых средств и с качественно разной языковой способностью, в лингвоперсонологии обретает статус аксиоматичного. Типизирование дискурсивной личности субъекта НПД производится нами на материале текстов. Это тексты спонтанной виртуальной коммуникации на политическую тематику, в процессе производства которых личность принимает на себя сложную парадигму дискурсивных ролей, получающую выражение в вербальной форме.

Выше мы установили основные интенциональные сценарии, согласно которым ДЛ действует как субъект, производящий дискурс гибридного типа, а именно непрофессиональный (производимый участниками обыденной коммуникации) политический (производимый участниками, реализующими легитимизирующую разновидность политической интенции) дискурс в виртуальном пространстве (соотносящийся с дискурсивными нормами сетевого общения анонимных партиципантов). В следующих параграфах мы рассмотрим типы ДЛ, которые получают устойчивые признаки выражения в интернет-комментариях, и коррелируют с исполнением следующих дискурсивных ролей:

- роль реципиента / адресата политического медиадискурса (с общей интенцией респонсивности/реактивности)
- роль субъекта политического дискурса (с общей интенцией легитимизации)
- роль субъекта непрофессионального дискурса о политике (с общей интенцией репрезентации политики как повседневности)
- роль субъекта виртуального дискурса (с общей интенцией спонтанной интеракции/беседы).

При рассмотрении всех параметров, предложенных выше, мы учитывали и наличие переходных типов. Ниже мы рассмотрим все варианты типизированных ДЛ НПД.

3.2.1. ДИСКУРСИВНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ АДРЕСАТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Еще В. Фон Гумбольдт отмечал, что «для человека естественным является тотчас же воспроизвести понятое им в речи» [Гумбольдт, 1994]. Так и комментаторы, являясь во многом читателями интернет-новостей, вербализуют свою реакцию, предлагая собственную интерпретацию прочитанного. В роли реципиента субъект реализует респонсивную интенцию глобального типа, результатом ее становится дискурс, который наиболее близок к производному, так как имеет большее число «точек дискурсивного соприкосновения» с дискурсом-источником локального контекста (статьей, к которой пишутся комментарии), также имеет общие смыслы и дискурсивные единицы с

дискурсом гиперконтекста (медиаполитический дискурс, воплощенный в серии публикаций на данную тематику) и с макроконтекстом (комплексом медиапубликаций и политических текстов за определенный период времени). При реализации глобальной интенции когнитивно-рецептивного типа (декодирования, восприятия, понимания и интерпретации информации) данный тип дискурсивной личности (далее – ДЛ) тем не менее производит вариативные формы дискурса в зависимости от персонных характеристик и наличествующих в его речевом репертуаре средств для реализации разных видов речевого намерения.

Субъект производит вторичный дискурс, в котором излагает свою интерпретацию, как результат процесса декодирования семантики (содержательного аспекта), прагматики (интенционального аспекта) и семиотики (знакового аспекта) дискурса-источника. Респонсивная интенция отражается на введении в текст следующих компонентов: дискурса реакции и дискурса интерпретации. Маркерами реактивного дискурса могут быть устно-речевые формы, которые эксплицитно выражены в комментарии. Как правило, такие формы содержатся в зачине текста:

В статье все понятно.. НО?.. По поводу мигрантов... А почему мигранты со всего мира не бегут в самую лучшую страну ..., про которую так много рассказывают по телевизору, и которой все восхищаются, это ведь прямо парадокс какой-то, они даже не пытаются сюда попасть [В США заявили..., 2021].

Оценка включается им в интерпретативную часть, которая присоединяется к вводу дискурсу реактивного типа с помощью союза противительного типа. Прагматический потенциал данного союза, который имеет семантику противопоставления пропозиций, не совсем совпадает с его семантикой. В данном дискурсе союз *НО* использован автором-адресатом, чтобы указать на недосказанность в связи с ситуацией, касающейся беженцев. Его *НО*=*кроме*, так как имплицитно означает следующий смысл: все понятно, кроме того, почему беженцы не ищут убежища в России. Он выражает удивление по поводу поведения референта, который является каузативом событий, послужившим референтной ситуацией для дискурса-источника. Таким образом реакция общего типа сочетается с интенцией уточнить конкретный аспект обсуждаемого события.

Дискурс реакции в двукомпонентной реплике «реакция+интерпретация» может выражаться не столь отчетливо, как в предыдущем варианте текста.

Реакция некоторых ДЛ имеет достаточно размытый характер:

Это всё понятно, удивляет другое - эта страшная трагедия вызывает дрожь у кого угодно, только не у японцев.. [В МИД удивились..., 2019].

Что именно понятно данному реципиенту не указано конкретно в его реактивном тексте. Таким образом он обобщенно высказывает свое отношение-реакцию и на прочитанную статью, и на предыдущие мнения сообщества. Вторую часть интерпретативного типа автор строит по контрасту с первой: обобщенная реакция + интерпретация конкретного факта. Второй компонент его реплики также контекстуально зависим. Речь идет о трагедии, которую пережили японцы в годы Второй Мировой войны. «Считанное» на уровне

имплицатур дискурса-источника отношение политиков Японии к данному событию прошлого и есть предмет эмоций автора. Последний свою эмоцию конкретизирует использованием негативной оценочной конструкции с прилагательный *страшная трагедия* и предикативного комплекса с семантикой экспликации телесных ощущений *вызывает дрожь*. Таким образом, респонсивная интенция адресата реализуется через дискурс реакции с неточной, обобщенной семантикой, а его интерпретация направлена на конкретный факт историко-политического контекста.

Те же компоненты наблюдаются и в тексте ДЛ англоговорящего адресата: *Yes donald. You must hold yourself proud at how well you totally destroyed not just the Republican party, but how well you used the Constitution as toilet paper when you were doing your daily dump on the laws you were breaking* [Trump calls..., 2021].

Данный текст – реакция на статью, в заголовке которой предложение Д. Трампа о том, что «В США – радикальный беспорядок». Как видим, первая реплика автора – это прямой ответ диалоговой формы: *Да, Дональд*. Следующая часть комментария также выдерживается в форме высказываний – обращений от 2-го лица. Этот тип текстопроизводства относится к диалоговой форме (текст-ответная реплика). Развитие дискурса при реализации общей респонсивной интенции адресата происходит по траектории от политики к повседневности. Что касается оценки, то она вложена в прагмасемантический план текста, а именно в отбор и представление действий Трампа, как намеренно уничтожающих политические святыни американской нации. Модель респонсивной интенции следующая – реакция+интерпретация / перспектива: политический актер / оценка в имплицатурах / вектор от политики к повседневности.

Следующий вариант сочетания семантических компонентов дискурса отличается от предыдущих тем, что сначала цитируется заинтересовавший фрагмент новости, а затем присоединяется интерпретация его автором комментария. Сочетание смысловых компонентов «Цитация+интерпретация» наблюдается в дискурсе следующего адресата:

«Мы не можем ничего исключать. Мы не знаем, что ещё они планируют», – заявил Моравецкий в интервью газете Bild 18 ноября. и к чему "при всей публице такие жестикюляции!" [Духанова, 2021].

Данный реактивный дискурс построен по другому принципу. Сначала вводится чужой текст прямым способом, то есть в виде отдельно обозначенной цитаты, а только затем к нему дается реакция-комментарий. Данная реакция эксплицирует «считывание» автором-читателем не общей формально-содержательной структуры дискурса-источника, а скорее интенций его субъекта – политического деятеля, премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого. Его речевое поведение, транслируемое в форме устного публичного дискурса, читатель оценивает фразой *такие жестикюляции*, одновременно отмечая устную форму выступления и реагируя на манипулятивный, неискренний характер его дискурса.

В отличие от предыдущих типов дискурсообразования ДЛ адресата реализует интенцию при помощи текстов, в которых компонент реакции имеет

рассеянную локализацию, и высокий уровень дискурсивной когерентности не позволяет отделить один от другого. Однако, респонсивность требует ознакомления с ближайшим контекстом. В этой связи процитируем фрагмент из статьи «Москва и Токио давно ведут переговоры о заключении мирного договора по итогам Второй мировой войны»:

Претендуя на четыре острова южных Курил, Япония требует их передачи под свой суверенитет для подписания договора. Притязания на Кунашир, Шикотан, Итуруп и Хабомаи Токио обосновывает двусторонним Трактатом о торговле и границах 1855 года» [В МИД удивились..., 2019].

Двое представителей ДЛ адресата реагируют на дискурс-источник в серии реактивных высказываний, которые по типу имеют интеррогативно-экспрессивный характер. Модус экспрессии и субъективного отношения пониживает дискурс первого автора, элементы первичного медиадискурса рассредоточены по всему тексту вместе с общим для источника и реактивного текста кореферентом:

Что мы так суедемся с этой Японией. Что мы хотим всем понравится, это напоминает поведение лиц определенной профессии. Столько лет жили без мирного договора и ещё столько же проживём. ***Кто кого победил? Складывается впечатление, что Япония нас, Американцы держат в Японии свои базы и плевали они на японцев. А мы что дергаемся?*** [В МИД удивились..., 2019].

Хронотоп текста второго адресата также обозначает общий геополитический план, который связывает в единое пространство читателя соответственно его геополитической идентичности, а также референтов события, конструируемого в медиадискурсе. В данном фрагменте это Япония, США и Россия. Прагматический смысл новости отражен в интерпретации второго автора просторечным глаголом *суедемся*. Специфика употребления данного слова в политическом контексте передает и отношение автора к политическим переговорам как к несерьезным. Далее по тексту пренебрежительное отношение к политике и дипломатии эксплицируется в высказывании: *это напоминает поведение лиц определенной профессии*. Оперирование автором репликами устного дискурса *Что мы...? Кто кого...? А мы что...?* придает дискурсу повышенную эмоциональную окраску и ритм устной речи. Поэтому можно сделать вывод о преобладании в тексте, несмотря на политическую проблематику, общей тональности и смыслов повседневности. Читатель посредством реактивных высказываний условно-вопросительного типа эксплицирует свое критическое отношение к изложенному в дискурсе-источнике.

Следующая реплика вторит предыдущей:

У нас что, кроме японии других дел нет? Страна, мягко говоря, в неважном состоянии. Страной надо заниматься, просьбу военных выполнять-это дело, а японий в мире много и все чего-нибудь да хотят.. На всех не угодишь [В МИД удивились..., 2019].

В целом приведенные фрагменты указывают на реактивность с целью обнаружения нарушения коммуникативного принципа релевантности. Все

авторы реактивного дискурса выражают мнение о том, что существуют более значительные события, которые медиа упускают и не включают в повестку дня, а в политическом аспекте это социальные проблемы внутреннего масштаба, которым не уделяется должного внимания.

3.2.2. ДИСКУРСИВНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В роли субъекта политического дискурса ДЛ рядового носителя языка, проявляющая свою языковую способность в виртуальной коммуникации, реализует глобальную интенцию (де)легитимизации. В большинстве ситуаций (де)легитимизации ДЛ субъекта политического дискурса проявляет свою политическую позицию имплицитно – через компоненты пропозиций и их семантико-прагматические комбинации, реже эксплицитно – через употребление оценочно-эмоциональных единиц дискурса, особенно, когда речь идет об оценке действий политических фигур, политических партий. Соответственно характеру выделяемого предмета и объекта (де)делегитимизации ДЛ субъекта политического дискурса производит дискурсивное действие комплексной политической (де)легитимизации политической ситуации либо аспектуальной (де)легитимизации, то есть признание легитимными/нелегитимными отдельных ее конституентов. Среди конституентов выделяются следующие:

А) политическая фигура (профессиональные и личные качества лидера; его действия, в политике – преимущественно дискурсивного характера, то есть заявления, решения, выступления, политические интервью и т.д.);

Б) политическая партия (преимущественно, ее действия в пользу простых граждан);

В) политический режим / система (преимущественно в аспекте фокуса на одном из компонентов концептуальной антиномии «свои – чужие»).

Проиллюстрируем дискурс личности, оценивающей политику в легитимизационном аспекте:

Not sure why people (including Biden) are missing the big picture:

The minority Republican Party has rigged representative democracy well into the future - perhaps for decades. With the judicial branch now heavily stacked to the right (let's never forget the stolen Garland Supreme Court seat), voter suppression tactics, Senate favoring low population states, oddities of the Electoral College undermining 1-person, 1-vote – that's how a minority party rules in perpetuity.

Look for policies to come out of DC that reflect just a minority of Americans. The system is rigged in their favor.

Sorry to be pessimistic. I only see things turning around with a Democratic Party landslide and the “radical” move to add Supreme Court justices to make up for the stolen Garland seat.

Otherwise, America will be reflecting Mitch McConnell's governing philosophy for decades [Trump calls..., 2021].

С помощью метадискурсивных маркеров субъект (де)легитимизации обнаруживает свой объект: это комплексная политическая ситуация, которая сложилась в его стране. Последовательное изложение фактов, объясняющих скрытые стороны функционирования политической системы, указывает на отрицательную бенефактивность данной ситуации, если рассматривать ее с позиций прагматического потенциала для адресата. Автор как адресат политических действий элиты посредством метадискурсивного маркера, на этот раз отражающего его эмоции *Sorry to be pessimistic*, создает делегитимизирующее пространство критического дискурса о политике, не спускаясь к вопросам повседневности, за исключением момента, связанного с процедурой голосования *1-person, 1-vote* – один человек – один голос. Этот феномен также тяготеет в область политического, и, по мнению автора, даже это фундаментальное право американцев подрывает (*undermining*) нелегитимное функционирование избирательной Коллегии (*oddties of the Electoral College*). Альтернативный вариант предполагаемому развитию событий, описываемому комментатором как «общая картина» (*big picture*), нельзя назвать более приемлемым для большинства американцев. Этот пессимизм также заложен в прагматической активизации обратной семантики пропозиции *America will be reflecting Mitch McConnell's governing philosophy for decades*.

Политическая позиция поддержки или неприятия выражается относительно политических фигур, так как они часто становятся предметом освещения медиа. Так, в политике США с 2016 по сегодняшний день на полосах газет мелькают два имени, которые вызывают массу противоречивых мнений граждан США. Это Дональд Трамп и Джо Байден. Они регулярно подвергаются обсуждению тех пользователей, которые вербализуют свое мнение в комментариях к интернет-публикациям, чем фактически производят (де)легитимизирующее действие аспектуального характера:

Trump is the reason for the mess. he promotes violence against those he does not like. He violates our Constitution. He lies, to mislead his "followers". He undermines Democracy, because he wants to get and stay in power. He does NOT want Democracy, he wants everyone to do what HE wants. And his buddies are the ones "radicalizing", with views like establishing only one religion in our country [Trump calls..., 2021].

Крайне отрицательная оценка персоны бывшего президента США конструируется прежде всего на уровне предикативной сети дискурса. Большая часть глаголов имеют отрицательный компонент значения и за счет плотной постановки их в дискурсе мы понимаем позицию автора, реализующего интенцию политического характера. Осуждение действий Д. Трампа передается не только на семантическом уровне, но и на прагматическом. Четырехкратный повтор глагола *want* для передачи состояния волитивной сферы референта отражает намерение комментатора указать на то, что Д. Трамп ставит свои желания на первое место, игнорируя интересы прочих граждан. Последнее высказывание процедуральной семантики *establishing only one religion* подтверждает прагматическое значение данного фрагмента: Д. Трамп возносит себя над человечеством и создает свою религию. Так, делегитимизирующее

действие заложено в импликатурах дискурса: эксплицитный посыл «Этот человек – плохой» заставляет реципиента прийти к собственным выводам.

Из той же ленты процитируем еще один пример, где преобладает (де)легитимизирующая интенция субъекта политического дискурса:

Biden has a victory? After months of cajoling, bribing and threatening, he still could not get all the democrats to vote yes. If it wasn't for some republicans crossing the aisle, Biden would still have nothing to sign. Re the bill, it's filled with pork and is nothing to be proud of [Trump calls..., 2021].

Открытое умаление заслуг Джо Байдена как политика, которому прочат победу, является главной идеей данного автора-субъекта, который осуществляет делегитимизирующее дискурсивное действие. Байдену приписываются «страшные грехи», которые окончательно ниспровергают его с «трона» победителя: *cajoling, bribing and threatening*. Более того, даже этих неприглядных деяний нелегитимного лидера демократов недостаточно чтобы получить стопроцентную поддержку его однопартийцев. Напротив, помощь пришла от «чужих», так как действия республиканцев помогли Байдену набрать свои «за».

Однозначная позиция автора против Байдена тем не менее не открывает его политической принадлежности. Легитимации подвергается деятельность политика, все его действия носят противоправный и нечестный характер. Субъект в своих рассуждениях-обвинениях не выходит за рамки политической сферы, он конструирует дискурс согласно институциональным нормам общения, таким образом его преобладающий тип ДЛ – тип субъекта политического дискурса.

Легитимизирующее действие ДЛ также представлено в следующем фрагменте:

Караван идет... Принципиальное согласие на заключение договора ранее было достигнуто на высшем уровне. Теперь работа над подписанием договора продолжается уже на уровне министров иностранных дел [В МИД удивились..., 2019].

Когезия достигается за счет последовательного изложения фактов, которые имеют и временную поочередность. Фразой *караван идет* автор показывает прогресс и динамику событий, которые следуют одно за другим. Легитимизирующая интенция не носит прямого характера, она содержится в импликатурах. Например, усеченное высказывание *...Караван идет (=Собака лает, караван идет)* имплицитно означает достижение цели, несмотря на противодействия со стороны менее значимых в политическом мире сил. Пропозиции дискурса выявляют не только горизонтальную динамику *ранее – теперь* (цепочку распределенных во времени событий), но и вертикальную: употребление конструкций политического слоя *на высшем уровне, на уровне министров иностранных дел*. Итак, пространственная градация дискурса и градация его референтов демонстрируют положительное отношение автора к одной политической стороне и отрицательное – к другой. Его дискурс транслирует следующий смысл: победа за более крупным противником, следовательно, Россия подпишет договор с Японией в свою пользу. В данном

случае легитимации подвергаются действия политических партнеров (в контексте новости и НПД, скорее, противников).

Еще один тип ДЛ субъекта политического дискурса, реализующей интенцию (де)легитимизации, представлен в примере следующего характера: *ВВП и Лаврову надо единожды ... расставить все точки над "Ё". Если на самом высоком уровне не называть лжецов лжецами, они уверуют в своей непогрешимости. Просто объявить в одном из прямых эфиров что "партнеры" такие-то являются лгунами, все сказанное ими является стопроцентной ложью, имеющую перед собой лишь одну цель: очернить Россию и подорвать ее влияние на международной арене!* [Духанова, 2021].

С помощью формальной модели директива субъект выражает свое мнение относительно Принципа кооперации, который нарушают иностранные медиа и политики в дискурсе о событиях в России. Такие глагольные фигуры перформативного характера, как *расставить все точки над "Ё"* (=высказать свое твердое решение), *называть лжецов лжецами* (=назвать вещи своими именами, сказать правду), *объявить в одном из прямых эфиров, очернить Россию* при их введении в речь будут иметь перлокутивный эффект, то есть окажут воздействие на адресата, под которым в данном случае подразумеваются западные политические акторы. Легитимирующее действие-совет уравнивает позиции референтов дискурса и его автора, с одной стороны, а с другой, субъект рассуждает с позиции зрителя представления, который дает советы, наблюдая за «перформансом». Политика – это зрелище для данного автора.

Следующий фрагмент также эксплицирует дискурс субъекта как легитимирующего актора:

Оккупационное амерское-наглосакское колониальное руководство Польши и других стран НАТО просто делает заявления, которые требует их начальство из США и Британии. Чтобы реализовать проверенную столетиями технологию «разделяй и властвуй» англосаксы Британии и США применяют всегда ложь и агрессивную нейролингвистику с подменой понятий - мощное оружие массового поражения мозгов населения стран-жертв для последующего колониального грабежа, использования или уничтожения. США всегда были мошенниками, грабителями и бандитами. Сейчас США грабят Польшу контрактом по СПГ, за который поляки платят, а американцы им не везут. Поэтому Госдеп США всячески отвлекает поляков и всех европейцев, чтобы они не задумывались о том, что США их грабят и не мешали этому грабежу. Вот, ЦРУ США организовали «транзитных клиентов» с Ближнего Востока в Белоруссию, предварительно их отзомбировав, обманув и тоже ограбив [Духанова, 2021].

Делегитимизация сопровождается повышенным эмоциональным модусом в данном тексте. Его обобщенно-визуальный образ подчеркивают особые точки, привлекающие внимание читающего. Это сеть аббревиатур: *США, НАТО, СПГ, ЦРУ*. Они образуют сильные позиции текста и формируют его тезаурусный каркас. Референты данных контрактных форм это выбранные для легитимизационного действия объекты. Далее данная референтная сеть наполняется более мелкими, «уточняющими» элементами: экспрессивно заряженными дискурсивными структурами, такими, как окказионализм-эпитет

американское-английское, прецедентный феномен *технология «разделяй и властвуй»*, ценностно отягощенный перифраз *мощное оружие массового поражения мозгов населения*, существительные с отрицательной коннотацией *мошенники, грабители и бандиты* и т.д. Все эти показатели политической интенции субъекта «работают» на создание и демонизацию образа врага. Для данного автора это Соединенные Штаты и их правительство, репрезентированное комментатором в операциональном, или, другими словами, деятельностном аспекте.

3.2.3. ДИСКУРСИВНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Согласно глобальным интенциям субъекта НПД как носителя обыденного взгляда на политику автор комментария репрезентирует себя через отношение к проблеме, а также дает оценку политическим событиям в контексте повседневной жизни. Там, где политические смыслы более всего приближаются к смыслам повседневности непрофессиональный, персональный дискурс преобладает. В данных дискурсивных эпизодах на первый план выходят интенции ДЛ субъекта непрофессионального дискурса.

Анализ комментариев на предмет дискурсивной деятельности рядовой, неэлитарной личности показывает, что в одном случае политическая проблема или событие ассоциируются в обыденном мировидении читателя с житейскими вопросами и в комментарии предлагается авторская аналогия-результат. В другом случае проблема остается в сфере политического, но ее дискурсивное конструирование личностью комментатора производится с привлечением неофициального типа дискурса, характеризуемого использованием средств, типичных для устной неофициальной речевой деятельности.

При приоритете содержательного плана репрезентации политики как повседневности над формальным в ткань данного типа дискурса ДЛ вплетает неоднородные единицы общекультурного фонда коллективного знания. Как правило, это знание ограничено рамками конкретной лингвокультуры. В русских комментариях распространено привлечение к интериоризации политического народной мудрости (паремийного фонда), литературы, кинематографа, смеховой культуры народа.

В американском непрофессиональном дискурсе данный тип прецедентности актуализируется не часто. В американских комментариях преобладают выражения из неофициальной, повседневной речи, коллоквиализмы и современные идиоматические единицы. Реже – упоминания прецедентных имен из кинематографа и исторических личностей. Рассмотрим типичные дискурсивные действия и решения ДЛ субъекта непрофессионального дискурса русскоязычной и англоязычной ДЛ (американский вариант английского языка).

В следующем фрагменте типичное сравнение политической ситуации с анекдотом затрагивает проблему достижения согласия по вопросу Курильских островов:

Позиция японцев в ситуации с мирным договором и островами, до анекдота напоминает позицию монтера Мечникова из романа Ильфа и Петрова – "Двенадцать стульев". Утром деньги – днём стулья, днем деньги – вечером стулья, вечером деньги – утром стулья. Но деньги – вперед !!! [В МИД удивились..., 2019].

Описываемая комментатором мошенническая схема, комично представленная известными русскими писателями-сатириками, содержит импликацию о том, что предлагаемый японцами вариант также не отличается «чистотой сделки». Однако политическая подоплека упоминается только в самом начале. Все остальное пространство текста занято аллюзийными «играми» автора-комментатора. Трёхкратное использование комической оппозиции *Утром деньги – днём стулья* с номинацией частей суток в качестве переменных соотносит дискурс более с бытовой беседой раскрепощенного формата, чем с политической коммуникацией.

Аналогичная ситуация с привлечением смеховых произведений русского народа происходит при репрезентации политической проблемы как повседневной:

Украина уже не знает как сдаться в плен России. Как в старом советском анекдоте, главное чтобы разрешили объявить войну, а там за 5 минут мы все успеем сдаться, пограничники главное не попадитесь в первые минуты, чтобы не затоптали те, кто будет бежать в плен [Госдеп прокомментировал..., 2021].

Такой подход существенно снижает серьезность проблемы и позволяет заменить негативные эмоции, вызванные произошедшим событием, позитивными. Фраза *Как в старом советском анекдоте* имплицитно относит к политическому противнику как к неумелому и мало компетентному в военном искусстве.

Зачем России нападать на Украину, чтобы выплачивать пенсии, выплачивать долги по тем же пенсиям, пособиям, зарплатам, по новой запускать/строить заводы, дать людям дешёвый газ, электричество, тепло, и выплатить, кажется, 100 млрд долларов долгов Украины? Извините, но дураков нет, на своём горбу тащит 35-40 млн жителей Украины, где очень много стариков? Путин не дурак же, чтобы нас так обременять то :-) [Госдеп прокомментировал..., 2021].

В данном тексте также преобладает непрофессиональная составляющая, о чем свидетельствует дважды повторяемый комментатором пейоратив *дурак*. Крылатая фраза повседневного общения *Дураков нет* комбинируется субъектом непрофессионального дискурса с просторечными частицами *то* и *же*, а также сниженным выражением *тащит на своём горбу*. Данные лексические и дискурсивные единицы присутствуют в составе вопросительного каскада – индивидуально-авторского приема, используемого для реализации интенции несогласия и выражения противоположной позиции.

Представители американской лингвокультуры чаще ставят акцент на «обытовлении» формального плана дискурса о политике. ДЛ субъекта непрофессионального дискурса содержательно конструирует

институциональный дискурс, при этом, однако, оперируя единицами неформального общения. Они представлены в виде сленгизмов и идиоматических выражений, неформального синтаксиса. Как и в русском дискурсе отмечается высокая частотность использования вопросительных форм, имитирующих устный бытовой разговор.

Еще одним важным моментом является некосвенный характер выражения ДЛ субъективных интенциональных и эмоциональных состояний. ДЛ рядового представителя американской лингвокультуры часто использует Я-конструкции с глаголами, непосредственно указывающими на психологическое состояние субъекта дискурса, как в следующем примере:

Veteran in Delaware: I fear that, unless there is a 2020 wave against the now repugnant party, a President Biden will be stonewalled as they did to President Obama.

And where is President Obama? I thought he and former AG Holder were going to be working in an organization to fight gerrymandering and voter suppression. Instead, he and Michelle are finding adulation in the film community making films on socially related issues. As a Democrat and Obama fan, I'm feeling disappointed [Bump, 2019].

Нетрудно установить главные эмоции, способствовавшие формированию дискурсивной интенции автора фрагмента. Он называет первую – страх (*fear*) – в зачине комментария, вторую – разочарование (*feeling disappointed*) – в резюмирующей части текста. Фактически глагол *fear* употребляется в качестве вводного и выражает опасения комментатора за будущую ситуацию: Байден, как и Обама будет заблокирован *a President Biden will be stonewalled*. Однако конструкция, отражающая эмоцию разочарования *I'm feeling disappointed*, имеет грамматическую форму с семантикой продолжительности, поэтому отражает разворачивание дискурса в момент актуального авторского переживания. Политический фон постепенно заменяется аполитичным, как в дискурсе данной ДЛ, так и в референтном событии. Текст отражает специфику политической жизни политической элиты: карьера быстро заканчивается и люди начинают заниматься обычными делами, уходят из профессии.

В следующем фрагменте ДЛ американского комментатора использует небольшие элементы непрофессионального дискурса. Например, прозвища, которые простые граждане присваивают политикам или метафорические фразы: *It would be interesting to see what happens in the Trump circus if the major media cut their coverage of his antics* [Collinson, 2021].

Политическая команда Трампа и его действия сравниваются автором с цирком, где все происходит для зрителя. Таким образом вводится имплицитная оценка его персоны. Его штаб – это цирк (*circus*), а его действия, выступления, заявления – это выходки (*antics*). На основании данных метафор можно сделать вывод о незрелости политика, и его заинтересованности не благополучием нации, а зрелищностью своих мероприятий.

Еще одна реплика к той же публикации демонстрирует помещение политического в повседневный контекст и репрезентирует обыденную интерпретацию политики. *What we have here is Democrat Decay over Trump prosperity. Democrats are Earths own Comedy Channel* [Collinson, 2021].

Обыденные смыслы представлены автором реплики объективацией фрейма «Демократы – комедианты». В данном случае ДЛ субъекта НПД действует как ближнестоящий наблюдатель за противоборством двух политических лагерей: демократы (*Democrats*) *против Трампа*. С точки зрения данной ДЛ, позиция демократов более шаткая и приравнивается к политическому инфотейнменту, то есть их функция – развлекать людей.

3.2.4. ДИСКУРСИВНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ ПАРТИЦИПАНТА ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Возможность производить дискурс НПД с использованием речевых средств, типичных для устного дискурса, сопровождается технической поддержкой виртуальной неформальной беседы. В связи с этим в НПД существует явление, названное исследователями «эффектом информационного эха» [Болотнов, 2015]. Комментарии первого порядка, производимые ДЛ адресата политического медиадискурса и направленные на понимание, интерпретацию, оценку дискурсивных событий, становятся «точкой бифуркации», то есть сами служат стимулом для реакции, и с момента вербализации вторичного дискурса НПД, то есть с публикацией реакции второго порядка происходит раздвоение древа беседы. Рассматриваемое как прагматическое дерево, оно актуализирует интенции интерактивного плана, о которых писалось выше. «Вторая волна» информационного эха актуализирует так называемый веер интерпретаций и порождает их конфликт. Зачастую ДЛ комментатора, который выступает в роли виртуального собеседника реагирует на этот конфликт как на нарушение конверсационных максим, и это определяет глобальную интенцию субъекта в роли виртуального партиципанта. В конкретных проявлениях дискурса глобальная интенция реализуется посредством набора коммуникативных тактик.

Глобальная интенция также допускает речеактные цепочки инициативный / реактивный речевой акт, которые образуют речеактные комплексы подобно формам устной беседы, т.н. диалогические единства. Но в отличие от типичных диалоговых вопрос-ответных комплексов, цепочки в НПД могут не соответствовать данной интерактивной модели. Даже при условии использования индивидуально-авторского приема порождения дискурса НПД, такого, как вопросительный каскад, интенция получения информации может заменяться иной, которая создает в данной коммуникативной ситуации отсутствие облигаторности получения ответа. Так происходит в следующем примере:

– *Интересно россияне как китайцы смогут если надо будет больницу за две недели **построить** как китайцы? Или лучше сразу китайцев пригласят **строить**?*

– *Зачем **строить**? Поставят палатки и будешь в них жить пока не вылечишься* [Маслова, 2020].

Как видим, действие, обозначенное глаголом *строить*, эффектом информационного эха отражается в реплике собеседника. Но дальнейшая часть

реплики показывает, что «отвечающий» не намерен предоставить недостающую информацию, как и нет намерения ее получить у первого собеседника. Намерение второго замаскировано иронией и показывает некоторое презрительное отношение и к собеседнику, насмешку над ним и его вопросами, и к властям, которые предпринимают действия, недостаточные для купирования вспышки вируса. Комментатор 2 чутко отреагировал на ключевое слово *строить* в дискурсе первого и выразил ироничное неодобрение.

В следующей паре беседа также имеет спонтанный характер, где первая реплика не каузирует вторую:

Жанна Стрешнева: *Она* (Польша – прим. автора – И.С.) *под шумок своей газопровод из Норвегии наладила, вот и вся повестка. А наши СП-2 пинают по инстанциям как пингпонговый мячик...*

uigii1962 отвечает: **Жанна Стрешнева, Т.н. Балтийский поток не достроен.** *Осталось 20 км. Дания отозвала разрешение из-за недостаточной информации о защите местной фауны. Планируют запустить осенью 2022 года. НО.....газа у поставщиков набирается ТОЛЬКО на треть мощности. Остальное будет закупаться на споте (читай-у Газпрома)* [Духанова, 2021].

Первая инициативная реплика – реагирующий дискурс адресата, на что указывают случаи анафорического местоимения *Она*, соотносимого с референтом статьи-источника (Польша), а также дейктического притяжательного местоимения *наши*. Но в комментарии первого пользователя (заметим, с женским ником) другой читатель усмотрел некомпетентность, недостаточный уровень владения информацией, и это стимулировало его к вербализации комментария-замечания. Поэтому вторая реплика также не была востребована, как это происходит в диалогической паре. Она была произведена спонтанно, и представляет собой реализацию коммуникативной тактики замечания.

Следующий комментарий также выстроен согласно инициативному РА, на что указывает вступительное слово *Интересно*, маркирующее интенцию восполнения информационного пробела субъекта, но не иницирующее получение ответа:

Альфарий: *Интересно Польша с Украиной подерутся за то кто больше защищает ЕС от России и Белоруссии) Самое забавное что Россия и Беларусь ни сном ни духом о том что они кого-то там атакуют)*

tashin256 отвечает: **Альфарий,** *Как бы Украина и Польша не дрались, а защищает Европу Эстония* [Духанова, 2021].

Если первый партиципant подмечает всю наигранность ситуации и предвзятость западных медиа, то второй комментатор решает усилить юмористический эффект и добавляет еще одного референта, с присутствием которого в главной роли ситуация доводится до абсурда. Таким образом интенция второго – усилить комический эффект и добавить клоунады (юмор с серьезным лицом, как в реплике комментатора 2). Опять же, пользователь *Альфарий* не эксплицировал свое намерение получить ответ на вопрос, а пользователь *tashin256* не счел нужным в данной коммуникативной ситуации его предоставлять.

Следующая пара продолжает завязавшийся разговор о роли малых восточноевропейских государств в «большой» политике:

cris-cross: *Так ведь Украина же спаситель Европы? При чем здесь Ржачь Изписьполитая?*

Berserk отвечает: *cris-cross, А у них соревнование на право быть любимой женой, хотя по сути просто подороже продаться* [Духанова, 2021].

Вопросительный формат комментария первого пользователя и его соотнесенность с предыдущей парой привлекает внимание еще одного партиципанта, и он предлагает свою версию расстановки политических сил. При этом интерактант сохраняет юмористический задор тематической ветви, посвященной Польше и Украине (последняя играет роль перманентного стимула политических дискуссий). Пользователь *Berserk* также упражняется в словесной дуэли и реализует интенцию предложить самую «искрометную» версию. Копирование устных просторечных клише *Так ведь, При чем здесь, хотя по сути просто* сообщает дискурсу на политическую тематику интерактивный характер живой, непринужденной беседы знакомых или коллег по работе. Короткие высказывания и частая смена ролей также характеризуют устный бытовой дискурс и неформальные чаты компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК).

3.2.5. ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ДЛ СУБЪЕКТА НПД

Несмотря на генетически заложенное свойство производности описываемого дискурсотипа, трансформируясь в соответствии с требованиями новой виртуальной среды, НПД обретает достаточно автономное существование. Многие комментарии представляют собой тексты, имеющие смысловую полноту и завершенность, а также не являющие признаков зависимого, деривационного функционирования. Эти тексты содержат самостоятельную композицию, при вынесении их за пределы ленты комментариев содержание будет оставаться ясным для реципиента. Это происходит по той причине, что интенции комментаторов в роли читателей уступают место и другим коммуникативным интенциям, приобретающим не меньшую важность при обсуждении политических новостей на виртуальных площадках.

Дискурсивная деятельность субъекта НПД была смоделирована для каждой из выполняемых ролей. Представим разработанные модели в виде таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Дискурсивные модели субъекта непрофессионального политического дискурса

№ п/п	Вариант модели	Компоненты модели	Примеры реплик / фрагментов
Модели дискурса, выделяемые для ДЛ адресата			
1		Реакция+ интерпретация	
	А	Общая реакция + толкование конкретного эпизода	<i>смешная статья, но есть в ней и очень грустный момент – люди, замерзающие на границе с развитой и просвещенной Европой, дети, старики и женщины, которые бежали от ужасных последствий войны, развязанной коалицией тех самых либеральных и прогрессивных.</i>
	Б	Реакция на конкретный эпизод + толкование общей ситуации	<i>Так надо было и взыскать с них. Почему наши власти во главе с Медведевым и Ко постоянно жуют соплю, а в это время от нас отрывают Украину, Грузию, Молдову и т.д.</i>
	В	Лаконичная реакция + интерпретация-инференция	<i>Да, но меня удивляет другое – Турция по идее имеет явное преимущество над сирийскими войсками (пусть и с поддержкой наших ВКС), однако наступление идет и похоже турки банально хотят остановить его с помощью дипломатического давления своих союзников по НАТО выкрикивая ложь о миллиардах беженцев.</i>
2		Реакция = интерпретация	
	А	Рассыпанные ключевые слова / цитаты дискурса-источника	<i>Liam Still: Rhetoric or obliviousness? Biden predicts a post-Trump 'epiphany' for GOP. Slow Joe. Biden is a silly old man. He couldn't get his Republican pals in the senate to work with him and Obama for eight years, before Trump came along. Old and stupid is not going to beat Trump. Joe seems to not even remember Merrick Garland. Biden is not the guy. The solution is not to be all bipartisan and go nowhere. The people of this country want change and if all we are going to get is a bunch of half measures, things are not going to be good for either party. moon-base: Oblivious. Just as Hillary Clinton was oblivious to Main Street America, so is Joe Biden. I ain't ridin' with Joe Biden.</i>
	Б	Кореференция	<i>А Польше кстати следует напомнить, что войны с ее участием очень часто заканчиваются ее же разделом)</i>
	Г	Реакция на иллокуцию дискурса или его референта(-ов)	<i>Заврались короче и решили соскочить, когда Лавров их мокнул фасомобтабле.</i>

№ п/п	Вариант модели	Компоненты модели	Примеры реплик / фрагментов
3		Цитация + интерпретация	
	А	Цитация+реакция на локуцию	<p>"Перебирая варианты ответных мер со стороны ЕС, приходится признать, что, возможно, ничего лучше стены на границе на нынешнем этапе придумать нельзя." – почему нельзя? Исключение технической возможности транспортировки людей (ограничение автоперевозок и авиасообщения) – вполне себе действенная мера и ее сейчас активно обсуждают (а авиакомпания Сирии вроде бы даже уже приостановила рейсы в Минск). Да и эффективность санкций я бы не преуменьшал. Они, конечно, не имеют немедленного эффекта, но имеют эффект отложенный.</p> <p>"The USA is a radicalized mess!" hey Trumpanszees you had 4 years to try to show us a better way you couldn't , still no Wall & AFCA working well Sleepy Joe is no great prize but you seem to forget the people voted against Trump not for Biden I know this hard for you single issue nematodes . Trump was bad enough but his "acting administration" was even worse, know nothing about the Job? your hired.</p>
	Б	Цитация+реакция на иллюкцию	<p>Alan Martin: "single most important thing we want to achieve is for Joe Biden to be a one-term president." A message from his friends across the aisle.</p>
	В	Цитация+реакция на перлокуцию	<p>Boris Jones: The policies of "people like Biden and Obama" are exactly what made a President Donald Trump possible in the first place. Someone on the Internet: Absolutely nuts. Total BS. He's either been asleep for the past decade or he's just making stuff up. Perhaps a little of both.</p>
			<p>"Joe Biden, who ran as the moderate alternative....." If you get the chance, thank some of the "80 million supposed Biden voters" for making it possible for the left to destroy America</p>
Модели дискурса, выделяемые для			ДЛ субъекта политического дискурса
4		Комплексная (де)легитимизация	<p>Boris Jones: You never hear Republicans talking about "reaching across the aisle" because they have absolutely no interest in that. They became that way in earnest with their "Contract with America" in the '90's and, as far as they are concerned, it has been an electoral winner. Republicans understand what Democrats can't seem to get through their thick heads -- in an age</p>

№ п/п	Вариант модели	Компоненты модели	Примеры реплик / фрагментов
			<i>where the electorate is polarized and fragmented as never before, the party that prevails won't be the one that "tacks to the center" but rather the one that can best energize its base and get them out to the polls. Preaching "civility" and "compromise" and chanting that "the perfect is the enemy of the good" and "the country is not ready for that" isn't going to energize anybody. Trying the same strategy that lost for Democrats in 2016 but expecting different results is the very definition of insanity.</i>
5		Аспектуальная (де)легитимизация	
	А	легитимизация политической фигуры (, профессиональных и личных качеств, действий, дискурса)	<i>Trump brought Covid to US. He and GOP make it difficult to eradicate it with their absurdity. Supply chain problems? Trump and GOP obstruction the cause. Inflation? Trump and GOP obstruction the cause. Big money supports the GOP, controls the media, which is why the media normalizes the misdeeds of the horrific party. Gruesome.</i>
	Б	легитимизация политической партии (в аспекте проявления оппозиции «свои – чужие»)	<i>OPUS25: Obliviousness definitely. You would think that Biden would get this after 8 years as Obama's VP and the constant obstructionism that is the epitome of the GOP. The only "epiphany" that McConnell and the rest of the GOP would entertain is continued "party before country serves our agenda....obstruct, obstruct, obstruct the Dems.</i>
	В	легитимизация политического режима	<i>So sick about the january 6th. b.s. what about all the riots the democrats said take it to the streets? where are those trials for them? they was giving approval for violence that costs millions. but we now have a country that is soft and have double standards.</i>
Модели дискурса, выделяемые для ДЛ субъекта непрофессионального дискурса			
6		Репрезентация политики как повседневности	<i>geezer1947: Since the USMCA is Trump's treaty, why would labor trust Trump more on this than Biden? Is labor really going to "veer" toward Trump after he has done this to them? Let's get real here. Everything you are criticizing Biden for is stuff Trump has done in spades.</i>
	А	Репрезентация повседневности через прецедентность	<i>latweek: You're parsing needles within haystacks. The rest of the real world understands that Biden is the only candidate to beat Trump. Stop the navel gazing.</i> <i>Вам, предводитель, пора лечиться электричеством. (О.Бендер)</i>

№ п/п	Вариант модели	Компоненты модели	Примеры реплик / фрагментов
			<i>Как говорил Жиглов; престиж государства определяет не наличие преступников, а умение их обезвреживать... Ближайшие же соседи не только не могут, но и не хотят это делать.</i>
	Б	Репрезентация повседневности через план выражения	<i>Almost one year into this horrendous administration i dont see how anyone could vote demoRAT again</i>
7		Переход от политики к повседневности	
	А	Репрезентация ассоциативных связей	<i>TripLbee: Biden should be drug tested. A chemical dependency is the only plausible explanation for a Democrat who thinks he can collaborate with the GOP.</i>
	Б	Репрезентация фреймов бытовой сферы	<i>I LIVE IN A COUNTRY FULL OF DRAMA QWEEN'S I don't know that Biden's problem is that he's too liberal. I'm pretty sure polit-ical principles, right or left, don't mean much to him. He's just happy somebody let him play Mr. President for a while. The policy stuff? Nah, he's got people for that, and they're the ones who worry the heck out of me</i>
Модели дискурса, выделяемые для ДЛ партиципанта виртуальной коммуникации			
8		Интерпретация + реакция на нарушение принципа Кооперации	
	А	Интерпретация + реакция на нарушение максимы качества	<i>Комментатор shivaisback: Trumps aren't much clearer. Ivanka and co benefited and got deals with China, awful (Семья Трамп не намного чище. Иванка и Ко наживались и заключали сделки с Китаем, ужас.) Ответ: You should not talk out of school when you know nothing. Parroting CNN makes you look as stupid as they are (У вас нет права так говорить, когда вы ничего не знаете. Повторяя за CNN, ты выглядишь таким же глупым, как и они) (Koffler, 2021).</i>
	Б	Интерпретация с нулевой инициацией+ реакция на нарушение максимы релевантности	<i>У Минска есть все предпосылки просить военной помощи у России. Со стороны Польши и Литвы собран кулак. Вы лично готовы воевать?</i>
	В	Интерпретация с нулевой инициацией+ реакция на нарушение максимы ясности	<i>Steamboatskier: Lindsey Graham may not be much of a Senator, but his weekend drag show at Freddie's Beach Bar in Crystal City is just FAB! NancyESL: I expect most "drag queens" have a greater sense of honor than Lindsey Graham. HollyMartins2: Great comments all but please don't use his name.</i>

Помимо данных ядерных компонентов моделей, разработанных для каждого из типов ДЛ, дополнительно были введены и компоненты, конституирующие дискурс НПД и выделенные на основе их проявления в текстах в качестве параметров, имеющих антиномический характер:

Когезия / когерентность. Часть субъектов формирует дискурс с высокой степенью когерентности. Это автономные высказывания самостоятельного характера, только содержательно ориентированные на дискурс-источник. Текст данных личностей – цельный, имеющий смысловую завершенность и визуально-графическую целостность. В противоположность данному типу текстовых продуктов часть комментаторов публикует только короткие реплики. Более того, некоторые типы текстов состоят из отдельных разделенных абзацев, каждый из которых представляет отдельное высказывание. Данные части не совсем разрознены, но уровень когерентности внутри одного поста значительно ниже, чем у независимых текстов. На уровне когезии данные реплики образуют дискретное пространство.

ИмPLICITное / эксплицитное выражение оценки. Субъективность и оценочность как категориальные признаки НПД не всегда проявляются на эксплицитном уровне. Оценка может быть выражена косвенно, может содержаться в серии пропозиций, имеющих формальные признаки модели речевого акта констатива или директива. Политическая интенция, в частности, ее разновидность, присущая непрофессиональному адресату политического дискурса, интенция «наивной» легитимизации также может выражаться на уровне имплицитур дискурса. Показательным в данном случае является пример реплики к новости о переговорах России и Японии (на повестке – небызвестные проблемные вопросы, касающиеся Курильских островов). Эксплицитно выражаемая оценочность придает дискурсу комментариев эмоциональную насыщенность и подчеркнутую экспрессивность, которая отличает спонтанную анонимную коммуникацию в целом, и виртуальную коммуникацию на политические темы в частности.

Точка зрения субъекта на ситуацию: **участника политики / перспектива наблюдателя / зрителя.** Субъект дискурса с помощью определенных средств показывает свою позицию по отношению к ситуации-референту и дискурсу-источнику. Его постановка на место непосредственного участника отражает позицию в первом варианте, а проявление наблюдающей, внешней по отношению к политическому событию и его участникам перспективы указывает на его роль наблюдателя. В политическом контексте вариантом позиции наблюдателя является позиция зрителя.

Временная перспектива. Репрезентация событий может помещаться субъектом НПД в универсальное или актуальное настоящее, может быть представлена приемами реминисценции. Кроме этого, в дискурсе данного типа, по причине свободы выбора временной перспективы могут реализовываться сразу несколько временных планов, создавая хронологическую сетку расширенного времени, а также дополнительные временные пространства посредством включения ирреального (условного) времени и выражения интенции через прием проспекции (предвидения будущих событий).

Данные дискурсивно-коммуникативные параметры текста как продукта НПД пересекаются с глобальными интенциональными установками его субъектов, в результате мы получаем расширенный набор дискурсивных моделей. Представим описание каждой из моделей в вариативном функционировании в текстах комментариев, а также качественно отличающихся в связи с дополнительными прагматическими и дискурсивными параметрами их типизации.

Модель 1 в своей основе имеет два смысловых компонента: реакция+интерпретация, которые четко вычлняются в дискурсивной ткани НПД. Она реконструируется в трех вариантах. Первый (А) проявляется в реагировании субъекта-адресата на дискурс-источник с помощью обобщенного оценочного высказывания и последующем добавлении своей интерпретации, направленной на конкретный фрагмент. Проиллюстрируем функционирование Модели 1(А) на примере:

смешная статья, но есть в ней и очень грустный момент – люди, замерзающие на границе с развитой и просвещенной Европой, дети, старики и женщины, которые бежали от ужасных последствий войны, развязанной коалицией тех самых либеральных и прогрессивных [Духанова, 2021].

Цитируемый фрагмент – один из наиболее типичных форм реализации респонсивной интенции интернет-комментатором – адресатом политического медиадискурса. Находясь на позиции реципиента, комментатор в первую очередь эксплицирует свою спонтанную реакцию. Такой дискурсивной формой он оценивает статью в целом, используя адъективную конструкцию с прилагательным *смешной*. Данный оценочный дескриптор выражает его первую эмоцию как реакцию на главный посыл дискурса-источника, и эта реакция не имеет негативной импликации. Однако, последующая, включенная в интерпретативную часть оценка отдельных фрагментов противоположна по направленности, на что указывает использование автором другого дескриптора *грустный* в позиции противопоставления неравнозначных сущностей *статья – момент*. Наличие наречия-интенсификатора *очень* позволяет определить, что вторая эмоция более сильная. В этом случае можно утверждать, что именно отрицательная, а не положительная бенефактивность (положительные для адресата последствия иллюкутивной силы медиастатьи) источника способствовала формированию респонсивной интенции адресата. Разворачиваемый вслед за реакцией дискурс интерпретации построен по типу расширения точки фокуса. То есть, реципиент фокусируется на *грустном моменте* и расширяет фокус через более детализированное описание. Он рассматривает ситуацию с беженцами «под микроскопом» и видит конкретных людей: *люди, замерзающие на границе с развитой и просвещенной Европой, дети, старики и женщины*, которые страдают в текущий момент. В данном случае ситуация видится как разворачивающаяся на глазах у автора-наблюдателя, в данном случае, скорее, свидетеля событий. В заключительной части ситуация «войны» и «страданий» вновь связывается автором-адресатом с помощью дейктического выражения *тех самых* с медиаполитическим дискурсом-источником, так как причиной страданий обычного человека, по

мнению автора, являются политические акторы, представляющие группу, в медиадискурсе именуемую как *либеральные и прогрессивные*.

Итак, в данном примере наблюдается **вариант (А) Модели 1, устанавливаемый по следующим параметрам: респонсивная интенция: реакция+интерпретация / когерентность через противопоставление целого и деталей / эксплицитная оценка в реактивной части / позиция субъекта – «внимательный» наблюдатель / временная перспектива – актуальное настоящее.**

Модель 2. Следующая модель реконструируется на основе тех текстов, которые образованы согласно принципу когерентности и качественно отличаются от произведенных по первой модели наличием целостности внутренней формы. В них реакция и интерпретация одно не членимое целое, объединенное единой формально-содержательной тканью текста. Такой тип текстов как правило производится ДЛ субъекта политической коммуникации и непрофессионально-политической.

Вариантом (А) Модели 2 является использование приема рассыпанных ключевых слов или словосочетаний из дискурса-источника. Особенно часто ключевые слова заимствуются, если они представляют собой редкие единицы языка, стилистически окрашенные лексические или фразеологические элементы, как правило, используемые журналистами в заголовке статьи, как в следующем примере. В названии статьи, опубликованной интернет-изданием Washington Post 14 мая 2019 года мы читаем «Rhetoric or obliviousness? Biden predicts a post-Trump ‘epiphany’ for GOP». Данный материал вызвал активные отклики. К нему было опубликовано 607 комментариев. Авторов многих реплик привлекло слово *obliviousness*, которое не отличается частотой использования в повседневном общении и намеренно было выбрано журналистом для привлечения внимания. Данный термин, включенный автором материала для характеристики возрастного политика (Д. Байдена), типично используется в языке прессы, но редок в повседневной речи. В словаре Collins его рейтинг 3 из 5. В следующем примере мы наблюдаем дискурс, разворачиваемый согласно **Модели 2(А):**
Oblivious. Just as Hillary Clinton was oblivious to Main Street America, so is Joe Biden. I ain't ridin' with Joe Biden [Bump, 2019].

Комментарий эксплицирует производность по причине заимствования редкого термина субъектом НПД в свой дискурс. Это слово употребляется дважды. Именно оно стало триггером реакции. В первом случае оно отделено от всего текста, как неполное слово-предложение. Во втором мы видим, что автор ассимилирует ключевое слово, пытаясь найти аналогии и еще раз употребить его, будто тренируясь в его использовании в речи. В конечном итоге, автор актуализирует прагматический компонент значения прилагательного *oblivious*, делая вывод, что данная характеристика в человеке-политике его не устраивает и слово начинает нести негативный смысл. Таким образом, процесс понимания и усвоения ключевого слова приводит субъекта-адресата к выводу о неблагоприятном отношении к политику Д. Байдену. Оценка производится им на уровне импликатур (в данном случае логических выводов, сделанных на основе когнитивной операции аналогии). **Модель 2А – респонсивная**

интенция: реакция=интерпретация / имплицитная оценка / временная перспектива: сопоставление прошлого и настоящего с выходом на текущий момент.

Модель 3 дискурса адресата выделяется на основе сопряжения в комментарии эксплицитно выраженных смысловых компонентов «Цитация + интерпретация». Когерентность в данной модели относительна, она определяется соположением двух компонентов, а сам дискурс скорее стремится к смысловой и формальной дискретности.

Модель 3 (А) репрезентирована в текстах, «вызванных» к жизни реакцией адресата на сами слова, безотносительно намерения их автора. Для адресата более важно то, что они вообще были произнесены и кто их произнес. Мы определяем соответствие Модели 3 (А) параметры следующего комментария:

*"The USA is a radicalized mess!" hey Trumpanzees
you had 4 years to try to show us a better way you couldn't , still no Wall & AFCA
working well Sleepy Joe is no great prize but you seem to forget the people voted
against Trump not for Biden I know this hard for you single issue nematodes . Trump
was bad enough but his "acting administration" was even worse, know nothing about
the Job? your hired [Trump calls, 2021].*

В начале текста автор цитирует слова Д. Трампа, помещенные в заголовок *"The USA is a radicalized mess!"* (США – радикализованный беспорядок). При этом он меняет знак препинания, так как в оригинале восклицательный символ отсутствовал. Затем используя неформально-оскорбительное обращение, субъект-адресат называет сторонников политика выражением из интернет-сленга, образованным соединением фамилии их лидера и видом обезьян (*Trumpanzees* - в русском переводе это может звучать как «Трампанзе»). Исходя из данных параметров, мы можем сделать вывод, что для автора важен сам факт произнесения слов данным лицом, иными словами, локуция. Его эмоции вызывает не столько содержание, сколько форма. Дальнейшая часть дискурса – это прямое обращение автора и перечисление неудач Д. Трампа. Под его словарно «карающую длань» попадает и будущий нынешний президент США Джо Байден, который также не проходит «экзамен» на соответствие посту лидера государства *Sleepy Joe is no great prize*.

Оценка в данном случае также выражена «радикальными» средствами: текст полон эмоциональной и пейоративной лексики, эмоционально окрашенных выражений. Среди них выделяется бранное выражение английского сетевого сленга *single issue nematodes*; сетевая кличка Джо Байдена *Sleepy Joe*; высказывание в его адрес *is no great prize*; оценочные прилагательные, образующие градацию *bad* и *even worse*; неформальный, агрессивно звучащий, прямой вопрос усеченного типа *know nothing about the Job?* Все эти элементы дискурса, включенные в текст один за другим, последовательно усиливают градус эмоциональности и обнаруживают «радикальное» (в унисон названию дискурса-источника) отношение адресата к адресанту. Уровень когезии высок, автор часто даже не разделяет свои мысли пунктуационными знаками. Однако когерентность данного фрагмента не имеет сильной выраженности по причине соположения ряда высказываний без логической связи одного с другим. И так,

данный комментарий репрезентирует **Модель 3 (А): респонсивная интенция: цитация+реакция на локуцию; переменные: эксплицитная оценка, когерентность низкая, когезия высокая.**

Модель 4 служит основой конструирования текстов, интенциональной доминантой которых является ведущая интенция комментатора как субъекта политического дискурса – интенция (де)легитимизации. Делегитимизирующее действие комментатора-субъекта НПД в качестве объекта избирает не только конкретных политических лиц, например, глав государств или представителей политических партий. Легитимизация в дискурсе одного субъекта может затрагивать разные стороны политической реальности, в этом случае мы выделяем феномен комплексной (де)легитимизации. Данный вариант идеологически направленного оценочного дискурса обозначен нами как вариант (А) и наблюдается в следующем примере комментария:

*Boris Jones: You never hear Republicans talking about "reaching across the aisle" because they have absolutely no interest in that. They became that way in earnest with their "Contract with America" in the '90's and, as far as they are concerned, it **has been an electoral winner. Republicans understand** what Democrats can't seem to get through their thick heads -- in an age where the electorate is polarized and fragmented as never before, the party that prevails won't be the one that "tacks to the center" but rather the one that can best energize its base and get them out to the polls. Preaching "civility" and "compromise" and chanting that "the perfect is the enemy of the good" and "the country is not ready for that" isn't going to energize anybody. Trying the same strategy that lost for Democrats in 2016 but expecting different results is the very definition of insanity [Trump calls, 2021].*

Легитимизирующая стратегия данного текста имеет разнонаправленный характер. Например, в первом высказывании политической оценке подвергается дискурсивное клише, произнесенное Джо Байденом и быстро ставшее «прецедентным текстом». Это фраза *"reaching across the aisle"* (дословн. – протянуть руку через проход (англ.)). Данная фраза была произнесена Джо Байденом во время его публичной речи после победы на выборах 2020 года и в контексте противостояния Республиканской и Демократической партий США означала поиски компромисса между сторонами внутривнутриполитического конфликта в правительстве. «Несторонники» Д. Байдена сразу использовали ее как «манипулятивное оружие» против демократов. В цитируемом выше тексте мы как раз наблюдаем использование перепрограммированной в прагматическом плане фразы из речи демократа. По мнению комментатора, это неверная политика. В дальнейшей части комментария автор добавляет свой аргумент, показывающий, что это решение (прийти к консенсусу) неэффективно. Высказывание *Democrats can't seem to get through their thick heads*, введенное пропозицией *Republicans understand*, показывает его отношение через ссылку на политических акторов, позицию которых он поддерживает. Эту позицию ранее имплицитно фразы *it has been an electoral winner* (лозунг Республиканцев был более честным и выиграл на предыдущих выборах). Так, от косвенной делегитимизации дискурса лидера политической партии, а затем и всех ее

представителей он переходит к прямому способу выражения критической позиции относительно демократов, когда пишет:

in an age where the electorate is polarized and fragmented as never before, the party that prevails won't be the one that "tacks to the center" but rather the one that can best energize its base and get them out to the polls [Koffler, 2021].

Словосочетания, взятые им в кавычки, опять же извлечены из дискурса демократа Джо Байдена. С помощью дискурсивных средств «противника» комментатор репрезентирует свою политическую позицию неприятия и неодобрения курса демократической партии. Начиная свой дискурс с описания ситуации в абсолютном настоящем, автор вводит и факты в удаленном и недавнем прошлом, использует конструкции вневременного настоящего, интегрирующего период своего распространения на прошлое и будущее. С помощью индикаторов *in an age, as never before* показано, что в актуальный момент данные лозунги не возымеют нужного эффекта. Сочетание в одном высказывании предикатов в формах будущего, настоящего для выражения будущего *understand, can't seem to get, is polarized and fragmented, won't be, can energize, get out* формирует у читателя объемное, динамическое изображение настоящей политической ситуации как рекогносцировки.

Итак, **Модель 4А репрезентирует делегитимизирующую интенцию в варианте: комплексная делегитимизация: переменные: комплексная временная перспектива; имплицитная / эксплицитная оценка политического дискурса; политических партий и их лидеров.**

Выдвижением одного из аспектов политической реальности отличается от предыдущего вариант **Модель 5**. В варианте (А) вопрос правомерности/неправомерности касается политической фигуры (в частности, профессиональных и личных качеств, действий, дискурса политика). Более всего простых пользователей привлекают известные персоны, лидеры государств и члены правительства. Именно их институциональный имидж, дискурс, система решений представляют интерес для «наивного» субъекта. В следующем комментарии к последним новостям о заявлениях президента Белоруссии Александра Лукашенко «Лукашенко пригрозил последствиями, если Польша закроет границу» от 01 декабря 2021 года (интернет-издание «РИА Новости») мы наблюдаем реализацию легитимизационной интенции в варианте «оценивание дискурсивных политических действий на предмет продуманности и здравого смысла»:

Да я то в курсе. Вот только радующиеся здесь смелости батеньки комментаторы не понимают, что его развлечения встанут боком именно России [Лукашенко пригрозил..., 2021].

Как видим, в тексте актуализируется мнение, противоположное большинству в данном сообществе. Выступления политика относительно угроз Польши закрыть границу с Белоруссией в данном тексте обозначаются номинативом *развлечения*. Выбор данной единицы неформальной устной речи в комбинации с идиомой *встанут боком* акцентируют внимание на нецелесообразности планируемых ответных действий политика и в какой-то мере, об их несерьезности. Таким образом комментатор отмежевывается от

позиции большинства и прямо выражает свою оценку и, соответственно, политическую позицию в данном вопросе. Включение в дискурс *России* как крупного геополитического референта усиливает персуазивность легитимизирующего действия. *Смелость* как положительное качество президента, не раз упоминаемое собеседниками в ленте, в контексте последствий для России теряет свою положительную коннотацию. **Модель 5 (А): (де)легитимизирующая интенция: аспектуальный подход: предмет: дискурс; переменные: эксплицитная оценка, перспектива: наблюдатель.**

Следующая выделенная нами **Модель 6** реконструирована на основе доминирования в комментариях позиции субъекта непрофессионального комментатора, пропускающего новости о политике сквозь системы обыденных понятий и ценностей. В связи с данной смысловой доминантой и ведущей интенцией данная модель действует по формуле «Репрезентация политики как повседневности». Ее вариант (А) предусматривает наличие в дискурсе маркеров обыденного сознания, а именно проявление в дискурсе феномена прецедентности. Проиллюстрируем действие варианта данной **Модели 6 (А)** на примере:

ты каким боком русскими обеспокоился? как тебе это относится? только тем что буквы русские знаешь Вы батенька Идиот, Достоевского читали? [Мосалов, 2020].

Репрезентация своего мнения на политические темы как на темы обыденного мира актуализирует в памяти автора знаменитый роман Ф. М. Достоевского «Идиот». Его название он и использует в своем каламбуре с намерением унизить собеседника словом и своей «начитанностью». В данном случае комментатор включает в свой дискурс не только имя-название романа, но и имя реального литературного деятеля. Когерентность данного текста низкая, наблюдается рассогласование в употреблении автором обращений: первые три пропозиции содержат обращение на *Ты*, но неожиданным образом в последней комментатор обращается к другому пользователю на *Вы*. Такой сдвиг вызван использованием интертекста, так как фраза *Вы, батенька, идиот* также является аллюзией на повесть М. Булгакова «Собачье сердце», которое популяризировали, сняв по его мотивам киноленту, а знаменитое высказывание запечатлено в сети в виде интернет-мема, где фразу «Да Вы, батенька, идиот» произносит профессор Преображенский. В данном случае комментатор довольно далеко отклоняется от темы обсуждения, уходя от нее в область повседневного общения с обертонами сарказма и язвительной насмешки. Однако в данном дискурсе он занимает позицию участника общения, на что указывает второе лицо и употребляемые обращения. **Итак, Модель 6(А): интенция репрезентации политики как повседневности; репрезентация через прецедентность; переменные: низкая когерентность, перспектива участника-собеседника.**

Модель 7 предусматривает производство дискурса на стыке политики и повседневности. **Вариант (А)** реализуется, когда мы наблюдаем в дискурсе комментария репрезентацию данного сочленения сфер посредством установления ассоциаций, как в следующем примере:

Лукашенко напоминает Председателя Си! Двое лучших в мире руководителей стран! Молодец Лукашенко, нечего чикаться с теми кто только оплёвывает клеветает и гадит на голову твоей стране!! [Лукашенко пригрозил..., 2021].

В цитируемом тексте ассоциативный ряд выстроен на основе сходства «жесткого» политического поведения двух лидеров: Белоруссии и Северной Кореи. В результате ассоциации субъект присваивает им наивысшую степень обладания признаком. В данном случае это признаки силы и решимости. Эти качества соотносятся с просторечными предикатами, и поэтому дискурс политической тематики переходит в сферу шутовства и комичности. Если сравнить две пропозиции: *двое лучших ...руководителей...!* – *те, кто оплевывает ... и гадит...*, то становится очевидной идея о возвышении «своих» и понижении «чужих». Пафос данного текста также эксплицирует позицию автора – эмоция открыта, эксплицитна, а перспектива говорящего – это участник группы поддержки, который задорно и громко выкрикивает лозунги в поддержку своего кандидата. Поэтому резюмируя описание данного варианта можно сказать, что **Модель 7 в варианте (А)** служит для выражения интенции репрезентации политики как повседневности; тип переход от политики к повседневности с помощью ассоциативных связей; переменные: позиция апологета / участника группы / эксплицитная оценка.

Следующая **Модель 8** репрезентирует дискурсивное решение тех комментаторов, которые рассматривают НПД как интерактивный вид коммуникации в виртуальном пространстве на политические темы. Данный дискурс производится по типу виртуальной беседы с применением интерактивных технологий равноуровневой публикации постом в режиме онлайн-беседы. Поэтому любой комментарий первого или следующего уровня может стать источником для другого или инициацией для ведения беседы.

Первым **вариантом (А)** является тип Нулевая инициация+реакция-вызов. Этот вариант **Модели 8** предусматривает ответ комментатора 2 на реплику комментатора 1, в котором тактика ведения беседы деструктивная, и, по сути, дискурс приобретает форму агрессивного, конфликтного типа. Однако сегодня троллинговые техники и конфликтный дискурс без труда опознаются участниками виртуальных чатов и не пролонгируются комментаторами, чьи реплики послужили инициацией-стимулом для таких реакций. Коммуникативный прием молчания нейтрализует тролля и дает возможность продолжить беседу. Данные техники снизили активность конфликторождающих личностей в НПД. Поэтому в последнее время, реакции-негации имеют более сдержанную форму и соответствуют жанру упрека или вежливого указания на неправоту выводов с развернутым опровержением.

Например, уже процитированная выше реакция-интерпретация пользователя *Юрий Смольянов* в ленте РИА Новости вызвала массу откликов. Таким образом нулевая инициация комментатора 1 послужила источником для серии реакций второго уровня:

Юрий Смольянов: *Надо не запугивать на словах, а просто обрубить все поставки энергоносителей из Белоруссии в Польшу. Быть может тогда для польских куриных мозгов дойдет, что надо жить в мире с соседями...*

Sergbatir: *Он не запугивает он отвечает на санкции которые хочет вести Польша, что разве не понятно.. Это они Европейцы с Американцами решили что они могут везде цветные революции устраивать и учить другие страны как им нужно жить.. **Вам что мало в пример Украины? Во что они её превратили в русофобское государство** [Лукашенко пригрозил..., 2021].*

Дискурсивные маркеры инициативного РА в комментарии первого автора отсутствуют, однако любая неприемлемая собеседником идея служит инициацией для последующей реакции-ответа. Данная реакция создает тематическое ответвление и актуализирует в НПД одну из тем, входящих в непрофессиональную повестку дня – это тема геополитического положения Украины. Отдельные средства, например, наречие *разве* внутри вопроса отражают настроение второго автора, который выражает свое замечание-упрек прямолинейным и не вполне вежливым по форме вопросом: *Что разве не понятно?* Данный вопрос в повседневных ситуациях общения имплицитно подразумевает веер иллюзий: 1) оставьте меня в покое; 2) сколько еще раз вам повторить мой вопрос? 3) я удивляюсь тому, что вы не понимаете что-л. и т.д. В данном случае постановка комментатором 2 разговорного интенсификатора *что* повышает конфликтность реплики и показывает аффективность выбираемого тона дискурса. Партиципant 2 указывает собеседнику на политическое поведение А. Лукашенко, которое с его точки зрения верно, а с точки зрения автора 1, напротив, неправильное: *Надо не запугивать на словах, а просто обрубить все поставки энергоносителей...* Таким способом он встает на защиту референта, подтверждая свое несогласие аналогичной вопросительной конструкцией второй раз: *Вам что мало?*, тем самым поддерживая аффективную стратегию и усиливая свое присоединение к позиции референта.

С позиции прагматических смыслов и коммуникативной макроинтенции виртуальной беседы можно сказать, что второй партиципant имплицитно оценивает дискурсивную личность автора 1 как нарушающую максимум релевантности в коммуникативном кодексе. Желание восстановить баланс в понимании с учетом стиля партиципанта 2 подменяется желанием упрекнуть в неверной точке зрения. В дискурсе партиципанта 2 оценка имеет многоуровневый характер: прямой упрек адресован ближайшему партнеру, а опосредованный – актерам, которые актуализированы в пропозиции *Это они Европейцы с Американцами решили...* Употребление указательного местоимения для конструирования эмфазы показывает оценку аналогичной природы, но адресованную дистанцированным актерам из сферы «большой» политики. Таким образом реализация **Модели 8(А)** в данном тексте (ответной реплике) имеет следующее преломление: **интерактивная интенция: нулевая инициация+реакция на нарушение максимы качества; переменные: эксплицитная и имплицитная оценка/ политически поляризованная позиция одновременно участника и наблюдателя.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача объяснения языка в терминах интенциональности решалась многими учеными, представляющими ряд направлений: философию языка, лингвистическую прагматику, когнитивную лингвистику, психолингвистику, теорию дискурса, коммуникативную стилистику. Но время не стоит на месте, оно меняет привычные форматы коммуникации, и в результате возникают новые структуры общения, новые условия, которые обуславливают новые формы взаимодействия и вызывают появление новых дискурсивных практик.

Так происходит и с политическим дискурсом. Сегодня его понимание значительно расширяется, оно охватывает те области, которые еще недавно представляли собой периферийный вариант политической коммуникации и не составляли как таковые сферу политического дискурса в его классическом понимании.

Прирост числа активных представителей общества за счет вовлечения в политическую коммуникацию усилил ее непрофессиональную составляющую и вызвал к жизни новые, гибридные дискурсы и жанры. Таким сегодня является непрофессиональный политический дискурс. Его субъекты массово участвуют в обсуждении политических процессов в обществе. Пространство, на котором он локализуется – это преимущественно некоммуникативные сети. Оно занимает значительную часть на страницах новостных интернет-изданий и привлекает исследователей как широкая и вместе с тем малоизученная эмпирическая данность.

Рассмотрение непрофессиональной разновидности политического дискурса в лингвопрагматическом аспекте при постановке в фокус внимания категории интенциональности позволило выявить дискурсивные сценарии, которые реализует личность рядового носителя языка, принимая на себя четыре дискурсивные роли: адресат политической коммуникации, субъект непрофессионального политического дискурса, политический актер и партиципant обыденной виртуальной коммуникации. Варианты имплементации данных сценариев показали высокий уровень разнородности реализуемых в дискурсе интенций, их сплавленный, синтетический характер. В этой связи мы приходим к выводу, что непрофессиональный политический дискурс характеризуется высокой степенью полиинтенциональности.

Результаты изучения дискурсивной деятельности субъекта НПД с позиций лингвоперсонологии также демонстрируют крайнее разнообразие дискурсивных средств, применяемых личностью рядового носителя языка, публикующего интернет-комментарии и выступающего в упомянутых выше четырех коммуникативных ролях. Это позволяет экстраполировать категорию полиинтенциональности, ранее применимую к тексту и дискурсу, на персонную сферу личности, ее дискурсивную ипостась. Поэтому современную языковую личность, участвующую в политической коммуникации на непрофессиональных площадках, можно определить как личность полиинтенциональную, адаптирующуюся к новым, гибридным моделям политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акинина, П. С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса (на материале выступлений президента США Барака Обамы): дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04 / Акинина Полина Сергеевна. – Тверь, 2018. – 156 с.
2. Алимуратов, О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: Система корреляций / О. А. Алимуратов: автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.19. – Ставрополь, 2004. – 52 с.
3. Алышева, Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина / Ю. С. Алышева // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2012. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-v-v-putina> (дата обращения: 16.10.2021).
4. Антонова, А. В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход: дисс. ... д-ра филологических наук: 10.02.04 / Антонова Анна Владимировна. – Самара, 2012. – 386 с.
5. Антонова, Ю. Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юлия Николаевна Антонова. – Орел, 2006. – 183 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
7. Бабич, Н. Г. Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики: (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бабич Наталья Георгиевна. – Москва, 2015. – 24 с.
8. Бальбуров, Э. А. Взаимодействие художественного и философского дискурсов в контексте новой онтологии / Э. А. Бальбуров // Сибирский филологический журнал. – 2005. – №3-4. – С.35-53.
9. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации: Сов. полит. яз.: (От ритуала к метафоре) / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
10. Басовская, Е. Н. Фактор адресата медиатекста и речевая тактика создания образа читателя / Е. Н. Басовская // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – №4 (38). – С. 196-203.
11. Барбашов, В. П. Историческая память Германии и России в междисциплинарных научных исследованиях: интенциональный подход (к 20-летию Алтайского филиала РАНХиГС): монография / В. П. Барбашов. – Барнаул: Типография АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2021. – 180 с.
12. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994 – С. 384 – 391.
13. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

14. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; Под ред. Ю. С. Степанова – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
15. Богачанова, Т. Д. Метаязыковые факторы формирования оценочности (на материале интернет-комментариев политического характера) / Т. Д. Богачанова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 9 (162). – С. 122-130.
16. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г. И. Богин: дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 355 с.
17. Болотнов, А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности: Монография / Томск. гос. пед. ун-т./ А. В. Болотнов. – Томск, 2015. – 273 с.
18. Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
19. Варламова, Е. В. Особенности германского леворадикального Интернет-дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Варламова екатерина Викторовна. – Астрахань, 2006. – 175 с.
20. Варламова, Е. В. Отличительные особенности политического дискурса / Е. В. Варламова // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2 (38). – С. 45–50.
21. Вахштайн, В. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2003. – №4. С. 104-118.
22. Вдовина, Г. В. Интенциональность в средневековой и барочной схоластике / Г. В. Вдовина // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 23–37.
23. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С.238-250.
24. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
25. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
26. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
27. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. Составление и вступительная статья Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; Общая редакция Е. В. Падучевой. – Москва «Прогресс», 1985. – С. 78-125.
28. Ворожбитова, А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
29. Вьюркова, Е. В. Сопоставительный анализ милитаристского дискурса политической элиты США и Франции (на материале английского и французского языков): дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.20 / Вьюркова Екатерина Васильевна. – Москва, 2017. – 214 с.

30. Гаврилова, М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2005. – 468 с.

31. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

32. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

33. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под редакцией Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 7 – 28.

34. Голев, Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев // Современная политическая лингвистика: Тезисы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 66-69.

35. Голев, Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты / Н. Д. Голев // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 30-37.

36. Голев, Н. Д. Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2012. – № 2 (18). – С. 5-17.

37. Голев, Н. Д. Обыденные политические интернет-комментарии в зеркале конфликта интерпретаций / Антипов А. Г., Базылев В. Н., Венгранович М. А., Голев Н. Д., Жаналина Л. К., Ким Л. Г., Киркинская Т. И., Кишина Е. В., Колмогорова А. В., Кондратьева О. Н., Кошкарова Н. Н., Лаврова А. А., Лебедева Н. Б., Лесников С. В., Манаенко Г. Н., Мельник Н. В., Осипов Б. И., Перфильева Н. П., Рабенко Т. Г., Савельева И. В. и др. // Социально-когнитивное функционирование языка: коллективная монография / Кемерово, 2017. – С. 19-34.

38. Голев, Н. Д., Шпильная, Н. Н. Обыденная медиакommunikация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления / Н. Д. Голев, Н. Н. Шпильная // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 23-34.

39. Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (На примере современной немецкоязычной рекламы): Дисс. ... канд. филол. наук / Антон Владимирович Голоднов: 10.02.04. – Санкт-Петербург, 2003. – 247 с.

40. Голянская, В. А., Мельник, Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ / В. А. Голянская, Н. В. Мельник // Филология и человек. – 2019. – № 3. – С. 29-41. DOI: 10.14258/filichel(2019)3-03

41. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. Составление и вступительная статья Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; Общая редакция Е. В. Падучевой. – Москва «Прогресс», 1985. – С. 208-228.

42. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография / М. Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
43. Гребенщикова, Т. А. Интент-анализ и другие методы исследования речи в психологии / Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д. // Актуальные проблемы психологического знания. – 2015. – № 4(37). – С. 56-63.
44. Грибовод, Е. Г. Интернет-дискурс / Е. Г. Грибовод // Дискурс-Пи. – 2013. – №3. – С. 118-119.
45. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
46. Гуссерль, Э. Логические исследования. Т. 2. 4.1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их "содержаниях" / Э. Гуссерль // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. – С. 282-297.
47. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. Серия: Слово о сущем. – М.: Наука, 2006. – 320 с.
48. Данкова, Н. С. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38. - № 4. – С. 551-561. <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-4-551-561>.
49. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
50. Дейк, ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – Пер. с англ. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.
51. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32-43.
52. Демьянков, В. З. Образ адресата / В. З. Демьянков // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 376-377.
53. Диасамидзе, Л. Р. Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов политических сетевых дневников (блогов): дисс ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Диасамидзе Любовь Романовна. – Тюмень, 2010. – 224 с.
54. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1-4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – 382 с.
55. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014а. – №13 (184). – С.181-187.

56. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2014б. – 264 с.

57. Добросклонская, Т. Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований / Т. Г. Добросклонская // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Язык и социальная динамика». – 2014в. – №14 (1). – С.106-115.

58. Домышева, С. А. Политический дискурс в пространстве дискурса реагирования: на материале британской и американской прессы за 2000-2007 гг.: дис ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Домышева Светлана Аркадьевна. – Иркутск, 2008. – 188 с.

59. Дубровская, Т. В. Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернеткоммуникации / Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. – 2020. – № 4 (82). – С. 22–31. – DOI 10.26170/pl20-04-02.

60. Дускаева, Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура [Электронный ресурс] / Л. Р. Дускаева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2012. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intentsionalnost-rechevoy-deyatelnosti-zhurnalista-ontologiya-i-struktura> (дата обращения: 10.08.2021).

61. Евпак, Е. В. Лингвиперсонологическая вариативность философских текстов русских эмигрантов Н. О. Лосского и Л. П. Карсавина / Е. В. Евпак // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 2: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник и С. В. Оленева. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 262-270.

62. Ергалиева, С. Ж. Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте: на материале российских и казахстанских интернет-сайтов: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19 / Ергалиева Самал Жанаткызы. – Кемерово, 2018. – 274 с.

63. Ермишина, К. Б. Религиозная антропология [Электронный ресурс]: учебное пособие / К. Б. Ермишина, 2012. – 369 с. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/religioznaja-antropologija-uchebnoe-posobie/> (дата обращения (09.10. 2021)).

64. Звегинцев, В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 13-21.

65. Земская, Ю. Н. Основы теории текста: Учебное пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, Н. В. Панченко, С. Н. Пешкова, А. А. Чувакин / Под общ. ред. А. А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 140 с.

66. Золотова, Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста / Г. А. Золотова // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2007. – С. 300-319.

67. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 158 с.

68. Исаева, Л. А. Языковая личность А. С. Пушкина: особенности проявления в номинации персонажей / Л. А. Исаева, В. В. Катермина // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век). Краснодар, 1999. – С. 45-53.

69. Каменева, В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели / В. А. Каменева // Политическая лингвистика, 2016. – Т. 1(55). – С. 15-19.

70. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / О. Л. Каменская – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.

71. Каменская, Т. Н. Понятие дискурса в лингвистике [Электронный ресурс] / Т. Н. Каменская // Филологические науки / 3. Теоретические и методологические проблемы исследования языка. – 2013. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm (дата обращения: 10.09.2021).

72. Кара-Мурза, Е. С. Полиинтенциональность медиатекста (на материале путеводителя как досугового издания) / Е. С. Кара-Мурза // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. – С. 33-39.

73. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

74. Карасик, В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Дискурс-Пи. – 2015а. – №3-4. – С. 147-149.

75. Карасик, В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В. И. Карасик // Известия ВГПУ. – 2015б. – №1 (96). – С. 73-78.

76. Карасик, В. И. Дискурсивное проявление личности / В. И. Карасик // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 56-77. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77.

77. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

78. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Издание 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

79. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап / Пер. с нем. А.В. Кезина // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Сост. А. Ф. Грязнов. – М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-традиция, 1998. – С. 69–89.

80. Карпухина, Н. М. Языковая личность современного экономиста / Н. М. Карпухина // Знание. Понимание. Умение: сб. науч. статей. – М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2007. – Вып.4. – С.70 – 74.

81. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.

82. Кацнельсон, С. Д. Речемыслительные процессы / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 3-12.

83. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.

84. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография (2-е издание, исправленное и дополненное) / Л. Г. Ким. – Кемерово, 2012. – 272 с.

85. Ким, Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии: конфликт интерпретаций новостного текста / Л. Г. Ким // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции. под.ред. С. У. Увайсов. – Москва, 2020. – С. 160-164.

86. Ким, Л. Г. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Филология. – 2019. – №57. – С. 48-62.

87. Киричек, Ю. А. Структуры повседневности и политическая наука: особенности обыденного познания [Электронный ресурс] / Ю. А. Киричек // Социум и власть. 2013. №1 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktury-povsednevnosti-i-politicheskaya-nauka-osobennosti-obydenного-poznaniya> (дата обращения: 16.05.2020).

88. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет: фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Наука, 1995. – 128 с.

89. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 - 2008 гг.): дисс. ... д-ра филол. н.: 10.01.10 / Клушина Наталья Ивановна. – Москва, 2009. – 352 с.

90. Клушина, Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации / Н. И. Клушина // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 78-90. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90.

91. Клушина, Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Н. И. Клушина // Медиаскоп: электронный журнал. – 2012. - № 4. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1242>.

92. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2011. – Вып. 9. – С. 26-33.

93. Клюев, Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) / Ю. В. Клюев // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2013. – Вып. 1. – С. 207-217.

94. Клюев, Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): автореф. дис. д-ра полит. наук: 23.00.03 / Юрий Владимирович Клюев. – Санкт-Петербург, 2017. – 63 с.

95. Кобозева, И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева, В. З. Демьянков / вступительная статья. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 7-21. – Режим доступа: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-7/source/worddocuments/_htm.

96. Кожемякин, Е. А. «Дискурсивный поворот» современных социально-гуманитарных исследований / Е. А. Кожемякин // Личность. Культура. Общество. – Т.9. – №4. – 2007. – С.205-214.
97. Кожина, М. Н., Дускаева, Л. Р., Салимовский, В. А. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
98. Коломиец, В. П. Концептуализация медиакommunikации [Электронный ресурс] / В. П. Коломиец // Медиаскоп. – 2019. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2575> (дата обращения: 10.09.2021). DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.2.
99. Колмогорова, А. В. Лингвопрагматические особенности перевоплощённой языковой личности / А. В. Колмогорова, Е. В. Косинова // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 2: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник и С. В. Оленева. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 125-144.
100. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М., 1975. – 232 с.
101. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 170 с.
102. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. / В. Г. Костомаров. – М.: Афины, 1996. – 2-е изд. – 330 с.
103. Которова, Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации / Е. Г. Которова // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – №1. – С. 98-115. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115
104. Кошкарлова, Н. Н. Трансформация жанра политического комментария в современной массовой коммуникации / Н. Н. Кошкарлова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – №3. – С. 98-103.
105. Красильникова, Н. А. Общественное мнение как предмет когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 133–140.
106. Красина, Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт / Е. А. Красина // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 91-102. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102.
107. Кристева, Ю. Разрушение поэтики / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427-457.
108. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
109. Лакруа, Ж. Избранное: Персонализм / Ж. Лакруа. – Пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, В. М. Володин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 608 с.
110. Левенкова, Е. Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США: дисс. ... д-ра филол. н.: 10.02.04 / Левенкова Елена Романовна. – Самара, 2011. – 417 с.

111. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Коллективная монография / Под редакцией Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул, Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.

112. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Н. Д. Голев, С. А. Максимова, Э. С. Денисова и др. / под редакцией Н. В. Мельник; – ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2009. – 384 с.

113. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

114. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

115. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие / А. Ю. Маслова. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 152 с.

116. Мельник, Н. В., Голянская, В. А. Лингвоперсонологическое описание обыденной политической коммуникации / Н. В. Мельник, В. А. Голянская // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / Научный редактор Н. А. Матвеева. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 263-267.

117. Мельник, Н. В. Интенциональный портрет адресата политического дискурса (на материале интернет-комментариев) / Н. В. Мельник, И. В. Савельева // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 4 (275). – С. 10-18.

118. Мельник, Н. В. Политический интернет-комментарий в лингвоперсонологическом измерении / Н. В. Мельник, И. В. Савельева // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. – Москва, 2021. – С. 170-194.

119. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2010. – 211 с.

120. Мельник, Н. В. Деривация русского текста: лингвистические и персонологические аспекты: монография / Н. В. Мельник. – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 280 с.

121. Мельник, Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: изд-во НГУ, 2011. – Вып. 1. – С. 200–207.

122. Менджерицкая, Е. О. Дискурс vs функциональный стиль: что есть язык СМИ? / Е. О. Менджерицкая // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №13. – С. 99-102.

123. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва: Либроком, 2008. – 256 с.

124. Молодыхенко, Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и

лингвопрагматический анализ: на материале публичных речей политических деятелей 1960-2008 гг.: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04 / Молодыхенко Евгений Николаевич. – Архангельск, 2010. – 245 с.

125. Москальская, О. И. Грамматика текста: учебное пособие / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

126. Мощева, С. В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации (на материале коммерческого и некоммерческого рекламного дискурса): дисс. д-ра филол. н.: 10.02.19 / Светлана Васильевна Мощева. – М., 2017 – 509 с.

127. Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. – М.: Республика, 1999. – 559 с.

128. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. – С. 112–116.

129. Никифорова, А. М. Актуализация цветоименований и цветообразов в современном американском политическом интернет-дискурсе (на материале сайтов политических партий США): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никифорова Алиса Михайловна. – Санкт-Петербург, 2014. – 267 с.

130. Озюменко, В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции - к агрессии / В. И. Озюменко // Russian Journal of Linguistics. - 2017. - Т. 21. - №1. - С. 203-220. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220.

131. Оленев, С. В. О лингвистическом исследовании обыденного политического дискурса / С. В. Оленев // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 5 (90). – С. 360-362.

132. Олешков, М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006а. – 423 с.

133. Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006б. – 146 с.

134. Орлова, О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М. Н. Кожинной / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. – №4 (24). – С. 19-25.

135. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22-31.

136. Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

137. Опарина, Е. О. Дональд Трамп: речевой портрет политика / Е. О. Опарина, М. Б. Раренко // Феномен Трампа: монография / под ред. А. В. Кузнецова; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – Москва: ИНИОН, 2020. – С. 367-384.

138. Павлова, Е. К. Гармонизация глобального политического дискурса на сигнификативном уровне (на примере дискурса США и России): дисс. ... д-ра филол. н.: 10.02.20 / Павлова Елена Касимовна. – Москва, 2013. – 459 с.

139. Павлова, Н.Д. Интент-анализ телеинтервью [Электронный ресурс] / Н. Д. Павлова. – 1998. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_5.htm (дата обращения: 03.04.2021).

140. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О. Н. Паршина. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.

141. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Паршина Ольга Николаевна. – Саратов, 2005. – 325 с.

142. Пастухова, О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): автореферат дис. ... канд. филол. н.: 10.02.20 / Пастухова Оксана Дмитриевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»], 2019. – 200 с.

143. Переверзев, Е. В. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е. В. Переверзев, Е. А. Кожемякин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. - № 2. – С.74-79.

144. Перельгут, Н. М., Сухоцкая, Е. Б. О структуре понятия «Политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая // Вестник НВГУ. – 2013. – №2. – С. 35-41.

145. Пильгун, Е. В. Лингвистические и социокультурные особенности политического дискурса американского варианта английского языка / Е. В. Пильгун. – Минск: РИВШ, 2016. – 75 с.

146. Плотникова, С. Н., Домышева, С. А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С. Н. Плотникова, С. А. Домышева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 103-108.

147. Попов Д. Д., Возможности лингвистической персонологии в решении задач фоноскопической экспертизы / Д. Д. Попов, В. А. Попова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 89–101. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.8.

148. Попова, Т. Г. Политический текст и его лексические особенности / Т. Г. Попова, Н. В. Таратынова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2012. – Вып. 3. – С. 90-98.

149. Попова Т. Г., Речевой портрет Терезы Мэй: вербально-семантическая составляющая / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. – 2020. – №5 (83). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-terezu-mey-verbalno-semanticheskaya-sostavlyayuschaya> (дата обращения: 16.05.2021).

150. Потюкова, Е. В. Интерсубъективность и коммуникация / Е. В. Потюкова // *Философия. Язык. Культура*. Вып. 2 / отв. ред. Горбатова Ю. В. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 42-49.
151. Прагматика и проблемы интенциональности: сборник научных трудов / Ответственный редактор: Н. Д. Арутюнова. – М.: ИНИОН АН СССР, 1988. – 306 с.
152. Пром, Н. А. Типы адресата в медиадискурсе / Н. А. Пром // *Медиалингвистика*. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 95-103.
153. Пронина, Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пронина Елена Станиславовна. – Москва, 2014. – 203 с.
154. Приходько О. Н. Интенциональность деятельности индивида [Электронный ресурс] / О. Н. Приходько // *МНКО*. – 2012. – №5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intentsionalnost-deyatelnosti-individa> (дата обращения: 01.12.2021).
155. Романтовский, А. В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ / А. В. Романтовский // *Коммуникативные исследования*. – 2017. – №4 (14). – С. 150-163.
156. Савельева И. В. Обыденный политический дискурс как предмет лингвоперсонологии / И. В. Савельева // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах*. Материалы IX Международной научной конференции: в 2-х томах. Ответственный редактор Л. А. Нефедова. – 2018. – С. 90-93.
157. Савельева, И. В. Интернет-комментарии в сети: интенциональные модели / И. В. Савельева // *Современный дискурс-анализ: электронный научный журнал*. – 2020. – № 2-2 (26). – С. 53-58.
158. Садуов, Р. Т. Лингвокультурологический и семиотический анализ особенностей структуры и содержания политического дискурса Барака Х. Обамы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Садуов Руслан Талгатович. – Уфа, 2011. – 223 с.
159. Сафонова, А. А. Интенциональность современного русского политического текста: дискурсивные векторы и языковые средства реализации: на материале Посланий Президента и партийных документов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сафонова Анна Александровна. – Волгоград, 2011. – 201 с.
160. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М., 2004. – 315 с.
161. Серл, Д. Открывая сознание заново / Д. Серл. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
162. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов* / Сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Вып. XVII. - М.: Прогресс, 1986в. - С. 170-194.
163. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М., 1986б. С. 195–222.

164. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний / Дж. Серль. Философия, логика, язык. – Москва, 1987. – С. 96-126.
165. Сёрль, Дж. Р. Рациональность в действии / Дж. Р. Сёрль. Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
166. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986а. — С. 151-170.
167. Синельникова, Л. Н. Дискурс реагирования: неориторическая модель политической коммуникации / Л. Н. Синельникова // Ученые записки Таврического университета. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т. 26 (65). – №1.– С. 293-299.
168. Синельникова, Л. Н. Дискурс, ещё дискурс! / Л. Н. Синельникова // Известия Южного федерального университета. Серия: Филологические науки. – 2017. – №3. – С. 137-152.
169. Синельникова, Л. Н. Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 95-101.
170. Слинин, Я. А. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» / Я. А. Слинин // Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб., 2001.
171. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. ст. – М.: РГГУ, 1995. – С. 34-72.
172. Стрелков, А. В. Полибий // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/world_history/text/3152861 (дата обращения: 20.08.2021).
173. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница, Нова Книга, 2009. – 272 с.
174. Суханов, Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю. Ю. Суханов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 200-212.
175. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Тагильцева Юлия Ринатовна. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
176. Терехова, Е. В. Статус и функционирование рекуррентных конструкций в политическом дискурсе современного английского языка: дисс. ... д-ра филол. н.: 10.02.04 / Терехова Евгения Викторовна. – Москва, 2011. – 462 с.
177. Федулова, М. Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Федулова Мария Николаевна. – Москва, 2020. – 315 с.
178. Филлипс, Л. Дискурс анализ: теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен / пер. с англ. / под ред. А. А. Киселевой. – Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. – 336 с.
179. Фуко, М. Археология знания: пер. с фр. / М. Фуко; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996а. – 208 с.

180. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996б. – С. 47–96.

181. Хазиева, Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности (на материале англоязычных конфликтогенных текстов): дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04 / Рушана Рауфовна Хазиева. – Уфа, 2018. – 198 с.

182. Халатян, А. Б. Особенности организации современного политического дискурса / А. Б. Халатян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 6. – С. 51-54.

183. Цветова, Н. С. Категория автора в интенциональном поле медиатекста / Н. С. Цветова // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СанктПетербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. – С. 17-23.

184. Цилюрик, Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе: по материалам электронных версий ежедневных газет "Монд", "Фигаро" и "Либерасьон" за 2008-2012 гг.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Цилюрик Дарья Дмитриевна. – Москва, 2013. – 289 с.

185. Цуциева, М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: диссертация ... доктора Филологических наук: 10.02.04 / Цуциева Мария Геннадьевна. – СПб., 2019. – 411 с.

186. Чанышева, З. З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации / З. З. Чанышева // Язык и текст. – 2016. – Т. 3. – №3. – С. 96-105. – DOI:10.17759/langt.2016030309.

187. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 136 с.

188. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.

189. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – Москва: «Флинта», «Наука», 2006. – 254 с.

190. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

191. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

192. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 256 с.

193. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография / Д. В. Шапочкин. – Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 259 с.

194. Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 59–67.
195. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шейгал Елена Иосифовна. – М.: РГБ, 2005. – 434 с.
196. Ширяева, Т. А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса / Т. А. Ширяева // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 103-108.
197. Ширяева, О. В. Лингвопрагматический аспект типологии медиадискурса / О. В. Ширяева // Научная мысль Кавказа. – 2012. – №1 (69). – С. 1-10.
198. Шмелева, Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования / Т. В. Шмелева // Вестник НовГУ. – 2015. – № 7 (90). – С. 145-148.
199. Шпильная, Н. Н. Модели интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе / Н. Н. Шпильная // Политическая лингвистика. – 2020. – №5. – С. 22-28. <https://doi.org/10.26170/pl20-05-02>.
200. Шустрова, Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы / Е. В. Шустрова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 77-91.
201. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология: Выпуск 2. / Под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник и С. В. Оленева. – Москва: ЛЕНАНД, 2016. – 432 с.
202. Alba-Juez, L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation / L. Alba-Juez // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 43-55. – DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-43-55.
203. Blakemore, D. Understanding Utterances / D. Blackmore. – Oxford: Blackwell, 1992. – 204 p.
204. Blommaert, J. Context and its complications / J. Blommaert, L. Smits, N. Yacoubi // The Cambridge Handbook of Discourse Studies / eds. A. De Fina & A. Georgakopoulou. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – P. 52-69. – DOI 10.1017/9781108348195.004.
205. Borg, E. Local vs. global pragmatics / E. Borg // Inquiry. – 2017. - № 60(5) – P. 509-516. DOI: 10.1080/0020174X.2016.1246862
206. Burleson, B. R. The Nature of Interpersonal Communication: A Message-Centered Approach / B. R. Burleson // The Handbook of Communication Science / C. Berger, M. Roloff, D. Roskos-Ewoldsen (Eds.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. – DOI:10.4135/9781412982818.n9.
207. Cap, P. Pragmatics, micropragmatics, macropragmatics / P. Cap // Lodz Papers in Pragmatics. – 2010. – №6 (2). – Pp. 195-228. – DOI: 10.2478/v10016-010-0011-0.
208. Chouliaraki, L., Fairclough, N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis / L. Chouliaraki, N. Fairclough // Journal of English

linguistic. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – Vol. 29. – No. 2. – pp. 183-189. – DOI: 10.1177/00754240122005305.

209. Clayman, S., Heritage, J., *The News Interview: Journalists and Public Figures on the Air* / S. Claymen, J. Heritage // *Studies in Interactional Sociolinguistics*. – Cambridge, 2002. – No. 16. – P. 372.

210. Cook, G. *Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind* / G. Cook. – Oxford University Press, 1994. – 285 p.

211. Davis, S., (Ed.) *Pragmatics: A Reader* / S. Davis. – New York: Oxford University Press, 1991. – 595 p.

212. Dijk, van T. A. Editorial: *Analysing Discourse Analysis* / T.A. van Dijk // *Discourse & Society*. – 1997. – № 8(1). – P. 5–6. – DOI: 10.1177/0957926597008001001.

213. Dynel, M. *Implicitness. From lexis to discourse* / M. Dynel, P. Cap (Eds.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. – 306 p.

214. Fairclough, N. *Political discourse in the media: analytical framework* / N. Fairclough // Bell, A., Garret, P. (Eds.), *Approaches to Media Discourse*. Blackwell, Oxford, 1998. - P. 142–162.

215. Fetzer, A. *Political discourse as mediated and public discourse* / A. Fetzer, E. Weizman // *Journal of Pragmatics* - 2006 - № 38. – p. 143–153.

216. Fetzer, A. *The dynamics of discourse: Quantity meets quality* / A. Fetzer // *Implicitness. From lexis to discourse* / M. Dynel, P. Cap (Eds.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 235-257.

217. French, M. *Is Anybody out There?: Understanding Masspersonal Communication through Expectations for Response across Social Media Platforms* / M. French, N. N. Bazarova // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2017. – Volume 22. – Iss. 6. – P. 303–319. – DOI.10.1111/jcc4.12197.

218. Golev, N. D. *Variability of news interpretation in political discourse (a case study of the Internet materials covering the 2014 and 2018 Winter Olympic Games)* / Golev N. D., Kim L. G., Saveleva I. V. // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2021. – T. 14. – № 4. – P. 568-583.

219. Harris, Z. *Discourse analysis* / Z. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–30.

220. Kabát, M. *Web as a medium of masspersonal communication* / M. Kabát, J. Kovalčík // *QUAERE2012: recenzovaný sborník příspěvků interdisciplinární mezinárodní vědecké conference doktorandů a odborných asistentů: 14.-18.května, 2012. – HradecKrálové, Českárepublika. – Vol.II.-HradecKrálové: MAGNA NIMITAS*.

221. Levinson, S. *Pragmatics* / S. Levinson. – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1983. – 420 p.

222. Lyons, W.E. *Approaches to intentionality* / W. E. Lyons. – Oxford: Claredon Press, 1995. – 261 p.

223. Malinowski, B. *The problem of meaning in primitive languages* / B. Malinowski // *Supplement to Ogden, C.K. and Richards, I.A. The meaning of meaning*. – Harcourt, Brace & World, Inc., New York, 1923. Pp. 296 – 336.

224. Mey, J. L. *Pragmatics: an Introduction* / J. L. Mey. – Oxford: Blackwell, 1993. – 357 p.
225. Morris, Ch. W. *Foundations of the Theory of Signs* / Ch. W. Morris. – University of Chicago Press, Cambridge University Press, 1938. – 59 p.
226. Morris, Ch. W. *On the unity of the pragmatic movement* / Ch. W. Morris. – *Rice University studies*. – 1965. – Vol. 51. – No. 4. – P. 109-119.
227. O'Sullivan, P. B. *Masspersonal communication: A model bridging the mass-interpersonal divide* / P. B. O'Sullivan, C. T. Carr // *New Media & Society*. – 2018. – № 20 (3). – P. 1161-1180. – DOI:10.1177/1461444816686104.
228. O'Sullivan, P. B. *Masspersonal Communication: Rethinking the Mass-Interpersonal Divide* / P. B. O'Sullivan // *The annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York, New York City, NY*. http://www.allacademic.com/meta/p14277_index.html.
229. *Pragmatics* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/pragmatics/>
230. Saussure, L. de *Procedural pragmatics and the study of discourse* / L. de Saussure // *Pragmatics and Cognition*. – 2007. – № 15/1 (special issue, „Pragmatic Interfaces“). – P. 139-160.
231. Scollon, R. *Mediated Discourse as Social Interaction: A Study of News Discourse* / R. Scollon. – Longman, 1998. – 315 p.
232. Schiffer, S. *Intention and Convention in the Theory of Meaning* / S. Schiffer // *A Companion to the Philosophy of Language* / B. Hale, C. Wright and A. Miller (Eds.) – 2nd Edition. – John Wiley & Sons, Ltd, 2017. – P. 49-72.
233. Senft, G. *Understanding pragmatics* / G. Senft. – London, Routledge, 2014. – 221 p.
234. Senft, G. *Pragmatics* / G. Senft // *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*. Klaus Bruhn Jensen and Robert T. Craig (Editors-in-Chief), Jefferson D. Pooley and Eric W. Rothenbuhler (Associate Editors). – John Wiley & Sons, Inc., 2016. – DOI: 10.1002/9781118766804.wbiect165.
235. Truan, N. *Review of: Marta Dynel & Piotr Cap (2017), Implicitness. From lexis to discourse* [Electronic resource] / N. Truan. – 2018. – URL: [ffhal-01845109](https://doi.org/10.1177/1461444818766804).
236. Van Zounen, L. *False Consciousness and Media Effects* / L. Van Zounen // *The International Encyclopedia of Media Effects*. Eds. P. Rossler, C. Hoffner, L. Van Zounen. – Wiley & Sons, 2017. – P. 564–580.
237. Verschueren, J. *Understanding pragmatics* / J. Verschueren. – London: Edward Arnold / New York: Oxford University Press, 1999. – 309 p.
238. Wodak, R. *The discourse of politics in action: Politics as usual*. – Palgrave Macmillan, 2009. – 268 p.
239. Yule, G. *Pragmatics* / G. Yule. – Oxford, UK: Oxford University Press, 1996. – 138 p.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ ИСТОЧНИКОВ

1. В Кремле работают над ответными мерами на расширение НАТО к границам России медиакампанию [Электронный ресурс] // RT на русском. – 08 июня 2017г. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/397843-kreml-nato-granica>.
2. В МИД удивились словам Коно о "резких высказываниях" на встрече с Лавровым [Электронный ресурс] // РИА. Новости. – 10 мая 2019г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190510/1553403472.html>.
3. В США заявили о риске войны с Россией из-за Белоруссии [Электронный ресурс] // РИА. Новости. – 19 октября 2021г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211019/voyna-1755286493.html>.
4. В Чехии решили пересмотреть отношения с Россией [Электронный ресурс] // РИА. Новости. – 21 октября 2021г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211021/chekhiya-1755501975.html>.
5. Вразумить Иран и США сможет только Путин, считает американский эксперт [Электронный ресурс] // Рамблер. Новости. – 04 января 2020. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/world/43453043-vrazumit-iran-i-ssha-smozhet-tolko-putin-schitaet-amerikanskiy-ekspert/>.
6. Горшенин, К., Полетаева, П. Борьба с историей: в Польше предложили начать посвящённую Второй мировой войне медиакампанию [Электронный ресурс] // RT на русском. – 12 февраля 2020. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/714214-polsha-voina-mediakampaniya-rossiya>.
7. Госдеп прокомментировал сообщения СМИ о "вторжении" России на Украину [Электронный ресурс] // РИА. Новости. – 22 ноября 2021г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211122/gosdep-1760260006.html>.
8. Духанова, П. Медведева, А. Европейский «спаситель»: как Польша продвигает повестку об «угрозе с Востока» среди стран ЕС [Электронный ресурс] // RT на русском. – 22 ноября 2021. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/930278-polsha-ugroza-vostok>.
9. Маслова, В. Расширение географии: коронавирус начал распространяться по Европе [Электронный ресурс] // RT на русском. – 21 февраля 2020. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/722004-koronavirus-rasprostranenie-italia-iran>.
10. Украина изменила Конституцию ради вступления в НАТО и Евросоюз [Электронный ресурс] // Newsland. – 08 февраля 2019. – Режим доступа: <https://newsland.com/user/4298131646/content/ukraina-izmenila-konstitutsiiu-radi-vstupleniia-v-nato-i-evrosoiuz/6643075>.
11. A Guide to the Case For and Against Removing Trump [Electronic resource] // The New York Times. – 22 January 2020. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/01/22/us/politics/impeachment-articles-arguments.html>.
12. Banner, K. Meadows Pressed Justice Dept. to Investigate Election Fraud Claims [Electronic resource] // The New York Times. – 05 June 2021. – URL:

<https://www.nytimes.com/2021/06/05/us/politics/mark-meadows-justice-department-election.html?searchResultPosition=1>.

13. Bump, Ph. Rhetoric or obliviousness? Biden predicts a post-Trump 'epiphany' for GOP [Electronic resource] // The Washington Post. – 14 May 2019. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/05/14/is-bidens-prediction-republican-post-trump-epiphany-campaign-rhetoric-or-obliviousness/>.

14. Collinson, S. Analysis: Donald Trump is in full attack mode as Joe Biden celebrates a victory that eluded him [Electronic resource] // MSN News-US. – 15 November 2021. – URL: <https://www.msn.com/en-us/news/politics/analysis-donald-trump-is-in-full-attack-mode-as-joe-biden-celebrates-a-victory-that-eluded-him/ar-AAQHZpK#comments>.

15. Koffler, K. Battered Biden under siege as crises confound the White House [Electronic resource] // Fox News. – 12 May 2021. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/biden-israel-mexican-border-colonial-pipeline>.

16. Levine, J. Biden received funds from top Russia lobbyist before Nord Stream 2 giveaway [Electronic resource] // Fox News. – 29 May 2021. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/biden-received-funds-from-top-russia-lobbyist-before-nord-stream-2-giveaway>.

17. McFall, C. US, Germany threaten Russia with sanctions if Nord Stream 2 pipeline is used as a 'weapon' The warning came just hours after the US and Germany announced a deal to permit completion of the pipeline [Electronic resource] // Fox News. – 21 July 2021. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/us-germany-threaten-russia-with-sanctions-if-nord-stream-2-pipeline-is-used-as-a-weapon>.

18. НИ предупредил Европу о расплате за "Северный поток – 2" [Электронный ресурс] // РИА. Новости. – 12 августа 2021г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210812/potok-1745417393.html>.

19. Pompeo says UN Human Rights Council hits 'new low' with anti-US resolution on race, police [Electronic resource] // Fox News. – 20 June 2020. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/pompeo-un-human-rights-council-race-police>.

20. Trump calls the US 'a radicalized mess' in a statement defending Steve Bannon [Electronic resource] // The New York Times. – 15 November 2021. – URL: <https://www.msn.com/en-us/news/politics/trump-calls-the-us-a-radicalized-mess-in-a-statement-defending-steve-bannon/ar-AAQHG8h>.

Научное издание

Савельева Ирина Викторовна

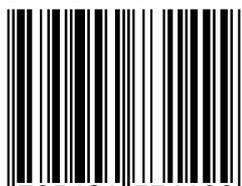
**Непрофессиональный политический дискурс:
лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты**

Монография

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
<https://publishing.intelgr.com>
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63

Подписано в печать 20.12.2021
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 8,7 печ.л. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6047314-9-9

9 785604 731499